

Е. П. ИЛЬИН

**ПСИХОЛОГИЯ
и ФИЗИОЛОГИЯ**
СОЮЗ или КОНФРОНТАЦИЯ?

Исторические очерки

Евгений Ильин

**Психология и физиология.
Союз или конфронтация?
Исторические очерки**

«Реноме»

2020

УДК 159.91
ББК 88.23

Ильин Е. П.

Психология и физиология. Союз или конфронтация? Исторические очерки / Е. П. Ильин — «Реноме», 2020

ISBN 978-5-00125-367-9

Ильин Евгений Павлович (20 марта 1933) – доктор психологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, заслуженный деятель науки РФ; специалист в области общей и дифференциальной психофизиологии, психологии физического воспитания и спорта; автор более двухсот научных публикаций, в том числе пятнадцати учебных пособий и монографий. Предлагаемая книга посвящена основным вопросам взаимоотношений психологии и физиологии, которые описаны через раскрытие психологических теорий в свете учения о высшей нервной деятельности с привлечением основных дискуссий на эту тему среди отечественных и зарубежных психологов и физиологов. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 159.91

ББК 88.23

ISBN 978-5-00125-367-9

© Ильин Е. П., 2020

© Реноме, 2020

Содержание

О труде и личности Е. П. Ильина (штрихи к портрету)	6
Предисловие	10
Введение	13
Раздел первый. Рефлекторная теория и психология	17
Глава 1. Мозг и психика[3]	17
1.1. Мозг как орган психической деятельности	17
1.2. Зарождение рефлекторной теории	18
Глава 2. И. М. Сеченов и рефлекторная концепция работы мозга	25
2.1. «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова	26
2.2. «Кому и как разрабатывать психологию»	40
2.3. Поздние представления И. М. Сеченова о соотношении физиологии и психологии	50
2.4. Отношение к учению И. М. Сеченова его современников и последующих поколений ученых	53
Глава 3. Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и психология	61
3.1. Стремление И. П. Павлова к объективному изучению психических явлений с помощью условных рефлексов	63
3.2. Речь и мышление в свете представлений И. П. Павлова о второй сигнальной системе	79
3.3. Представления И. П. Павлова о произвольности движений	83
3.4. Попытки И. П. Павлова отождествить с рефлексами социальное поведение	87
3.5. И. М. Сеченов и И. П. Павлов	91
Глава 4. Стремление психологов конца XIX – начала XX века к объективному изучению поведения	94
4.1. От ментализма к функционализму	94
4.2. Коннекционизм Э. Торндайка	97
4.3. Бихевиоризм как попытка объективного изучения поведения	100
4.4. Реактология К. Н. Корнилова	106
Глава 5. Отношение И. П. Павлова к психологии	110
5.1. Критический взгляд И. П. Павлова на психологию как науку	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Е. П. Ильин
Психология и физиология: союз или
конфронтация? Исторические очерки

© Ильин В. Е., 2020

© Оформление. ООО «Реноме», 2020

* * *

Евгений Павлович Ильин (1933–2015)

О труде и личности Е. П. Ильина (штрихи к портрету)

Монография Евгения Павловича Ильина «Психология и физиология: союз или конфронтация?» первоначально была издана в 2007 г. в Челябинске как исторические очерки в двух томах. Том 1 посвящен рефлексивным теориям, том 2 – философии физиологии ВНД.

Роль этого фундаментального труда, скромно названного Е. П. Ильиным «историческими очерками», в том, что на основе сделанного автором блестящего анализа исследований по изучению человека, выполненных психологами и физиологами, анализа их достижений и ошибок показан вектор дальнейшего развития современной научной и практической психологии. Несомненно, что изучение этого труда психологами избавит их от многих теоретических и практических ошибок. В этой связи оцифровка и переиздание данного труда, выполненные по инициативе А. К. Дроздовского – ученика и соратника Е. П. Ильина, имеют очевидную пользу для студентов и аспирантов факультетов психологии, ибо издание может использоваться в качестве учебного пособия по дисциплинам: «Психофизиология», «Физиология ВНД», «История психологии», «Общая психология».

В этой книге Е. П. Ильин в доступной и понятной форме рассматривает сложные проблемы взаимодействий и рассогласований между психологией и физиологией, образующиеся на стыке между этими науками, раскрывает механизмы взаимосвязей физиологического и психического, традиционно считающиеся очень сложными при их несомненной актуальности для науки и практики. В книге проявляется умение Е. П. Ильина представлять сложные явления во внешне простых научных концепциях, в лаконичных и четких их описаниях.

Е. П. Ильину также было присуще редкое умение органично соединять научные знания и наблюдаемые жизненные проявления психического и, таким образом, умение обсуждать самые сложные аспекты поведения человека. Например, когда проблема индивидуального стиля деятельности (ИСД) стал научной модой, когда многие специалисты начали широко использовать концепцию Е. А. Климова (в которой было «позволительно» избирательно реализовывать выборы какого-либо из одного-двух свойств нервной системы или темперамента), Евгений Павлович сформулировал свою концепцию организации и проявлений типологических свойств нервной системы и стал решительно настаивать на необходимости изучения проявлений именно комплекса типологических свойств. Так же четко и решительно Евгений Павлович развел возможные варианты адаптации человека к требованиям деятельности. Вместо обычных обобщающих констатаций («с одной стороны... с другой...», «все в совокупности...», «...и ... и...») он заявляет, что в формировании своего ИСД человек следует одному из вариантов: стремление к эффективности деятельности, к психологическому комфорту, к компромиссному варианту, к сочетанию двух тенденций. Также и в отношении максимы «ИСД компенсирует недостаточное развитие способностей» он категорично заявлял, что ИСД способствует проявлению способностей, но не компенсирует их недостаточное развитие.

Умение просто писать о сложнейших проблемах взаимодействий и рассогласований между психологией и физиологией основано на фундаментальных знаниях Е. П. Ильина как в области психологии, так и в области физиологии. Глубокому знанию физиологии способствовало базовое медицинское образование Евгения Павловича. Физиологические свойства он стал изучать и описывать еще в начале своего научного творчества, будучи студентом Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института. В 1957 году Е. П. Ильин блестяще защитил дипломную работу по физиологии и получил диплом врача. Важно подчеркнуть, что глубокие знания физиологии, биологии, анатомии, морфологии человека, полученные Е. П. Ильиным в процессе базового медицинского образования, явились основой его дальнейших психофизиологических и психологических трудов, что подчеркивал сам Евгений Павлович. Медицинское образование, увлечение в молодости спортом, занятия в группе выдающегося

тренера В. И. Алексеева, устойчивый интерес к спорту на протяжении всей жизни позволяли Евгению Павловичу легко преодолевать многие иллюзии, сопровождающие ученых при изучении ими проблемы стиля деятельности. Вместе с тем он видел и изучал множество действительных проявлений типологических свойств в спортивной деятельности. Например, в спортивных играх – в большей или меньшей успешности в начале, середине, конце встречи, при успешной игре, при проигрываемой, при выполнении штрафных бросков в баскетболе; в циклических видах – в раскладе сил при прохождении дистанции; в фехтовании – в выборе оружия и т. д.

Решению проблемы взаимосвязей физиологического и психического уделено большое внимание в многочисленных статьях Е. П. Ильина и сотрудников созданной в 1970 году и беспрерывно возглавляемой им лаборатории психофизиологии физического воспитания в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (ЛГПИ, сегодня – Российский государственный педагогический университет, РГПУ). Судя по «Библиографическому указателю» работ сотрудников этой лаборатории, опубликованному в Ереване в 1981 году, за первые десять лет деятельности лаборатории ее сотрудниками опубликовано 211 работ, 56 из которых (в том числе – 25 в соавторстве) принадлежат Е. П. Ильину. Большинство этих работ посвящено исследованиям различных аспектов взаимосвязей физиологического и психического в физической культуре и спорте.

По современным представлениям физиологическое составляет фундамент психологической структуры личности, а связующим звеном между физиологическим и психологическим являются психофизиологические свойства. Характерно, что психофизиологическим свойствам в творчестве Евгения Павловича уделено особое место. Об этом свидетельствуют его многочисленные труды, а также осуществленные под его руководством работы учеников и сотрудников. Примерами отличных работ по психофизиологии служат первые книги Е. П. Ильина: «Изучение свойств нервной системы» (1978), «Методические указания к практикуму по психофизиологии (экспресс-методы при изучении свойств нервной системы)» (1979) и др., а также многие статьи. Психофизиологическим свойствам посвящены и более поздние фундаментальные книги Е. П. Ильина: «Дифференциальная психофизиология» (2001), которую он считал одной из важнейших в своем творчестве, «Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины» (2002), а также классические труды по психофизиологии физического воспитания и спорта – «Дифференциальная психофизиология физического воспитания и спорта» (1979), «Психофизиология физического воспитания (деятельность и состояния)» (1980), «Психофизиология физического воспитания (факторы, влияющие на эффективность спортивной деятельности)» (1983) и др. Эти книги многократно переиздавались, что свидетельствует о широком их признании и большой популярности. С подробным перечнем книг Евгения Павловича читатель может ознакомиться при прочтении статьи Ю. А. Цагарелли: «Труды Е. П. Ильина как энциклопедия современной психологии», размещенной в конце монографии. Там же читатель найдет статью А. К. Дроздовского «Инновационный потенциал двигательных методик Е. П. Ильина для измерения свойств нервной системы человека». Эти публикации предваряет вступительная статья главного редактора журнала «Психология человека в образовании» Л. А. Цветковой в выпуске, посвященном памяти Евгения Павловича Ильина.

Ярко проявляется в книге и незаурядная научная смелость Е. П. Ильина. Единственным авторитетом для него является научная истина, а не «весовая категория» того или иного ученого, пусть даже с мировым именем. Так, в 1-м томе данной книги Евгений Павлович показывает классический образец научного анализа трудов таких корифеев, как И. М. Сеченов, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, Э. Торндайк, Д. Уотсон. Он четко показывает не только их достижения, но и их ошибки и перегибы с указанием причин. При этом Е. П. Ильин мастерски раскрывает внутренние противоречия во взглядах того или иного ученого, которые нередко обусловлены эволюцией таковых. В этом отличие научного почерка Евгения Павло-

вича от многих авторов курсовых и дипломных работ, диссертаций и публикаций, соглашающихся со всеми положениями всех цитируемых авторитетов, несмотря на имеющиеся в этих положениях очевидные противоречия.

Если всмотреться в особенности «интеллектуальной лаборатории» ученого, можно заметить органичную его связь с жизнью, способность видеть и понимать действительность в ее проявлениях, а не только лишь в ее изложении на бумаге – в научных статьях и книгах. Вслед за И. Ньютоном он мог бы сказать: «Теорий не измышляю!» В целом Евгения Павловича как ученого и преподавателя отличали умение конструктивно и непротиворечиво интерпретировать сложные психологические явления, органично соединять «части» в «целое», доступно и ясно излагать свою позицию в науке, легко генерировать идеи и строить научные концепции, интегрировать множества разных проявлений поведения и деятельности людей в целостные симптомокомплексы с описанием их детерминации и перспектив эволюции.

И еще важная особенность его «интеллектуальной лаборатории» – стремление все систематизировать. Он покупал и выписывал множество журналов, собирал вырезки из журналов и газет, все классифицировал и аккуратно вклеивал в отдельные альбомы. «Будучи еще аспирантом, – вспоминает В. А. Сальников, – помогал ему в переезде на новую квартиру, меня удивило большое количество хорошо упакованных коробок, сначала подумал, что это какие-то редкие книги, так как остальные были связаны без обертки. В последующем все-таки заинтересовался, Евгений Павлович сказал: “Все просто, это моё хобби молодости – я собрал более шести тысяч открыток, при этом ни разу не купил повторно отдельную открытку, встречалось это, только когда приобретал в наборе”». Все интересные факты и информацию он стремился приводить в естественное соответствие между «собой» и «окружением». Таким образом он обеспечивал себе целостное восприятие действительности, более глубокое и цельное, чем на это «уполномочивали факты», им подмечаемые.

Отличался Евгений Павлович целеустремленностью, упорством в достижении научной и практической цели. Казалось бы, на фоне недостатка методик в изучении индивидуально-психологических различий валидные и доступные методики Е. П. Ильина должны были быстро получить широкое признание и использование. Однако не тут-то было. Потребовалось время, чтобы его ученики набрали большой материал, который показал надежность, валидность и достоверность этих, можно сказать, классических методик.

При первом же знакомстве, а тем более в ходе последующего общения складывалось впечатление о Евгении Павловиче как о человеке, увлеченном своими идеями и довольно откровенно высказывающем свое отношение к той или иной идее другого автора. В то же время он отличался общительностью и доступностью. Уже в молодости Е. П. Ильин обладал очень широким кругозором. Так, заведующая библиотекой Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры (ЛНИИФК) с восторгом рассказывала, что на викторине, посвященной творчеству художников России и мира, аспирант Ильин правильно охарактеризовал практически все выставленные картины с указанием музея, в котором хранится та или иная работа.

Профессиональная научная и педагогическая увлеченность Е. П. Ильина органично сочеталась с личностной увлеченностью. Он с увлечением болел за любимую футбольную команду – ленинградский «Зенит», с увлечением играл в шахматы и настольный теннис. При этом был явно неравнодушен к проигрышам, но никогда не переносил досаду за проигрыш на взаимоотношения.

И еще, быть может, самое важное, что отличало этого ученого – колоссальная работоспособность и преданность делу. Евгений Павлович был образцом во многих отношениях – как человек, как мужчина, как ученый, как преподаватель, как наставник молодых и начинающих свой путь в науке. Мы, его ученики, благодарны судьбе за то, что она свела нас с этим заме-

чательным, энциклопедически образованным, увлеченным Человеком, Ученым и Учителем, которому мы во многом обязаны нашими научными достижениями.

В заключение приведем пожелание Евгения Павловича Ильина своим ученикам: «Ищите свою нишу в научном поиске и это позволит вам подняться выше!»

Водопьянова Наталия Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: vodop@mail.ru

Сальников Виктор Александрович, доктор педагогических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; e-mail: viktor.salnikov1@yandex.ru

Толочек Владимир Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии института психологии Российской академии наук; e-mail: tolochek@psychol.ras.ru

Цагарелли Юрий Алексеевич, доктор психологических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, генеральный директор Международного научно-производственного объединения «Акцентор»; e-mail: yutsagarelli@yandex.ru

Предисловие

Эта книга преследует цель показать причины сложных, а иногда и неприязненных взаимоотношений психологии с физиологией, несмотря на необходимость и неизбежность взаимодействия между этими науками. Молодое поколение психологов (да и, наверное, физиологов) вряд ли имеет представление о том, что происходило в той и другой науке и каковы были их взаимоотношения в 20–40-х годах и даже в 50–70-х годах минувшего столетия. Ведь публикации тех лет стали библиографической редкостью, а то, что написано в книгах по истории психологии, раскрывает вопрос о взаимоотношениях психологии с физиологией явно недостаточно и во многом в искаженном виде, вследствие идеологической политики, проводившейся в советское время.

Психология в СССР, так и не успев родиться как наука, не успев создать собственную методологическую базу, была живьем проглочена философией и «почила в Бозе». Этому мертворожденному дитяте начали навязывать политизированные мифы и сказки «психофилософов» уже нашего времени. А это в свою очередь повлияло и до сих пор влияет на нормальное становление современной научной психологии, так нужной для каждого из людей и для всего человечества в целом.

Для психологов в СССР, хотя больше для философствующих, был один общий корень их размышлений: втиснуть все многообразие поведения человека, индивида и личности, идеальное и материальное под догмы марксизма-ленинизма. И это стало еще отчетливее видно после углубления и так имевшего место кризиса советской психологии, вызванного «демократизацией» и потоком супермодных, но научно бесплодных идей и концепций с Запада...

[Аракелов, 1996, с. 80].

Мне могут сказать: зачем ворошить старое; что было, то быльем поросло. Сейчас же вроде никто не возражает против того, чтобы психология и физиология контактировали друг с другом. Так-то оно так. Но, во-первых, как быть с исторической истиной? Разве не нужно знать молодому поколению психологов и физиологов, к чему может приводить стремление науки обслуживать ту или иную идеологию или упорно защищать «честь мундира» той или иной научной школы, стремящейся захватить всю территорию изучения работы мозга и поведения человека и животных? Во-вторых, разве не нужно знать, как и почему развивалась та или иная идея, в частности о необходимости содружества психологии и физиологии? Ведь был период, когда они не имели друг с другом никаких контактов, так как физиология вышла из медицины, а психология – из философии. Да и до сих пор время от времени возникают дискуссии о взаимоотношениях психологии с физиологией, снова задается вопрос: размежевание или сотрудничество? Разве не важно выяснить причины существующего до сих пор непонимания друг друга этими науками, делающими одно общее дело?

Исследование физиологии высшей нервной деятельности чрезвычайно интересовало коммунистов, нуждавшихся в подтверждении своей идеологической основы – диалектического материализма. Материальная основа психической деятельности интересовала большевиков с точки зрения возможности манипулирования общественным сознанием. Недаром «главный идеолог партии» Н. И. Бухарин, в последние годы жизни И. П. Павлова по

заданию партийного руководства вошедший в доверие к Ивану Петровичу, говорил в некрологе о нем: «Павлов наш целиком».

[И. П. Павлов: *достоверность и полнота биографии*. СПб.: Росток, 2005. С. 10].

Есть и еще одно не менее важное обстоятельство, побудившее меня написать эту книгу. Прочтение научных трудов И. М. Сеченова и И. П. Павлова и оценка их вклада в изучение психической деятельности долгое время происходили, да подчас и сейчас происходят, в соответствии с идеологическими установками, заданными в советское время сверху. Высказанные этими учеными гипотезы принимались и принимаются до сих пор за уже доказанные факты, или им приписывается то (в соответствии с идеологическими установками), о чем они не думали и не говорили. Например, Павлова объявляли сторонником диалектического материализма, чему он немало удивлялся, так как имел о нем весьма слабое представление. Естественно, при этом «не замечались» и огрехи, имевшие место в рассуждениях этих ученых, слабая доказательность и спорность ряда высказанных ими положений. На фоне чрезмерного возвышения павловского учения недостаточное внимание уделялось открытиям петербургской университетской физиологической школы, их роли для объяснения психической деятельности человека. Работы же бехтеревской школы после павловской сессии 1950 года вообще замалчивались. О врожденности способностей писать было нельзя, а генетика была объявлена «проституткой империализма». Идеологизированной была и психология, которая рассматривала поведение человека в основном с позиций ленинской теории отражения и теории деятельности. Все это привело к искаженному пониманию роли физиологии для развития психологической науки.

В связи с этим появилась необходимость, освободившись от идеологических шор и давления авторитета имен наших корифеев физиологии и психологии, еще раз прочитать их труды и показать их истинное отношение к взаимодействию этих наук. Это вынудило меня прибегнуть при написании этой книги к обильному цитированию высказываний известных ученых, чтобы читатель сам мог вынести суждение о том, что они думали и писали в своих работах по поводу соотношения психологии и физиологии.

Уже по оглавлению легко заметить, что основное внимание я уделил отечественным психологии и физиологии, так как именно в нашей стране вмешавшаяся в науку идеология неоднократно создавала конфликты между этими научными дисциплинами. Поэтому всемирная острота проблемы, не угасшая до сих пор, наиболее выпукло может быть показана именно на нашей, отечественной науке.

Мое становление как ученого началось в физиологии в 50-х годах, поэтому я пережил и стадию слепой веры в учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, и стадию негативного отношения к представлениям Н. А. Бернштейна и П. К. Анохина, хотя весьма смутно представлял себе, что они проповедовали. Разделял я и пренебрежительное отношение физиологов к психологии, пока волею судьбы в 1963 году я не попал в лабораторию инженерной психологии ЛГУ и не стал психологом. В силу своих физиологических корней у меня нет никакого негативного отношения к физиологической науке. Наоборот, я считаю, что без физиологии психология во многих своих разделах мертва. И когда я буду критиковать те или иные представления физиологов, прошу читателя не рассматривать это как предвзятое брюзжание психолога о физиологии. Точно так же и критику психологии и некоторых психологических представлений не нужно рассматривать как высокомерное отношение физиолога (правда, бывшего) к психологии. Для меня одинаково важны и любимы и та и другая наука.

По своему характеру эта книга ближе к историческим очеркам о взаимоотношениях психологии с физиологией. Поэтому сразу хочу предупредить читателя, взявшего в руки эту книгу, что он не найдет в ней разрешение философского вопроса о соотношении физиологического и психологического. Такой цели я не преследовал, поэтому могу полностью подписаться под тем,

что сказал ученик И. П. Павлова академик Л. А. Орбели во время доклада, сделанного в 1945 году на научной конференции психологического отделения философского факультета ЛГУ: «Тема моего доклада может быть понята различно: можно вложить в нее исключительно философское содержание и после многих сотен попыток, уже сделанных другими, сделать еще одну попытку разрешить труднейшую задачу уяснения взаимоотношений психического и физического мира. Однако эта задача не входит... в мои намерения. ...Как представитель экспериментальной науки я хотел бы подойти к этому вопросу с чисто практической научной стороны и показать, в каких взаимоотношениях должны сейчас стоять эти две дисциплины, для того чтобы по возможности приблизить нас к точному и полному познанию психики человека» [1964а, с. 251].

Введение

Психология и физиология изучают один и тот же объект – человека и одни и те же проблемы – его эмоции, волю, состояния, функциональную асимметрию, темперамент, поведение и т. д., только с разных сторон: одна – с внешней, другая – с внутренней. И для того чтобы решить эти проблемы, необходимо содружество этих наук, а не высокомерное и ревностное отношение друг к другу – как бы кто не залез не в свою вотчину. Иначе получится как в индусской притче о слепых, которые, ощупывая слона, так и не узнали, кто перед ними, потому что один принял ногу за столб, другой принял хобот за шланг и т. д.

Изоляция какой-либо дисциплины есть верный показатель ее ненаучности.
[Бунге, 1990].

Взаимоотношения психологии с физиологией и – в более широком плане – с биологией имеют давние традиции. Уже несколько столетий делаются попытки объяснить психическое физиологическим, т. е. закономерностями работы нервной системы. В этом вопросе достигнуто существенное продвижение. Признано, что психика является результатом работы головного мозга, но при этом имеет и свою, отличную от физиологии специфику. Однако остается проблема психофизического параллелизма, т. е. в каком соотношении находятся психическое и физическое (физиологическое).

Прогрессивная тенденция к сближению физиологии высшей нервной деятельности и психологии, наметившаяся еще на Всесоюзном съезде по изучению поведения человека в Ленинграде в 1929 г., неуклонно прокладывала себе дорогу и в конкретных физиологических и психологических исследованиях и на специальных совещаниях. Их было несколько на протяжении минувших 33 лет, но на каждом из них, и особенно на Объединенной сессии двух Академий в 1950 г., посвященной изучению физиологического наследия И. П. Павлова, несмотря на недостатки этой сессии, все более четко определялись позиции каждой из этих областей знания и их ограничительные линии. Вначале психологи побаивались брака между физиологией и психологией, к которому склонял обе науки И. П. Павлов, не без оснований опасаясь, что физиология задушит в своих объятиях психологию. Но вскоре эти опасения исчезли, и между физиологией и психологией установилось мирное сосуществование, от которого выигрывают обе науки.

[Колбановский, 1963, с. 602–603].

На первый взгляд, за прошедшие десятилетия достигнуто понимание того, что между психологией и физиологией необходимы контакты. Но понимают ли физиологи психологов, а психологи – физиологов? Не является ли союз между этими науками больше декларацией, чем реальностью? Почему, например, психологи лишь в редких случаях участвуют в съездах и конференциях физиологов, и наоборот, физиологи, изучающие поведение человека, как правило, игнорируют съезды и конференции психологов?¹

---

¹ Это равнодушие друг к другу, а порой и открытая конфронтация, имеет давнюю традицию. Еще И. М. Сеченов пытался провести дискуссию с психологами гербартовской школы во время своего пребывания в Германии. Однако ни там, ни в России дискуссии не состоялись, что немало удивляло Ивана Михайловича, так как он показал психологам возможность приложения физиологических знаний к предмету их занятий.

Среди стадий механодетерминистического объяснения психики... выделяются пять. Первая представлена концепцией «организм – машина». Она зародилась у испанского врача Перейры и приобрела классическую форму у Декарта. Конкретно-причинное объяснение получили на этой стадии сенсорные и рефлекторные процессы.

На второй стадии на смену формуле «человек – полумашина» приходит другая формула – «человек – машина». Она не означала отождествления поведения человека с работой технических устройств (автоматов). За организмом человека признавались особые психические свойства (включая мыслительные и нравственные акты). Таковы концепции Гартли и Ламеттри. Третья форма, сохраняя механистический подход, придала модели психической деятельности принцип развития, включила ее в контекст эволюции животного мира (Дидро, Ламарк). Четвертая форма сложилась под знаком господства «анатомического начала» и обусловила исследование зависимости психики от особенностей строения организма. Пятая сложилась в период, когда под впечатлением открытия закона сохранения энергии укрепились редуccionистские воззрения, согласно которым психические процессы детерминируются физико-химическими реакциями в нервных клетках. Соответственно, и историческая трактовка психологических воззрений благодаря их приурочиванию к различным стадиям становится дифференцированной, а не ограничивается общим положением об их обусловленности механистической схемой.

[Ярошевский, 1981, с. 148].

Чтобы показать необходимость не декларативного союза между психологией и физиологией, а реального, необходимого в учебной и научной деятельности, приведу несколько примеров.

Пример первый. Когда в 9-м классе школы (это было в 1949 году) ввели как учебный предмет психологию, учительница задала нам на дом задание – выбрать какую-нибудь тему и написать по ней на одну страничку что-то вроде сочинения. Я выбрал память. Списав с учебника Б. М. Теплова кое-что о памяти, я в конце сочинения решил проявить собственное творчество и сделал следующую приписку: «Почему все, что касается спорта, я запоминаю очень хорошо, а все, что касается психологии, – плохо?». За сочинение я получил тройку, а вместо ответа на свой вопрос я прочел реплику учительницы примерно следующего содержания: «Зачем задавать дурацкие вопросы? Неужели и так непонятно!» Да, мне было непонятно, и, как оказалось, не только мне, но и самой учительнице, потому что она, очевидно, плохо знала физиологию и учение А. А. Ухтомского о доминанте.

Пример второй. Однажды один из видных отечественных психологов объективности ради отдал физиологам на рецензирование подготовленный им сборник научных работ. Физиологи сделали психологам ряд серьезных замечаний. При обсуждении этих замечаний авторами статей с рецензентами обнаружилось явное непонимание психологами претензий физиологов. Я, например, работавший в то время в физиологической лаборатории, в беседе с психологом, написавшим, что у детей до семи лет отсутствует поле зрения, безуспешно пытался доказать, что физиологически это невозможно. Однако статья так и вышла с нелепым утверждением автора, а редактор сборника с возмущением заявил, что больше он с физиологами связываться не будет.

Пример третий. Один психолог, считающий меня своим учителем, решил для ускорения диагностики усовершенствовать разработанные мною кинематометрические методики изучения свойств нервной системы – подвижности и уравновешенности нервных процессов, – совер-

шенно не учитывая те физиологические закономерности, которые легли в основу этих методик. В результате адекватная диагностика этих свойств нервной системы стала невозможной.

Читая работы (отечественных психологов. – *Е. И.*), поражаешься какой-то самоизоляции этих людей от достижений смежных наук, активному нежеланию понимать, как работает мозг, что делается за рубежом их узких интересов.

[*Аракелов, 1996, с. 84*].

И последний пример. Как-то мне пришлось рецензировать рукопись монографии одного физиолога о поведении человека, который весьма вольно, а подчас и безграмотно обращался с психологическими понятиями. И здесь не обошлось без конфликта. Автор обиделся на рецензента, а на редакцию, отклонившую его рукопись, обещал подать в суд.

О чем говорят эти примеры? О том, что, описывая поведение человека, надо не просто формально знать психологам физиологию и физиологам психологию, но и понимать, как и в каких случаях они могут содействовать друг другу в познании человеческого поведения и деятельности. Еще З. Фрейд предупреждал, что преждевременные или случайные экскурсы психологов в область анатомического и физиологического хотя и могут вскрывать психофизические связи как факты, но нисколько не помогут понять что-либо. Можно, с другой стороны, добавить, что и попытка физиологов объяснять психическое, не выходя из рамок выявленных ими физиологических закономерностей, способна только навредить пониманию механизмов поведения человека. Такого рода неудачные вторжения в смежную дисциплину вызывают не только стремление психологии и физиологии отгородиться друг от друга, но и неприязненные отношения.

«Психическое содержание» исследуется представителями как естественных, например физиологии, так и общественных наук, к которым принято относить психологию... Контакты между названными науками, возникающие при решении проблем, представляющих взаимный интерес, часто «искрят», что вызывает у многих физиологов и психологов желание изолировать свою дисциплину, оградить ее от посторонних посягательств. Однако выдающимся психологам уже давно было очевидно, что предпринимаемые как психологами, так иногда и физиологами попытки эмансипировать психологию от физиологии совершенно неправомерны, поскольку предмет психологии – нейропсихический процесс, целостная психофизиологическая реальность, которая лежит в основе всех без исключения психических процессов, включая и самые высшие. Со стороны **психофизиологии** тоже были приведены веские аргументы в пользу того, что самостоятельная, отделенная от психологии физиология не может выдвинуть обоснованную концепцию целостной деятельности мозга.

[*Александров, 2004, с. 7*].

Отражением таких отношений между этими двумя науками явились дискуссии, развернувшиеся в 1950 году на павловской сессии двух академий²; в 1962 году на совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии; в 1971 году в дискуссии «Воспитание и природа» в журнале «Вопросы философии» и в 1989–1990 годах на страницах журнала «Вопросы психологии».

В Советском Союзе все научные теории и учения должны были соответствовать установкам диалектического материализма. Поэтому на ведущие позиции выдвигались те ученые и

---

² Правда, считать павловскую сессию 1950 года дискуссией трудно: на ней проходило уничтожение психологии и той физиологии, которая отклонилась в сторону от магистрального пути, предначертанного И. П. Павловым.

научные теории, которые устраивали коммунистических идеологов. Такие теории признавались передовыми материалистическими, а другие – идеалистическими. Главной задачей всех наук о человеке было разработать принципы и методы формирования нового советского человека. Для этой цели больше всего подходило учение И. М. Сеченова о рефлекторной природе поведения человека, в котором основной упор делался на роль внешней среды, куда, конечно, должны были войти и условия существования (вспомним марксовский тезис: бытие определяет сознание), и социальные факторы. Как нельзя кстати оказалось и учение И. П. Павлова об условных рефлексах и второй сигнальной системе. Ведь с помощью метода условных рефлексов можно было, используя для этого вторую (словесную) сигнальную систему, формировать через пропаганду и коммунистическое воспитание нужное поведение. Не случайно после павловской сессии, инициированной сверху, возникла диктатура учений Сеченова и Павлова о физиологических механизмах поведения животных и человека, которые по существу подменили психологическое рассмотрение этой проблемы; последнее стало с его субъективизмом как бы необязательным, лишним, а подчас и опасным. Поэтому именно учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности является с советских времен для психологии одной из болевых точек при обсуждении вопроса о связи психологии с физиологией.

Однако вопрос о взаимоотношениях психологии и физиологии должен обсуждаться гораздо шире, выходя за рамки рефлекторного учения И. М. Сеченова и И. П. Павлова. Ведь был еще Н. Е. Введенский, который внес свой вклад в понимание механизмов реагирования и поведения животных и человека. Современниками И. П. Павлова были В. М. Бехтерев и А. А. Ухтомский, работы которых тоже оказали влияние на развитие психологической мысли. Поэтому и возникает вопрос: почему же психология и физиология часто проявляют себя не как союзники, а как конкуренты, антагонисты? Почему психологи до сих пор недостаточно используют физиологические знания?

Возникает и другой не менее важный вопрос: где граница между физиологическим и психологическим в реагировании человека на внешние раздражители и его поведении? Ведь размытость границ всегда способствует экспансии со стороны соседей. Следует ли добиваться четкого разграничения полномочий физиологии и психологии при изучении одного и того же явления? Может, прав был И. П. Павлов, когда говорил: какая разница, как называть то или иное явление – психическим или сложнонервным?

Все эти вопросы до сих пор не утратили своего значения. И не случайно время от времени возникают дискуссии о природе психического, о соотношении физиологического и психического в механизмах поведения человека, о врожденном и приобретенном, биологическом и социальном.

Раздел первый. Рефлекторная теория и психология

Глава 1. Мозг и психика³

1.1. Мозг как орган психической деятельности

Еще древнегреческими и древнеримскими учеными (Гиппократом, Алкмеоном Кротонским, Галеном) высказывались догадки о локализации психических функций в головном мозге. В средние века Альберт Великий (Магнус) предложил концепцию о локализации психической деятельности в трех мозговых желудочках. Т. Виллис полагал, что общая чувствительность представлена в полосатом теле, собственные чувства – в мозолистом теле, а память – в коре больших полушарий. Эта концепция идеи о локализации психических свойств имела хождение более 100 лет. Немецкий анатом М. Майер предположил, что в коре головного мозга локализована память, в белом веществе – воображения и суждения, а в базальных ганглиях – апперцепция и воля, и все это интегрируется мозолистым телом и мозжечком.

Затем появилось новое направление – *френология*, основателем которого был крупнейший австрийский врач и анатом начала XIX века Ф. Галль. Он и его ученики полагали, что умственные и моральные качества локализуются в определенных районах коры головного мозга (извилинах), причем степень развития той или иной психической способности определяется тем, каково по объему ее представительство в головном мозге. При этом предполагалось, что развитие отдельных участков мозга влияет на форму черепа, и поэтому исследование его поверхности позволяет судить о личностных особенностях человека. Галль и его ученики находили соответствующие «шишки», величина которых соответствовала, по их мнению, величине способностей.

Такое направление, стремившееся жестко привязать те или иные психические явления к определенным частям мозга, получило название психоморфологии, или *узкого локализационизма*.

Умозрительные взгляды френологов подверглись резкой критике со стороны группы ученых, которые стояли на позиции антилокализационных представлений (А. Галлер, Ф. Гольц, Ж.-П. Флуранс). Экспериментируя на низших животных, они обнаружили, что та или иная форма поведения страдает не столько от того, в каком месте мозга нанесено повреждение, сколько от того, какой объем нервной ткани удален при операции. Эти ученые утверждали, что у всех животных масса мозговых полушарий равноценна и однородна. Так возникла догма об *эквипотенциальности* частей мозга, на основе которой появилась теория *универсализма*, или *холизма*.

Если локализационисты обращали внимание на неоднозначность мозгового обеспечения психических функций и их прямой зависимости от работы конкретного субстрата мозга, то эквипотенциалисты подчеркивали высокую пластичность мозга и взаимозаменяемость его частей, т. е. динамизм в организации мозговых структур.

Х. Джексон, соотнеся клинические симптомы с очаговыми поражениями мозга, построил трехуровневую иерархическую систему функционирования мозга: нижний – уровень стабильных функций, средний – сенсомоторный уровень, высший уровень функции мышления, при-

---

³ При написании данного параграфа использован раздел 1.4 из книги А. С. Батуева «Физиология высшей нервной деятельности и сенсорных систем» (СПб.: Питер, 2004).

сущий человеку. В управлении двигательным поведением все эти уровни организованы вертикально друг над другом.

Джексон постулировал правило, что мозговая локализация дефекта поведения не дает основания для суждения о том, где локализована психическая функция.

Позиции локализационистов укрепились после открытия П. Брока «центра моторных образов слов», С. Вернике – «центра сенсорных образов слов», а Г. Фритчем и Е. Гитцигом (1863) – двигательных центров в коре головного мозга. Последними двумя исследователями были выявлены и *немые поля* лобной доли коры, которые оказались электронеовозбудимыми, т. е. их стимуляция не приводила к сокращению мышц. В то же время разрушение лобных областей приводит к глубоким расстройствам поведения в целом. Эти поля стали называть ассоциативными, ответственными за апперцепцию, абстрактное мышление, произвольное внимание и вообще за регулирующий разум. П. Флексиг (1883) выделял в мозге три ассоциативные зоны: теменную, среднюю и лобную, в которой возникают понятия о собственной личности (образ Я).

Эти исследования послужили основой для создания цитоархитектоники мозга.

Как отмечает А. С. Батуев, «учение о функциональной организации мозга явилось стержневой проблемой физиологии и психологии и развивалось в непрерывных и непримиримых противоречиях, отражающих и формирующих господствующее мировоззрение и тесно увязанных с общим уровнем физиологии и смежных наук. Одной из причин таких противоречивых теорий являлось отсутствие эволюционного подхода к изучению мозга и поведения и стремление к широкому распространению отдельных частных заключений, выведенных на основе наблюдений в человеческой клинике (локализационисты) или на основе экспериментов с низшими животными (эквипотенциалисты), на весь животный мир... Другой причиной непрекращающихся дискуссий... является использование заведомо неверных методологических предпосылок о строгой увязке отдельных частей субстрата мозга с теми или иными целостными функциями организма» [2004, с. 27–28].

1.2. Зарождение рефлексорной теории

Следующей задачей психологии и физиологии явилось объяснение **механизмов поведения человека**. Если идеалистическая философия и выросшая из нее психология того же толка объясняли его какими-то механизмами души, внутренними психическими силами, то физиологи-материалисты считали, что поведение по своей природе рефлексорно, т. е. детерминируется внешними воздействиями. При этом и те и другие часто впадали в крайности: первые распространяли психическое даже на неживую природу, вторые подчас пытались заменить психическое физиологическим, а именно рефлексорной деятельностью мозга.

У Декарта уже есть состав понятия рефлекса, но нет еще этого понятия как особого имени... Рефлекс как термин со все более суживающимся и специализирующимся значением чисто нервного акта, служащего ответом центров на стимуляцию чувствующих нервов, выработывался постепенно у авторов XVIII–XIX столетий (Swammerdam J., 1737; Whytt S. R., 1751; Spalanzi, 1768; Prochaska, 1800; Bell Ch. and Bell I., 1829).

В самом термине «рефлекс» сказалась попытка физиологов дать перевод исходной мысли Декарта на язык физики, уподобив движение импульсов в мозгу отражению света от рефлектора...

[Ухтомский, 1954а, с. 221].

Представление о рефлексе идет от французского ученого Рене Декарта (1649 [1950])⁴, показавшего, что взаимодействие организма с внешней средой осуществляется с помощью нервной системы и что движения человека и животных являются результатом отражения мозгом внешних воздействий (*стимулов*, по Декарту). Но взглядам Декарта был присущ дуализм, так как он полагал наличие двойной детерминации поведения: со стороны «души» и со стороны внешних раздражителей. Как пишет Д. Г. Квасов, «Декарт провозгласил концепцию о механической или – в современных терминах – физико-химической природе жизни, что сделало ненужным для его физиологических взглядов как физика (но не как морального философа) использование параметра психики применительно к животным. Поэтому он мог сказать, что в гипотезе чувства и сознания как неизменных атрибутов животных он не нуждается. Отсюда вытекала созданная Декартом концепция животных-автоматов, т. е. “машин, которые движутся сами собою”. В дополнение к этой концепции французским ученым было развито представление об “отражательных” актах в нервной системе, в которой нашла свое выражение поистине гениальная попытка объединить механической (физической) связью раздражение органов чувств с мышцами через мозг» [1966, с. 4].

Понятие о рефлексе возникло в физике Декарта. Оно было призвано завершить общую механическую картину мира, включив в нее поведение живых существ...

Декарт исходил из того, что взаимодействие организмов с окружающими телами опосредовано нервной машиной, состоящей из мозга как центра и нервных «трубок», расходящихся радиусами от него... Нервный импульс мыслился как нечто родственное – по составу и способу действия – процессу перемещения крови по сосудам. Предполагалось, что наиболее легкие и подвижные частицы крови, отфильтровываясь от остальных, поднимаются согласно общим правилам механики к мозгу. Поток этих частиц Декарт обозначил старинным термином «животные духи», вложив в него содержание, вполне соответствовавшее механистической трактовке функций организма...

Рефлекс означает отражение. Под ним Декарт понимал отражение «животных духов» от мозга к мышцам по типу отражения светового луча... Таким образом, появление понятия о рефлексе – результат внедрения в психофизиологию моделей, сложившихся под влиянием принципов оптики и механики. Распространение на активность организма физических категорий позволило понять ее детерминистски, вывести ее из-под причинного воздействия души как особой сущности.

Согласно декартовой схеме, внешние предметы действуют на периферическое окончание расположенных внутри нервных «трубок» нервных «нитей», последние, натягиваясь, открывают клапаны отверстий, ведущих из мозга в нервы, по каналам которых «животные духи» устремляются в соответствующие мышцы, которые в результате «надуваются». Тем самым утверждалось, что первая причина двигательного акта лежит вне его; то, что происходит «на выходе» этого акта, детерминировано материальными изменениями «на входе».

[Ярошевский, 1976, с. 119–121].

Декарт сделал попытку объяснить обучаемость как изменение связи между двигательными реакциями и вызывающими их ощущениями (изменение движения мозга) у животных и тем самым придавать поведению желательное направление. Он приводит в пример легавую

---

⁴ Правда, как пишет П. К. Анохин, «...один исследователь доказал, что принцип рефлекса был сформулирован еще за 100 лет до Декарта испанским врачом Перейра» [Анохин, 1963, с. 196].

собаку, которая сначала при выстрелах охотника, испытывая страх, убегает, а затем выучивается бежать к куропатке, несмотря на выстрелы. «Так как при некотором старании можно изменить движения мозга у животных, лишенных разума, то очевидно, что это еще лучше можно сделать у людей и что люди даже со слабой душой могли бы приобрести исключительно неограниченную власть над всеми своими страстями, если бы приложили достаточно старания, чтобы их дисциплинировать и руководить ими», – писал Декарт [1950, с. 623].

Основные теоретические положения Р. Декарта, используемые современной физиологией, сводятся к следующим: органом ощущений, эмоций и мыслей является мозг; мышечный ответ порождается процессами в примыкающем к мышце нерве; ощущение обусловлено изменениями в нерве, связывающем орган чувств с мозгом; движение в сенсорных нервах отражается на моторных, и это возможно без участия воли (рефлекторный акт); вызываемые посредством сенсорного нерва движения в веществе мозга создают готовность вновь производить такое же движение (обучаемость).

Однако, находясь под влиянием социально-исторических противоречий своей эпохи, Р. Декарт сделал серьезные уступки идеализму; сознание человека он рассматривал в виде субстанционного начала, способного воздействовать посредством шишковидной железы (где, по его мнению, располагается «объединенное чувствилище») на подчиненные рефлекторным законам телесные процессы. Таким образом, тело и душа – самостоятельные субстанции. Дуализм Р. Декарта, его трактовка сознания препятствовали последовательному детерминизму, ибо он допускал акты воображения, мышления, воли, происходившие из нематериальной субстанции. Поведение и сознание разводились, превращались в два независимых ряда явлений.

В оценке общенаучного значения идей Р. Декарта, однако, важно подчеркивать не столько механизм, сколько материалистическую сущность учения о поведении, не столько дуализм в понимании психической деятельности, сколько первую пробу ее детерминистического понимания.

[Батуев, 2004, с. 8].

Через столетие английский психолог Гартли положил эти мысли в основу ассоциативной психологии.

Учение Декарта о рефлексе получило более-менее адекватное научное содержание лишь в начале XIX века, прежде всего, благодаря чешскому ученому с мировым именем Георгию Прохазке. «Внешние впечатления, возникающие в чувствительных нервах, очень быстро распространяются по всей их длине до самого начала. Там они отражаются... по определенному закону, переходят на определенные и соответствующие им двигательные нервы и по ним чрезвычайно быстро направляются к мышцам, посредством которых производят точные и строго ограниченные движения» [1957, с. 91]. В той части нервной системы, которую Прохазка называл, очевидно, вслед за Декартом, «общим чувствилищем», «как в центре, сходятся и объединяются друг с другом упомянутые как чувствительные, так и двигательные нервы и где раздражения, получаемые чувствительными нервами, передаются на двигательные» [1957, с. 91]. В связи с этими представлениями Прохазку считают одним из основателей рефлекторной теории.

Разумеется, Прохазка не был первым, кто интересовался рефлекторными явлениями. Они привлекали к себе внимание многих выдающихся исследователей задолго до Прохазки. Достаточно напомнить признанного основоположника рефлекторной теории Декарта. Нельзя назвать Прохазку и «первым после Декарта», как это утверждают, например, Фролов, Сервит и др. Эти авторы забывают учение о раздражительности (*irritabilitas*), которое позже

было развито Галлером в целую физиологическую систему, Сваммердама и его известные эксперименты на нейромышечных препаратах, давшие ему возможность подчеркнуть значение спинного мозга, наблюдения Иоганна Боне над рефлекторными движениями у обезглавленных лягушек, Дю Верни и его изучение движений после удаления мозга, исследования спинномозговых рефлексов Уиттом и др. Все они были хорошо известны Прохазке... Исходя из предшествующих достижений в области изучения нервной системы и проделав сам большую работу по дальнейшему развитию теории нервной деятельности, Прохазка сформулировал собственную оригинальную концепцию рефлекса, заняв определенное место среди основоположников рефлекторной теории.

П. К. Анохин, разбирая учение Прохазки об общем чувствительном, нервной силе и раздражителе, пишет, что при всей неполноте и недостаточной ясности этой концепции она все же открывает «путь для законченных формулировок великих русских физиологов, сначала Сеченова и потом Павлова» (1945, с. 53).

[Толлингерова, 1961, с. 239–240].

Известный немецкий физиолог Пфлюгер наблюдал на обезглавленной лягушке целесообразные движения лапами, в наилучшей степени позволяющие освободиться от раздражителя. В связи с этим он говорил о наличии у спинномозговых животных элементарного «сознания», позволяющего совершенно произвольно выбирать те движения, которыми лучше всего ответить на раздражение. Получалось, что животное даже после удаления головного мозга понимает, что с ним происходит, и придумывает способы, как избавиться от неприятного раздражителя. Прохазка же рассматривал спинномозговую рефлекторную деятельность как совершенно автоматическую, отрицая способность спинного мозга разумно, произвольно реагировать на внешние раздражения. Таким образом, он показал, что нервная деятельность может осуществляться не только сознательно (при наличии головного мозга и участия «души», т. е. психики), но и бессознательно.

Прохазка противопоставлял автоматическим, спонтанным движениям сознательные движения, которые делил на произвольные, не подчиняющиеся «душе», т. е. тоже автоматические, но осознаваемые, и произвольные, которые находятся во власти «души», управляются волей. Здесь он близок к классификации движений Декарта, который делил их на «машинные» и «разумные». Он выдвинул положение, которое в более позднее время было названо «законом силы»: ответная рефлекторная реакция всегда проявляется в размерах, соответствующих силе приложенного стимула.

Развивая концепцию о рефлекторной природе поведения, Й. Прохазка пытается преодолеть вначале механистичность, а затем и дуализм картезианства. Общим законом, по которому чувствительные раздражения переключаются на двигательные, является присущее человеку чувство самосохранения. Й. Прохазка утверждает монистическое представление о нервной системе, которая в целом относится к композиции «общего чувствительного», телесная часть которого локализуется в спинном мозге, а душевная – в головном. Причем для всех нервно-психических функций характерна одна общая закономерность: обе части «сенсориума» действуют по закону самосохранения. Необходимые для сохранения животного и его потомства способности – это душевные функции, а орган, служащий для этого, есть мозг, объему и сложности которого соответствует степень совершенства душевных функций.

Учение Й. Прохазки обогатило представление Р. Декарта о рефлекторной природе поведения понятием о *биологическом* (а не механическом) назначении самой структуры рефлекса, о зависимости ее усложнения от изменения характера отношений живых существ со средой, о пригодности ее для анализа всех уровней сознательной деятельности, о детерминирующем влиянии чувствования.

[Батуев, 2004, с. 8–9].

Прохазка изучал и психическую деятельность («душу»), которую отделял от нервных функций, протекающих бессознательно и автоматически. Единственным способом изучения душевных функций он считал путь опосредствованного познания, т. е. через внешние проявления психической деятельности человека. В то же время он писал, что эти психические проявления никогда не бывают настолько чисты, чтобы в них не принимала участие нервная система, выступающая орудием «души». Без содействия последней «душа» бессильна оказать свое влияние на тело.

Прохазка считал, что, несмотря на то что у человека и родственных ему животных имеются автоматические движения, ни человека, ни этих животных нельзя назвать автоматами, так как их поведение гораздо сложнее, поскольку их нервная система дополнена головным мозгом и «душой», т. е. произвольностью.

Существенное дополнение к представлениям о рефлексе сделал английский анатом и врач Чарльз Белл (1774–1842), создавший учение *мышечной чувствительности* и намного опередивший других ученых в представлениях о «рефлекторном кольце». Белл выдвинул положение о *циклической функции нервной системы*. Он показал, что между мозгом и мышцей существует замкнутый нервный круг: двигательный нерв передает возбуждение от мозга к мышце, а чувствительный – от мышцы к мозгу, сообщая о состоянии мышцы. Перерезка двигательного нерва делает невозможным движение, а перерезка чувствительного нерва делает невозможной регуляцию (коррекцию) движения, так как пропадает ощущение мышцы. Так, у женщины на одной руке была потеряна чувствительность, а на другой – способность к движениям. В результате женщина могла держать ребенка на руке, потерявшей чувствительность, до тех пор, пока она на него смотрела. Как только она отводила взор от ребенка, сразу же возникла опасность его падения на пол.

Таким образом, Ч. Беллу физиология и психология обязана возникновению представлений о внутренней *проприорецептивной чувствительности* и ее роли в детерминации двигательных рефлексов наряду с внешними стимулами.

Термин «рефлекторная дуга» впервые ввел в 1837 году английский врач и физиолог Маршалл Холл (1790–1857). Он трактовал рефлекс как чисто автоматическую двигательную реакцию, вызванную раздражением центростремительных нервных окончаний. При этом он отказывался называть эти окончания чувствительными и ввел свои названия для передних и задних корешков спинного мозга. Задние корешки спинного мозга состоят, по Холлу, из двух различных образований – сенсорных нервов и эксцито-моторных («эксцито» – возбуждение), передние корешки – из спонтанно-моторных и рефлексо-моторных нервов. Холл утверждал, что рефлексы вызываются возбуждением не чувствительных волокон, а независимых от них эксцито-моторных нервов, переходящих в рефлексо-моторные. Таким образом, по Холлу, для вызова врожденного рефлекса (чихания, кашля и др.) возникновение ощущения, т. е. психического компонента, не нужно, эти рефлексы ощущениями не сопровождаются. Ощущения вызывают двигательные реакции, зависящие от воли человека.

М. Холл считал, что рефлексами могут называться только такие акты, природа которых апсихологична, т. е. которые независимы от головного мозга.

С взглядами Холла был не согласен И. Мюллер. Он утверждал, что ощущения возникают и при безусловных рефлексах. Но при этом Мюллер придерживался по сути тех же взглядов на

рефлекс и психику, что и Холл. Хотя Мюллер и отмечал, что ощущение может сопутствовать рефлексу, но для его вызова оно не является необходимым условием. Ощущение возникает, по Мюллеру, в головном мозге, за пределами рефлекторной дуги и может сопутствовать рефлексу, а может и не сопутствовать ему.

Точка зрения Холла и Мюллера была подвергнута критике Э. Пфлюгером. Он указывал на важную роль сенсорной функции нервной системы приспособлении живых существ к среде обитания.

В 1853 г. замечательный немецкий физиолог Э. Пфлюгер (1829–1910) экспериментально доказал несостоятельность рефлекторной концепции Холла. Он обезглавил лягушку, т. е. лишил ее органа, из которого, как предполагалось, исходят психические явления. Казалось, оставшийся фрагмент целостного организма должен вести себя как простой рефлекторный автомат. Однако реакции обезглавленной лягушки не соответствовали прогнозу, вытекавшему из учения Холла. Она производила целесообразные оборонительные реакции: стремилась освободиться от вредного раздражителя, ползая по столу, обходила препятствия и т. п. Короче, она проявляла все признаки поведения, обычно относимые на счет психических действий головного мозга.

Стало очевидным, что чисто физиологическое учение о рефлексе в его механическом варианте бессильно объяснить адаптивные реакции обезглавленного позвоночного. Следовательно, здесь участвует дополнительный фактор. Пфлюгер назвал его «сенсорной механикой», а свою работу озаглавил «О сенсорных функциях спинного мозга позвоночных» (1853). Вокруг пфлюгеровского вывода поднялась буря. Психические (сенсорные) функции, считавшиеся свойством души, оказались присущими спинному мозгу лягушки. Этот вывод был получен не в ходе теоретических рассуждений, а на лабораторном столе.

Философы-идеалисты (в Германии – Г. Лотце, в России – П. Д. Юркевич и др.) выступили против Пфлюгера, представив его сторонником мифической «спинномозговой души», хотя ни о какой душе он не говорил и пользовался термином «сенсорная функция».

[Ярошевский, 1976, с. 291–202].

К 60-м годам XIX века традиционная концепция спинномозгового рефлекса утрачивает популярность в естественно-научных кругах. Все больше становится очевидным, что не только спинной, но и головной мозг является органом отражения внешних и внутренних чувственных воздействий, вызывающих автоматические двигательные реакции. Возникает понятие «бессознательной церебрации», т. е. не осознаваемой психической деятельности мозга (Т. Лейкок). Как и Прохазка, работы которого он перевел на английский язык, Лейкок трактовал рефлекс как психофизиологический и распространил рефлекторный принцип и на работу головного мозга.

Английский врач и физиолог В. Карпентер ввел понятие об идеомоторном акте, т. е. движении, которое автоматически вызывается мысленным его выполнением. Он создал целое направление, которое назвал «психологической физиологией». Речь шла о психосоматике, т. е. влиянии психических состояний на физиологические функции.

Перед сравнительными психологами все еще стояла проблема Декарта: если они собираются делать какие-либо предположения относительно психических процессов у животных, они должны подойти к этому с некоторыми критериями психического. Какому поведению можно давать

исключительно механистическое объяснение, а какое отражает психические процессы? У Декарта был простой ответ, подходивший для века разума и христианской теологии: мыслит душа, а не тело; поэтому язык, выражение мышления, является признаком психического. Но для сравнительных психологов дело обстояло значительно сложнее. Приняв эволюционную преемственность и избавившись от души, они более не считали критерий Декарта приемлемым. Было ясно, что высшие животные обладают разумом, а инфузория-туфелька – нет (хотя отдельные психологи животных и полагают, что на самом деле и простейшие обладают интеллектом очень низкого уровня), но вопрос о границе, за которой начинается разум, представляется очень сложным.

Р. Йеркс (1905) [ведущий зоопсихолог. – *Е. И.*] знал, что эта проблема чрезвычайно важна и для психологии человека, поскольку, оценивая, что происходит в разуме человека и животных, мы в равной степени исходим из предположений... «Человеческая психология выстоит или погибнет вместе с психологией животных. Если исследование психической жизни низших животных неправомерно, то не более правомерно и исследование человеческого сознания».

[*Лихи, 2003, с. 244–245*].

Эти взгляды привели к замене старого дуализма – рефлекс и сознание на новый – рефлекс и сознательно-волевые акты. Последние рассматривались как исходящие от самого субъекта. Против последней разновидности дуализма выступил И. М. Сеченов⁵.

---

⁵ Одновременно с И. М. Сеченовым преобразованием психологии на основе рефлекторного принципа (как единстве отражения и действия) занимался в США Джеймс Раш.

Глава 2. И. М. Сеченов и рефлекторная концепция работы мозга

Обычно, когда я спрашиваю у психологов (отнюдь не новичков в этой науке), кто такой Сеченов, получаю один и тот же ответ: *физиолог*. Между тем Сеченов оставил большой след в истории психологии, выступая в последние десятилетия своей жизни как психолог-теоретик. Да и большая часть «Рефлексов головного мозга» посвящена обсуждению «психологических» явлений (ощущению, восприятию, памяти), эмоциональной сфере (страстям, любви), мотивации в виде желания и хотения. Позже им написаны такие солидные работы, как «Элементы мысли», «Кому и как разрабатывать психологию», а также статьи «Впечатления и действительность», «Предметная мысль и действительность». И. М. Сеченов по существу является первым, по крайней мере в нашей стране, ученым, который из физиолога превратился в психофизиолога и психолога (затем этот путь слияния физиологического мышления с психологическим в XX веке проделали многие физиологи – А. А. Ухтомский, П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, П. В. Симонов, да и как его было не проделать, если поведение человека столь же физиологическое, сколь и психологическое). Поэтому И. М. Сеченова считают отцом не только русской физиологии, но и психологии (О. М. Тутунжян, 1980).

Однако, справедливости ради, следует сказать о том, что в России у Сеченова были предшественники. При этом ими высказывались мнения как за, так и против объяснения поведения человека и животных с помощью рефлексов и понимания животных как автоматов. Против представлений Декарта, отделившего психику от животных, выступал Феофан Прокопович. А. Н. Радищев считал, что чувствование и мысль являются функцией мозга. Основными же проводниками рефлекторной теории были профессора Московского университета, изучавшие медицину и физиологию, знавшие о декартовских представлениях о рефлексе и стремившиеся применить эти знания к объяснению души и ее проявлений (об этих ученых пишут Д. Г. Квасов (1966) и А. Н. Ждан (2003)). К ним относятся профессора медицины Ф. Ф. Керестури (1735–1811), М. И. Скиадан (умер в 1802 году), профессора физиологии И. Е. Дядьковский (1784–1841), Е. О. Мухин (1766–1850) и А. М. Филомафитский (1807–1849). Но особо Д. Г. Квасов выделяет работу Е. О. Мухина (1804) «О раздражителях, действующих на живое тело человека» (Muchin E. O. De stimulus corpus humanum vivum afficientibus), которая была первым выражением основных положений рефлекторной теории в русской физиологии и которая была широко известна в первой трети XIX века. «Мухин заявлял, что “сила воли в животных частях зависит от мозговых нервов”, так как “они нередко действуют и без ее власти”. Это поразительное для того времени заявление уточняется в словах, что движения животных управляются “физическим действием на узловые нервы [т. е. на стволовые и спинномозговые проводящие пути. – Д. К.] или на внецентральные – в порядке центростремительного движения...”. Мухин довольно ясно представлял структуру нервного пути, по которому движется нервный процесс в строгом соответствии с физическими законами. Даже ставший столь известным впоследствии факт слюноотделения на пищу правильно характеризуется им как процесс, рождающийся через “сочувствие”, т. е. вследствие рефлекса... В XVIII веке ни один из физиологов Европы (за исключением Прохазки) не высказывался столь определенно о физической детерминированности рефлекторных (“отраженных”, или “сочувственных”) актов в организме животных, как Мухин. Ведь Уитт, Галлер и другие все отмеченные ими рефлекторные феномены объясняли наличием в мозгу (как головном, так и спинном) особых “качеств”, “принципов”, “сил”, имеющих нефизическую природу... Кроме общей характеристики рефлекторного процесса Мухин ясно и убедительно осветил роль стимулов в физиологической деятельности организма, сжато выразив это в следующих ярких словах: “Начальное основание жизненности без раздражения действовать не может”. Признание роли раздражителей в жизнедеятельности

лежит в основе учения Мухина, названного им кентрологией (от “кентрон” – колоть, побуждать), тесно связанного с признанием неразрывной связи организмов с внешней средой» [Квасов, 1966, с. 7–8].

Мысль Мухина о невозможности определить организм без учета особенностей внешней среды, в какой он живет, была развита и уточнена физиологом А. М. Филомафитским (1840) и биологом К. Ф. Рулье (1850). Квасов пишет, что «есть все основания думать, что от последних авторов это биологическое положение было воспринято Сеченовым. Следовательно, часто цитируемая мысль Сеченова: “Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен” имеет длинный, полувековой генезис в русской науке... Из сказанного следует, что Сеченов воспитывался в Москве в атмосфере тех идей, которые в русскую физиологию внес Мухин» [1966, с. 8]. Между прочим, уже Филомафитский задумывался над вопросом о возможности происхождения произвольных движений из рефлекторных, т. е. над кардинальным вопросом, который обсуждается Сеченовым в «Рефлексах головного мозга», так что очевидна преемственность взглядов Сеченова с его отечественными предшественниками.

В сфере научной психологии он (Сеченов. – *Е. И.*) выступил таким же строгим мыслителем, как и в области физиологии, вызывая сильное неудовольствие психологов старого метафизического закала.
[Тимирязев, 1939, с. 164].

Было бы совершенно неправильно рассматривать Сеченова только как физиолога, который в качестве такового своими физиологическими трудами оказал более или менее значительное влияние на психологию. И. М. Сеченов был и крупнейшим русским психологом, и можно с определенностью утверждать, что не только Сеченов-физиолог оказал влияние на Сеченова-психолога, но и обратно; занятия Сеченова с ранней молодости психологией оказали прямое и притом очень значительное влияние на его физиологические исследования, в частности те, которые определили его концепцию рефлексов головного мозга.
[Рубинштейн, 1999, с. 79–80].

2.1. «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова

В 1862 году редактор литературно-общественного журнала «Современник» Н. А. Некрасов обратился к И. М. Сеченову с просьбой написать статью о насущных проблемах естествознания. Тот после некоторых колебаний откликнулся на это предложение и подготовил «небольшой трактат» под названием «Попытка внести физиологические основы в психологические процессы».

Создание И. М. Сеченовым учения о рефлексах головного мозга представляется мне гениальным взмахом русской научной мысли; распространение понятия рефлекса на деятельность высшего отдела нервной системы есть провозглашение и осуществление великого принципа причинности в крайнем пределе проявления живой природы. Вот почему для научной России память И. М. Сеченова должна остаться навсегда неизменно дорогой.

Павлов И. П. Предисловие к книге: И. М. Сеченов. Избранные труды. ВИЭМ, 1935. С. XXIII.

В XIX веке в психологии существовали две крайние точки зрения на происхождение психических процессов. Наиболее распространенным было представление, развивавшееся немец-

кой школой психологов и натурфилософов, о том, что психические проявления являются отражением первично заложенных в человеке (имманентных) свойств души, регулируемых свободной волей индивида. Другая точка зрения, проповедовавшаяся французскими энциклопедистами, основывалась на сугубо материалистических позициях и отстаивала положение, что психическая деятельность человека – результат работы мозга.

Сейчас это может показаться невероятным, но в студенческие годы И. М. Сеченов выступал против материалистической позиции. Вот что по этому поводу пишет сам И. М. Сеченов: «Начитавшись Бенеке, где вся картина психической жизни выводилась из первичных сил души, и не зная отпора этой крайности со стороны физиологии, явившегося для меня лишь много позднее, я не мог не сделаться крайним идеалистом и оставался таковым вплоть до выхода из университета. Будучи на 5-м курсе, я получил раз от профессора Пикулина приглашение к нему на вечер, где между гостями был проф. Мин и тогдашний издатель “Московских ведомостей” Евгений Корш. На этом вечере велись жаркие психологические споры. Мин был последователем энциклопедистов и доходил до того, что считал психику роящейся из головного мозга таким же образом, как желчь рождается из печени, а Евгений Корш и я были защитниками идеализма» (1952б).

Общепризнано, что возникновение в России научной психологии связано именно с «Рефлексами головного мозга» И. М. Сеченова и с его мужественной борьбой против господствовавшего идеализма, с дальнейшим развитием рефлекторной теории в передовой русской науке.

История «Рефлексов головного мозга» составляет начало и фундамент русской научной психологии, возникшей в 60-е годы XIX в. и развивавшейся вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в тяжелой борьбе против господствующей субъективно-идеалистической психологии...

В тяжелых условиях реакции и разгрома революционно-демократических сил России Сеченов принял эстафету от русского философского материализма и перенес борьбу за его позиции в самое логовище врага, в его сокровенное темное царство богословско-идеалистических учений о душе.

[Ананьев, 1966, с. 38–48].

Основная идея «Рефлексов...» была сформулирована И. М. Сеченовым еще в 1860 году в приложении к своей диссертации: «Все движения, носящие в физиологии название произвольных, суть в строгом смысле рефлективные». Но публикация в журнале «Современник» работы, отражавшей эту идею, под названием «Попытка внести физиологические основы в психологические процессы» была запрещена цензурой, посчитавшей, что она посягает на моральные устои государства. Работа была опубликована в малоизвестном для широкой общественности «Медицинском вестнике» в 1863 году, но уже под названием «Рефлексы головного мозга» и с некоторыми купюрами⁶. Лишь в 1866 году «Рефлексы...» были изданы отдельной книгой. Однако совет главного управления по делам печати вынес постановление о наложении ареста на книгу и о возбуждении судебного преследования ее автора. Причины этого были сформулированы следующим образом: «Сочинение Сеченова объясняет психическую деятельность головного мозга. Она сводится к одному мышечному движению, имеющему своим начальным источником всегда внешнее, материальное действие. Таким образом, все акты психической жизни человека объясняются чисто механическим образом... Эта материалистическая теория, приводящая человека, даже самого возвышенного, в состояние простой машины, лишен-

---

⁶ Д. Г. Квасов (1966) предполагает, что окончательное название своей книге Сеченов дал под влиянием статей М. Волкова (1847; 1848), называвшихся «Физиология человеческого мозга», в которых тот писал, что мозг есть главное и необходимое орудие умственных, чувственных и инстинктивных побуждений.

ной всякого самосознания и свободной воли, действующей фаталистически, ниспровергает все понятия о нравственных обязанностях, о вменяемости преступлений, отнимает у наших поступков всякую заслугу и всякую ответственность; разрушая моральные основы общества в земной жизни, тем самым уничтожает религиозный догмат жизни будущей, она не согласна ни с христианским, ни с уголовно-юридическим воззрением и ведет положительно к извращению нравов» [цит. по: Березовский, 1984, с. 68].

И. М. Сеченов был настолько глубоко уверен в правоте своих заключений, что, когда друзья спросили его, кого из адвокатов он думает привлечь для защиты на предстоящем суде, он ответил: «Зачем мне адвокат. Я возьму с собой в суд лягушку и проделаю перед судьями все мои опыты; пускай тогда прокурор опровергает меня».
[Березовский, 1984, с. 69].

Эта книга И. М. Сеченова – своеобразный катехизис для отечественных физиологов и психологов, и изложенные в ней положения считаются непреложными и основополагающими для тех, кто хочет считать себя материалистом. Но внимательное прочтение ее, особенно в теперешнее время, когда идеология уже не довлеет над умами ученых, позволяет по-иному посмотреть на отдельные положения, высказанные И. М. Сеченовым, а также понять, почему ее не приняли такие гениальные умы, как Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский.

«Психическая деятельность человека, – писал И. М. Сеченов во введении, – выражается, как известно, внешними признаками, и обыкновенно все люди, и простые, и ученые, и натуралисты, и люди, занимающиеся духом, судят о первой по последним, т. е. по внешним признакам. А между тем законы внешних проявлений психической деятельности еще крайне мало разработаны даже физиологами, на которых... лежит эта обязанность. Об этих-то законах я и хочу вести речь» [1953, с. 32].

Вот ряд фактов, составляющих рефлекс или отраженное движение: возбуждение чувствующего нерва, возбуждение спинномозгового центра, связывающего чувствующий нерв с движущим, и возбуждение последнего, выражающееся сокращением мышцы, т. е. мышечным движением...

Чтобы попасть движению в категорию отраженных, нужно только, чтобы оно явно вытекало из раздражения чувствующего нерва и было бы невольным.
[Сеченов, 1953, с. 36].

«Головной мозг, орган души, при известных условиях... может производить движения роковым образом, то есть как любая машина, точно так, как, например, в стенных часах стрелки двигаются роковым образом от того, что гири вертят часовые колеса... Стремление определить условия, при которых головной мозг является машиной, конечно, совершенно естественно. Ведь... всякая машина, как бы хитра она ни была, всегда может быть подвергнута исследованию. Следовательно, в строгом разборе условий машинности головного мозга лежит задаток понимания его» [1953, с. 36, 37; выделено мною. – Е. И.]. В качестве механизма машинности работы мозга Сеченов рассматривал рефлекс, а в качестве условий машинности – *внешние раздражения*.

То, что Сеченов подразумевал под «механикой», существенно отличалось, с одной стороны, от концепции, видевшей в рефлексе акт, предопределенный анатомической связью нервных путей, с другой – от концепции, полагавшей, будто нервный процесс движется по законам механики. Своеобразие «механического устройства», которое имел в виду Сеченов, состояло в том, что в числе его регуляторов были афферентные сигналы, обеспечивающие его функционирование.

Подчеркивание механического характера рефлекторной деятельности нужно было в целях защиты методологической линии, намеченной в отношении телесных явлений еще Декартом, – линии материалистического детерминизма. Но в понимании рефлекторной «механики» Сеченов выдвигал принципиально новую точку зрения, преодолевавшую опять-таки восходящее к Декарту представление о психике как самостоятельной субстанции, вмешательство которой в телесный механизм, если и имеет место, то может лишь нарушить его закономерную, упорядоченную работу. Напротив, по Сеченову, закономерность и упорядоченность поведения необходимо предполагает участие в его детерминации определенных, психических моментов, для которых Сеченов в дальнейшем предложил термин «сигнал»...

Физиология вовлекла в круг своих объяснительных начал явления нового порядка, относимые прежде к якобы чуждой естествознанию, области психического. Психология была вынуждена менять взгляд на психическое как тождественное сознательному и искать способ определить его жизненную роль, так сказать, по иной системе координат. Ведь речь шла об участии «психических моментов» в детерминации деятельности животного, лишённого головного мозга.

[Ярошевский, 1958, с. 18].

Представление о рефлексе Сеченову понадобилось, прежде всего, для того, чтобы доказать обусловленность (детерминированность) психической деятельности и поведения человека внешними факторами, а не какими-то неясными внутренними силами. Ведь в рефлекторной дуге ее начало представлено экстерорецепторами, посредством возбуждения которых внешняя среда и воздействует на человека.

Рефлекторная теория психической деятельности в... общем ее понимании – это, таким образом, не что иное, как распространение диалектико-материалистического принципа детерминизма на психическую деятельность мозга. Это, таким образом, не непосредственно рефлекторная теория, как она была сформулирована Сеченовым и Павловым, а ее более или менее далеко идущее обобщение.

[Рубинштейн, 1959, с. 13].

В своей книге И. М. Сеченов дал новое содержание упрощенным представлениям Декарта о рефлексе как о «жесткой», строго фиксированной дуге. Сеченов включил психические явления в рефлекторную деятельность мозга, что снимало противопоставление мозга и психики, но в то же время не лишало последнюю ее качественного своеобразия, специфичности.

«Чувственное возбуждение, производящее отраженное движение, может вызывать вместе с тем и определенные *сознаваемые ощущения*...», – писал Сеченов [1953, с. 62]. «Способность нормальных животных приспособлять движения (т. е. видоизменять их направление) к положению тела обуславливается... *вмешательством в движения чувственных моментов*... Местами рождения чувственных моментов, определяющих направление отраженного движения, должны быть кожа и мышцы, каждое изменение в положении последних должно видоизменять и характер бессознательного ощущения, влияющего на направление рефлекса» [1952, с. 213]. Очевидно, что речь идет о сигналах с рецепторов, приводящих к корректировке рефлекторных реакций, но не к их вызову. В современной терминологии то, о чем пишет Сеченов, называется «обратной связью».

Сеченов писал и о других составляющих рефлекторного механизма: «Механизм в головном мозгу, производящий невольные (отраженные) движения в сфере туловища и конечно-

стей, имеет там же два придатка, из которых один угнетает движение, а другой, наоборот, усиливает их относительно силы раздражения» [1953, с. 45]. В связи с этим Сеченов говорил о рефлексах с ослабленным и усиленным концом, причем усилителями реакций выступают *эмоции*. К категории произвольных движений, осуществляющихся по механизму рефлексов с усиленным концом, И. М. Сеченов относил те, которые выражают чувственное наслаждение, например смех ребенка при виде ярко окрашенных предметов, мимика голодного, когда он ест, и пр. «Начало дела – возбуждение чувствующего нерва; продолжение – деятельность центра, наслаждение; конец – мышечное сокращение», – писал Сеченов [1953, с. 48].

Однако уже при рассмотрении невольных движений Сеченов чрезмерно абсолютизирует ряд своих положений. Так, детерминированность (причинная обусловленность) психических явлений и поведения связывается в основном только с внешними воздействиями, со средой, окружающей человека. Кроме того, любой рефлекторный акт, считал Сеченов, заканчивается мышечным движением, что совершенно не очевидно.

...Мысль считается обыкновенно причиной поступка. В случае же, если внешнее влияние, т. е. чувственное возбуждение, остается, как это чрезвычайно часто бывает, незамеченным, то, конечно, мысль принимается даже за первоначальную причину поступка... Между тем это величайшая ложь. Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении, потому что без него никакая мысль невозможна. [Сеченов, 1953, с. 100–101].

Если бы это касалось простейших безусловных рефлексов животных, такая абсолютизация была бы в какой-то мере оправданной. Однако в качестве примеров рефлекторной деятельности Сеченов рассматривает довольно сложные поведенческие акты человека (не будем забывать, что он взялся за рассмотрение психической деятельности!), и тут, на мой взгляд, у него возникает ряд противоречий и неадекватных примеров, которые должны подтверждать правоту высказываемых им теоретических положений.

Рассмотрим первое положение Сеченова, что *любые двигательные действия человека вызываются внешними раздражителями*. Доказательству этого положения И. М. Сеченов посвящает большую часть своих рассуждений. И пока речь идет о рефлексах животных, то все в этих рассуждениях идет гладко. Но когда Сеченов переходит к обсуждению автоматизированных движений и автоматизмов человека, детерминация движений вследствие раздражения экстерорецепторов становится не очевидной. Так, в качестве примеров, доказывающих его правоту, Сеченов приводит лунатика и подвыпившего наездника, который управляет лошадью в опасных местах дороги лучше, чем трезвый. Однако эти примеры не доказывают *внешнюю обусловленность* действий лунатика и наездника, так как И. М. Сеченов имеет в виду только ту удивительную эквилибристику (удержание тела в равновесии, т. е. координированность движений), которая проявляется «только в минуту отсутствия сознания» и страха, а *не инициацию действий*, совершаемых тем и другим.

Для нас как для физиологов достаточно и того, что мозг есть орган души, то есть такой живой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот же ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность. [Сеченов, 1974, с. 112].

В поисках чувственного начала Сеченов приводит и пример с ходьбой и приходит к выводу, что «при ходьбе чувственное возбуждение дано с каждым шагом, моментом соприкосновения ноги с поверхностью, на которой человек идет, и вытекающим отсюда ощущением опоры; кроме того, оно дано мышечными ощущениями (так называемое мышечное чувство), сопровождающими сокращение соответствующих органов» [1974, с. 58]. Все это так, но это

опять-таки не объясняет *запуск* акта ходьбы, а именно с запуска рефлекс и начинается. Давление на опору («ощущение подпоры») есть и тогда, когда человек стоит или сидит, но это не является сигналом к началу локомоции. «Посмотрите... на совершенно нормального человека, когда он идет по ровному месту, по сильному кособоку или по дороге, изрытой ямами.

Во всех этих случаях походка одного и того же человека бывает различна. Это значит, что он движения своего тела приспосабливает к характеру местности, по которой движется. Узнавать же этот характер он может только или глазом, или ножными ощущениями. Вообразите же себе теперь человека, которому нет возможности ощущать каким бы то ни было образом местность: каким образом он может устроить походку?» [1974, с. 59].

Пример, приведенный И. М. Сеченовым, показывает *роль мышечных и других ощущений в регуляции (коррекции) отдельных шагов при ходьбе*, но не объясняет *запуск* самого акта ходьбы, который начинается у человека по поводу не прямо действующих внешних раздражений, а мотива как психологического образования.

Идеи сеченовской статьи [«Рефлексы головного мозга». – Е. И.] разошлись далеко по земле русской, какая-то купчиха в Красноярске спрашивала у ссыльного Пантелеева: правда ли, что в Петербурге профессор Сеченов доказывает, что души нет, а существуют одни только рефлексы? Слово «рефлекс» имело в ту пору единственный смысл: механическая реакция, подобная движению ножки лягушки при раздражении ее кислотой. Приравнять человека с его душой и свободной волей к этой лягушке (а именно на ней ставил Сеченов свои опыты) казалось кощунством. [Ярошевский, 1976, с. 235].

Когда же Сеченов говорит, что «ходьба в некоторых случаях может быть движением невольным» [1974, с. 59], его правота состоит в том, что отдельные компоненты ходьбы (последовательные следующие друг за другом шагательные движения) могут уходить из-под контроля сознания и поэтому воспринимаются нами как невольные. Но ходьба как сознательный целенаправленный акт без мотива, т. е. психического произвольного компонента, начаться не может. Собственно, об этом пишет и сам Сеченов: «У взрослых животных [локомоторный акт] приходит в деятельность, по-видимому, исключительно под влиянием воли и рассуждающей способности» [1974, с. 53].

Двусторонние ходы мысли, идущие навстречу друг другу со стороны физиологии и психологии, привели ... И. М. Сеченова к радикальному заключению – нельзя обособлять центральное, мозговое звено психического акта от его естественного начала и конца. Это принципиальное положение служит логическим центром соотношения основных категорий концептуального аппарата сеченовской рефлекторной теории психических процессов.

Такой целостный акт с его средним внутримозговым звеном и внемозговой соматической периферией, смыкающей организм с объектом, и есть рефлекс в полном соответствии с общим, принципиальным смыслом этого понятия. И если центральное звено нельзя обособлять от соматической периферии, то это означает, что субстратом психического акта является не только мозговое звено, но вся эта трехчленная структура, в которой исходный и конечный периферические компоненты играют не менее существенную роль, чем компонент центральный. Только в своей целостной совокупности все эти компоненты составляют действительный, т. е. «соответствующий еще реальной стороне дела», далее не дробимый субстрат психического процесса. Именно в этом смысле, а не в смысле их прямой тождественности

элементарным соматическим актам, психические процессы по способу своего происхождения и по механизму их совершения суть рефлексy.

Это фундаментальное положение И. М. Сеченова прямо вытекает из тезиса о необходимости центрального звена психического акта. В этом пункте сомкнулись физиологический поиск общих принципов работы нервной системы как целого и запрос, идущий от психологической теории и направленный на преодоление психофизиологического парадокса. Включение начального и конечного звеньев рефлекторного акта в состав субстрата психического процесса выводило поиски путей снятия этого парадокса из тупиковой ситуации, куда неизбежно попадала мысль, если она отталкивалась от представления, что субстратом психики является лишь головной мозг. [Веккер, 2000, с. 58–60].

В качестве конкретного примера произвольных движений, имеющих внешнее чувственное начало, а не «психический элемент», Сеченов приводит реакцию человека при испуге. «Спрашивается, можно ли допустить... что путь развития невольного движения при испуге машинообразен. В явление вмешивается ведь психический элемент – ощущение испуга, и читатель, конечно, слышал рассказы о том, какие чудеса делаются иногда под влиянием страха... в этих рассказах непривычная энергия мышечных движений объясняется, правда, нравственным влиянием страха; но ведь, конечно, никто не подумает, что этим дело действительно объясняется... Помирить машинообразность происхождения невольных движений при испуге с несоответствием в этих случаях между силой раздражения и напряженностью движения не только можно, но даже должно; иначе мы впали бы в нелепость, вопиющую даже для спиритуалиста: допустили бы рождение сил чисто материальных (мышечных) из сил нравственных» [1953, с. 44]. В данном случае можно согласиться с Сеченовым, что возникновение эмоции испуга лишь усиливает рефлекторный ответ, а его начало (возникновение испуга) было вызвано каким-то внешним обстоятельством.

Однако про доказательство того, что описываемые им явления должны иметь чувствующее на периферии начало (раздражение экстерорецептора), Сеченов по ходу своих рассуждений подчас забывает (как в примере с ходьбой или ездой на лошади) и в поисках чувствующего начала рефлекторных актов приравнивает друг к другу экстеро- и проприорецептивные ощущения. В других же случаях в качестве чувствующего начала у него выступают переживание страха или возникшие у лунатика какие-то неизвестные представления. Так, он пишет: «Бывают случаи невольного движения, где присутствие чувственного возбуждения, начала всякого рефлекса, хотя и понимается, но не может быть определено с ясностью» [1953, с. 58]. Это бывает, например, когда по тем или иным причинам (наркоз, горячечный бред, сон) ощущающая способность человека притуплена или вовсе исчезает.

По поводу лунатизма И. М. Сеченов пишет: «Начало акта – чувственное возбуждение, ускользающее от определения. Продолжение – какое-нибудь психическое представление, очень неясное и тупое, так как ощущающая способность угнетена. Конец – воздушное путешествие по крышам» [1953, с. 60; выделено мною. – Е. И.].

Все эти примеры и рассуждения Сеченова показывают, что и *выученные движения могут стать произвольными, т. е. рефлекторными*, условием для чего является ослабление или выключение контролирующей функции головного мозга. «...И головной мозг, – пишет Сеченов, – при известных условиях (следовательно, не всегда) может действовать как машина и что тогда деятельность его выражается так называемыми невольными движениями» [1953, с. 37]. «Вместе с этим доказано, что все движения во время обыкновенного сна и в горячечном бреду, хотя бы они, как обыкновенно говорится, и вытекали из грез, т. е. определенных психических актов, суть движения в строгом смысле невольные, т. е. отраженные» [1953, с. 60]. Отраженные-то отраженные, но что они отражают? Выходит, что внешние раздражители не всегда

необходимы для признания каких-то актов рефлекторными, так как в отражаемое Сеченов включает не только внешние (экстероцептивные) раздражения, но и *представления (образы)*. Однако в детерминации поведения человека они стоят у него на втором плане.

Признание активной роли психических явлений в детерминации рефлекторной деятельности не вносит никакого субъективизма в ее понимание в силу того, что в соответствии с основной линией материалистического монизма в теории познания ощущения, восприятия и т. д. – это отражения, образы реально существующих вещей.

[Шорохова, Каганов, 1962, с. 25].

Рассмотрим теперь второе главное положение Сеченова, до сих пор представляющееся аксиоматичным, а именно, что *все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению*.

Почему Сеченов в качестве проявлений психической деятельности сделал упор на моторных реакциях человека, а не каких-то других? Очевидно, потому, что, используя учение о рефлексе для объяснения механизмов психической деятельности, он вынужден был опираться на представления о рефлекторной дуге, эффекторным концом в которой являются именно мышечные движения.

Возникает вопрос: *укладываются ли все внешние проявления психической деятельности в то прокрустово ложе, в те рамки, которые предложил Сеченов, – мышечные движения (механическую деятельность и речь)?* Ответ должен быть отрицательным, и для того, чтобы показать ограниченность этого сеченовского тезиса, не надо большой изобретательности. Достаточно указать на проявления психических (эмоциональных) явлений не только в мимике, но и в вегетатике: покраснение или побледнение кожного покрова, потоотделение и пр.

Возникают и другие вопросы, например: можно ли мышечные сокращения считать причиной эмоциональных переживаний, как об этом писал Сеченов: «...все без исключения качества внешних проявлений мозговой деятельности, которые мы характеризуем, например, словами: одушевленность, страстность, насмешка, печаль, радость и пр., суть не что иное, как *результаты* большего или меньшего укорочения какой-нибудь группы мышц – акта, как всем известно, чисто механического» [1953, с. 33; выделено мною. – Е. И.]. Обращу внимание читателя на то, что эмоции, по Сеченову, являются результатом мышечных сокращений, а не сокращения отражают экспрессивную сторону эмоций (прямо как в теории эмоций Джеймса – Ланге, созданной, правда, значительно позже: мы не потому смеемся, что нам весело, а нам весело потому, что мы смеемся). Кроме того, из сеченовской цитаты следует, что конец рефлекса (мышечные сокращения), оказывается, сам способен вызывать психическую реакцию (эмоцию).

Чтобы помочь читателю поскорее помириться с этой мыслью (что все сводится к мышечному сокращению. – Е. И.), я ему напомним рамку, созданную умом народов и в которую укладываются все вообще проявления мозговой деятельности, рамка эта – слово и дело. Под делом народный ум понимает, без сомнения, всякую внешнюю механическую деятельность человека, которая возможна лишь при посредстве мышц.

А под словом уже вы... должны разуместь, любезный читатель, известное сочетание звуков, которые произведены в гортани и полости рта при посредстве опять тех же мышечных движений.

[Сеченов, 1953, с. 33].

Переходя к рассмотрению механизма *произвольных движений*, Сеченов писал: «Невольные движения могут... сочетаться с движениями, вытекающими, как обыкновенно

говорят, из определенных психических представлений» [1953, с. 57]. Однако, рассуждая о механизмах произвольных движений, И. М. Сеченову пришлось сделать существенную оговорку: «Приступая к рассматриванию произвольных движений, я, во-первых, должен предупредить читателя, что ему очень часто будет здесь чувствоваться отсутствие физиологического опыта, и я часто буду вынужден выходить из роли физиолога... Через это в рассказе многое, конечно, останется недосказанным, но зато все сказанное будет иметь относительно твердое основание» [1953, с. 64]. Эта оговорка весьма существенна, так как отсутствие физиологических экспериментальных доказательств заставляет Сеченова строить аналогии или приводить примеры, которые, действительно, не всегда выглядят убедительными.

Учение об условных рефлексах и то методологическое перестроение учения об органах чувств, которое возникло в связи с условными рефлексами, это принципиально намечено И. М. Сеченовым. И многое, что еще не успело получить достаточной конкретной разработки, но ждет таковой!
[Ухтомский, 2002, с. 259].

В качестве объекта рассмотрения Сеченов выбрал «деятельность, представляющую высший тип произвольности», т. е. «внешнюю деятельность человека с идеально сильной волей, действующего во имя какого-нибудь высокого нравственного принципа и отдающего себе ясный отчет в каждом шаге» [1953, с. 64]. Он ставит задачу доказать, что деятельность такого рода дробится на рефлексы, которые начинаются чувственным возбуждением, продолжаются определенным психическим актом и кончаются мышечным движением.

Сначала И. М. Сеченов выделяет, «как это делается в обществе людьми образованными и привыкшими отдавать себе отчет в своих собственных ощущениях», имплицитные признаки произвольных движений:

1. В основе этих движений не лежит осязаемого чувственного возбуждения.
  2. Они определяются самыми высокими психическими мотивами.
  3. Время запуска и продолжительность этих движений находятся в ведении воли (самосознания) человека.
  4. Произвольное движение всегда сознательное.
  5. Группированием отдельных произвольных движений в ряды также управляет воля (самосознание).
  6. Произвольные движения часто осуществляются вопреки инстинкту самосохранения.
- Затем И. М. Сеченов приступает к критическому разбору этих признаков.

Действительно ли в основе произвольного движения нет чувственного возбуждения, спрашивает он. Нетрудно догадаться, что ответ он дает отрицательный. Вопрос, однако, не в том, могут ли произвольные движения детерминироваться внешними сигналами, т. е. чувственным возбуждением, а в том, *всегда ли это имеет место, обязательно ли чувственное возбуждение для инициации произвольных движений*.

Существенно то, что под произвольными движениями Сеченов понимает *выученные* движения. Поэтому в главе о произвольных движениях он большое место отводит рассуждениям, как ребенок *выучивается* пользоваться данными ему природой функциями, каким образом *развиваются* психические функции. Но те же самые выученные движения, осуществляемые при ослабленном корковом контроле, он относит и к невольным, рефлекторным. Отсюда желание Сеченова непременно найти для этих бывших произвольных двигательных актов чувственное начало, в качестве которых выступают проприорецептивные сигналы с двигательного аппарата при ходьбе и езде на лошади, о чем говорилось выше. Таким образом, граница между истинно произвольными (сознательными) и непроизвольными движениями оказывается у И. М. Сеченова весьма размытой.

Для доказательства рефлекторной природы выученных (произвольных) движений Сеченов прибегает к следующему заявлению: «*Между действительным впечатлением с его последствиями и воспоминанием об этом впечатлении, со стороны процесса [в нервных аппаратах. – Е. И.] в сущности нет ни малейшей разницы. Это тот же самый психический рефлекс с одинаковым психическим содержанием, лишь с разностью в возбудителях. Я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминаю потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял*» [1953, с. 92]. Таким образом, и здесь для вызова представления требуется, по Сеченову, внешний толчок: «Когда... я этого человека вспоминаю, то первым толчком бывает обыкновенно какое-нибудь внешнее влияние в данную минуту, существовавшее между множеством тех, при которых я человека видел» [1953, с. 92]. Нельзя не согласиться с Сеченовым, что представление о раздражителе может заменить его действительное присутствие и вызвать такую же реакцию, как и реальный раздражитель. Но когда И. М. Сеченов приводит пример с умением знакомого ему человека вызвать у себя путем представления холода гусиную кожу даже в теплой комнате, то возникает вопрос: при чем здесь внешнее раздражение? Здесь уже чувствующее (афферентное) начало отсутствует, оно заменено вторичным образом (представлением), следовательно, речь должна теперь идти о неполной рефлекторной дуге, в которой нет необходимости присутствия *афферентной* ее части.

Представляется, что гораздо прогрессивнее было бы, вопреки традиционной рефлекторной теории, отстаивание И. М. Сеченовым позиции, что поведение человека определяется не только внешними (афферентными) раздражителями, но и образами-представлениями, мыслями. Однако он пытается во что бы то ни стало доказать чувствующее начало и наших представлений, и произвольных движений, поэтому особое внимание уделяет обсуждению вопроса, почему чувствующее возбуждение часто остается субъектом незамеченным.

Первая причина: к ясной по содержанию ассоциации примешивается темная мышечная, обонятельная или какая-либо другая. При резкости первой вторая или вовсе не замечается, или замечается очень слабо. При этом пример он приводит под стать примеру с дверью. «... Днем я занимаюсь физиологией, вечером же, ложась спать, думаю о политике. При этом случается, конечно, подумать иногда и о китайском императоре. Этот слуховой след ассоциируется у меня, следовательно, с ощущениями лежания в постели: мышечными, осязательными, термическими и пр. Бывают дни, когда или от усталости, или от нечего делать ляжешь в постель, и вдруг в голове – китайский император. Говорят обыкновенно, что это посещение ни с того ни с сего, а выходит, что он у меня был вызван ощущениями постели» [1953, с. 94]. Спрашивается, почему, если это рефлекс (по нашей терминологии – условный), он не проявлялся каждый раз, как Сеченов ложился в постель?

Вторая причина: с рядом логически связанных представлений ассоциируется представление, не имеющее к ним ни малейшего отношения. В таком случае, пишет Сеченов, человеку кажется странным искать причину возникшей мысли из последнего представления, а именно оно и явилось толчком к этой мысли. С этим можно полностью согласиться, но здесь речь не идет о неосознаваемых раздражениях как первом звене рефлекторного акта.

Третья причина: ряд сочетанных представлений длится иногда в сознании очень долго. В таком случае, по Сеченову, человеку очень трудно вспомнить, что именно вызвало в нем данный ряд мыслей. Однако все эти случаи доказывают только одно: беспричинных психических актов не бывает, все они детерминированы не только внешними, но и внутренними факторами. *Но при чем здесь рефлекторный характер произвольных движений?* Все примеры, приведенные Сеченовым, к ним не относятся.

Очевидно, что многие выученные и произвольные (психические) поведенческие реакции человека не вписываются в трехзвенную модель рефлекса.

Кроме того, в рассуждениях Сеченова о рефлекторном характере произвольных движений (а для него это синоним психического акта) тесно переплетаются две линии, которые им не

дифференцируются. Первая связана с *генезисом и по сути условнорефлекторным (пользуясь павловской терминологией) механизмом формирования* психических актов у ребенка в онтогенезе, а вторая – с *механизмом запуска (воспроизведения)* выученных произвольных движений в каждом конкретном случае. Очевидно, что это не одно и то же, хотя и в том, и в другом случае может участвовать механизм ассоциации, на который указывает Сеченов. Ведь одно дело наличие ассоциативной связи между внешним раздражителем и безусловным рефлексом, а другое – наличие ассоциации между представлением какой-либо ситуации и реакцией на нее (а может быть, и отсутствием таковой).

Учитывая все это, утверждение И. М. Сеченова, что «все без исключения психические акты, не осложненные страстным элементом... развиваются путем рефлекса. Стало быть, и все сознательные движения, вытекающие из этих актов, движения, называемые обыкновенно произвольными, суть в строгом смысле отраженные», и что «...вопрос, лежит ли в основе произвольного движения раздражение *чувствующего нерва*, решен утвердительно» [1953, с. 93–94; выделено мною. – *Е. И.*], выглядит излишне обобщенным.

Существенным в представлениях Сеченова о произвольных движениях является наличие в рефлекторном акте механизма, *задерживающего их*. «Итак, существуют ли факты в сознательной жизни человека, указывающие на задерживание движений? Фактов этих так много и они так резки, что именно на основании их люди и называют движения, происходящие при полном сознании, произвольными», – писал И. М. Сеченов [1953, с. 94–95]. При этом способность задерживать произвольные и произвольные движения, по Сеченову, тоже выучивается в процессе онтогенетического развития человека. Постановка вопроса о торможении является несомненной заслугой И. М. Сеченова, хотя раскрыть его природу в различных случаях (особенно у человека) он в то время еще не мог. Тормозные явления он наблюдал лишь в экспериментах на лягушке при сильном раздражении чувствующего нерва и при раздражении кристалликом соли области среднего мозга. Не случайно он писал: «Путь развития способности, парализующей движение (прошу не забывать читателя, что для человека это гипотеза), чрезвычайно темн...» [1953, с. 97]. Наблюдения на лягушке Сеченов все же попытался распространить и на человека, утверждая, что «приняв существование подобных механизмов как логическую необходимость, следует принять вместе с тем и возбуждаемость их путем рефлекса» [1953, с. 98].

Определение мысли как двух третей рефлекса действительно недостаточно. Нельзя, однако, брать приведенное определение вне контекста, в котором оно дано. Специфика задач, стоявших перед «Рефлексами головного мозга», определила и угол зрения, под которым трактуются в этой работе познавательные процессы, в частности, мышление. Сеченовский вывод о том, что «все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы» вовсе не означал отрицания специфики произвольного действия. Последнему же, в отличие от импульсивного действия, свойственна внутренняя фаза, благодаря которой совершение поступка предваряется обдумыванием, взвешиванием, выбором. Сеченову важно было пояснить, не отступая от основных положений рефлекторной теории, происхождение этой фазы. Открытие центров, задерживающих рефлексы, послужило ему не только для того, чтобы указать физиологический субстрат торможения мышечной реакции, но и для того, чтобы объяснить возможность превращения действия из реального в умственное, благодаря чему возникает, как говорит Сеченов, «поступок в мысли», т. е. внутренний план действительности.

[Ярошевский, 1958, с. 76].

Однако при рассмотрении задерживающего механизма И. М. Сеченов и здесь не удержался от широких и не совсем оправданных обобщений. Так, он стал говорить, что «во всех случаях, где сознательные психические акты остаются без всякого внешнего выражения, явления эти сохраняют тем не менее природу рефлексов» [1953, с. 96], что совсем не очевидно. В связи с задерживающим механизмом он говорит о *рефлексах с задержанным концом* и относит к этим рефлексам *мысль, желание, намерение*.

Более сложной оказалась судьба идей Сеченова о рефлексх с ослабленным двигательным концом. Спорность (а многим физиологам она казалась сомнительной и даже принципиально ошибочной) этой идеи заключалась, однако, вовсе не в утверждении существования механизма, ослабляющего рефлекс, поскольку сам Сеченов обогатил науку открытием центрального торможения... Спорным оказалось толкование Сеченовым психологического эффекта этого механизма – связи мысли с ослаблением двигательного конца рефлекса. Спор этот имеет долгую историю и далеко не закончен.

[Ананьев, 1966, с. 47].

Однако это представление противоречит его постулату, что любой психический акт своим *внешним* проявлением имеет *мышечное движение*, о чем он говорил в предисловии к книге. Сейчас же он говорит уже о другом: «В мысли есть начало рефлекса, продолжение его, и только нет, по-видимому, конца – движения. *Мысль есть первые две трети психического рефлекса*» [1953, с. 99]. Выходит, не любой психический акт заканчивается мышечным движением. Наконец, вряд ли можно согласиться с Сеченовым, что умение мыслить появляется благодаря умению сдерживать конечный член рефлекса: «Теперь я покажу читателю первый и главнейший из результатов, к которому приводит человека искусство задерживать конечный член рефлекса. Этот результат *резюмируется умением мыслить, думать, рассуждать*», – пишет Сеченов [1953, с. 99].

В случае же, если внешнее влияние, т. е. чувственное возбуждение, остается, как это чрезвычайно часто бывает, незамеченным, то, конечно, мысль принимается даже за первоначальную причину поступка... Между тем это величайшая ложь. Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении, потому что без него никакая мысль невозможна.

[Сеченов, 1953, с. 100–101].

В своих рассуждениях о том, что мысль не является причиной поступка (я бы уточнил: первичной причиной), Сеченов отчасти прав: мысль что-то сделать возникает под влиянием осознания желания, хотения (т. е. как сейчас говорят – потребности), а осознание последней связано с ощущениями либо внешних, либо внутренних раздражений (ощущение голода, жажды, боли и т. п.). Но, с другой стороны, поступок *в данный момент* может быть следствием мысли-вспоминания (по механизму ассоциации с другой мыслью), а не следствием внешнего раздражения. Почему-то такие случаи Сеченов не рассматривает. Зато он справедливо указывает на то, что к мысли может присоединяться представление о конце рефлекса (т. е. представление о действии, поступке) и что человек часто выбирает образ действий из множества возможных. Таким образом, в средний член психического рефлекса Сеченов включает и сознательные акты, связанные с конечным этапом мотивационного процесса.

Справедливо его утверждение, что всегда можно найти причину хотению, но вряд ли можно согласиться, что осуществляемые по хотению (в соответствии с появившейся мыслью) движения целиком машинообразны (невольны). Рассуждая так, Сеченов не учитывает сознательный процесс целеполагания (и вообще не использует понятие «цель»).

Лишь в конце книги Сеченов заговорил о роли внутренних условий для осуществления произвольных движений (психического рефлекса): «Итак, вопрос о полнейшей зависимости произвольнейших из произвольных поступков от внешних и внутренних условий человека решен утвердительно». И при этом он снова упорно утверждает, что «первая причина всякого человеческого действия лежит вне его» [1953, с. 114].

Это тем более странно, что Сеченов пишет не только о мысли как рефлексе с задержанным концом, но и о желании как о рефлексе того же типа: «Читателю уже известно, какое место занимает желание в процессе страстного рефлекса [т. е. рефлекса с усиленным эмоцией концом. – Е. И.]. Оно является каждый раз, когда страстный рефлекс остается без конца, без удовлетворения...» [1953, с. 110]. Но ведь желание – это хотя во многих случаях и ощущение, как пишет Сеченов, и, следовательно, отражение в сознании человека возникшей потребности (потребностного состояния), но оно не всегда возникает в связи с внешними раздражителями, а является результатом процессов, происходящих и *внутри* организма (биологические потребности). Кроме того, по Сеченову, желание появляется как результат неудовлетворенной потребности. Но разве сама потребность не отражается в сознании человека как желание?

Рефлекторный характер актов, где движение отсутствует, Сеченов объясняет весьма своеобразно. Для него нет разницы в том, что проявляется на третьем этапе рефлекса – движение или его задержка, так как задержку он тоже рассматривает как эффекторное звено рефлекса. Но, во-первых, задержка рефлекторного (непроизвольного) движения – это одно, а отсутствие его – это другое. Мы можем видеть лишь внешнее проявление – отсутствие движения, но не можем сказать, должно ли оно было появиться в ответ на внешнее раздражение и, следовательно, было ли оно подавлено возбуждением тормозного механизма. Во-вторых, значит ли отсутствие движения следствием того, что внешний раздражитель был другим по сравнению с тем, который вызывает это движение роковым образом, или же его подавляет более сильный (доминантный) очаг возбуждения, или, наконец, разум человека?

И. М. Сеченов пишет, что «мысль одарена в высокой степени характером субъективности» [1953, с. 100]. Но что это означает, если считать, по Сеченову, что мысль – это две трети рефлекса? То, что этот «рефлекс без конца» тоже субъективен. Если же учесть, что и слова (которые у Сеченова выступают эффекторной частью рефлекса), с помощью которых человек думает, являются «чисто субъективными слуховыми ощущениями» [1953, с. 100], то получается, что и полный рефлекс по своему характеру субъективен. И тут уже возникает неувязка со стремлением Сеченова показать *объективный* характер психической деятельности, ее обусловленность объективными факторами (внешними воздействиями), для чего, собственно, ему и понадобилось представление о рефлексе.

В заключение И. М. Сеченов останавливается на пробелах в его исследовании:

1) В книге «разбирается только внешняя сторона психических рефлексов, так сказать, одни пути их; о сущности самого процесса нет и помина» [1953, с. 114–115].

2) Принимая за исходную точку исследования явления чистого рефлекса, автор учитывает гипотетичность многих высказанных положений, не имеющих прямых доказательств в отношении человека, а полученных при изучении безусловных рефлексов у лягушек⁷. «В исследовании не упомянуто об индивидуальных особенностях нервных аппаратов у ребенка по рождении его на свет» [1953, с. 115].

3) Автор сознается, что строил эти гипотезы, «не будучи почти совсем знаком с психологической литературой». Его целью было лишь показать приложимость физиологических знаний к явлениям психической жизни. Против этого возражать не приходится. Важно только при этом не делать слишком широких обобщений.

⁷ Многие из предположений Сеченова оказались реальностью, но многие неясны и по сей день.

Как же воспринимать написанное в «Рефлексах...» И. М. Сеченовым? По-моему, он сам дал ответ на этот вопрос: «Но что же тогда все ваше учение? – спросят меня. – *Чистой гипотеза*, в смысле обособления у человека трех механизмов, управляющих явлениями сознательной и бессознательной психической жизни (чисто отражательного аппарата, механизма задерживающего и усиливающего рефлекса)... Моя главная задача заключается в том, чтобы доказать, что все акты сознательной и бессознательной жизни, по способу происхождения, суть рефлексы. Объяснения же, почему концы этих рефлексов в одних случаях ослаблены до нуля, в других, напротив, усилены, представляют вопросы уже второстепенной важности» [1953, с. 115; выделено мною. – *Е. И.*]. Но поскольку в рефлексах их эффекторная часть должна возникать обязательным образом и строго определенного характера, Сеченов пишет: «Отсюда же роковым образом следует, что *при одних и тех же внутренних и внешних условиях человека деятельность его должна быть одна и та же*» [1953, с. 114]. Но бывает ли так, чтобы и внешние, и внутренние условия были всегда одинаковые? Формула Н. А. Бернштейна «Повторение без повторения» дает на этот вопрос отрицательный ответ. Кроме того, являются ли все так называемые «рефлексы с задержанным концом» или лишенные афферентного начала действительно рефлексами в их классическом понимании?

...Среди передовых мыслителей физиологии, биологии и медицины известное распространение имела идея о рефлекторном характере и природе работы мозга как органа психической деятельности... Но эта материалистическая идея также оказалась не в силах заметно изменить общую картину вещей, так как она тогда носила умозрительный, созерцательный характер, была «только теоретизированием», «физиологической схемой» (И. П. Павлов), не имела необходимого фактического подкрепления и должной действенной силы, развивалась как бы разобщенно от производимых в те времена экспериментально-лабораторных исследований функций мозга. Лишенная «естественного питания», она неминуемо должна была завянуть.

Интерес к ней заметно ослабел даже... у Сеченова. Его идейный наследник И. П. Павлов не без основания отметил: «Интересно, что потом Иван Михайлович более не возвращался к этой теме в ее первоначальной и решительной форме» (Полное собр. трудов, т. III. С. 18).
[Асратян, 1974, с. 175].

Мне представляется, что достаточно точную оценку «Рефлексов...» дал В. М. Бехтерев, который изложил их основную идею следующим образом: она «давала общую схему так называемых психических процессов, ставя их в связь с внешним воздействием и сводя их в окончательном итоге к движению» (из личного архива В. М. Бехтерева, найденного З. П. Исаевой, 1952). Заслуга И. М. Сеченова состоит в формулировании *общей схемы* реагирования человека на объективно существующие внешние и внутренние стимулы, в отстаивании *принципа причинности* психических явлений. И если первая часть книги, касающаяся безусловных рефлексов, имела экспериментальное доказательство в опытах самого И. М. Сеченова и других физиологов, то вторая часть, касающаяся произвольной психической деятельности, такового подтверждения не имела, а приводимые Сеченовым примеры доказывают условнорефлекторный характер приобретения навыков, но не рефлекторный характер *всех* психических явлений и их запуска.

Поэтому заявления, продолжающиеся и до сего времени, что И. М. Сеченов *доказал* рефлекторный характер психических актов, представляются все же несколько преувеличенными (если, конечно, не понимать рефлекс как *принцип* в философском понимании, т. е. как идею «принципиальной зависимости биологических и психических процессов от факторов

среды» [Бассин, 1963, с. 720]), отбросив при этом приверженность трехзвенной рефлекторной дуге.

«Рефлексы головного мозга» – это гениальное творение русского ума, одно из величайших достижений русской науки и неопределимый вклад в сокровищницу русской и мировой культуры. Касаясь этой работы Сеченова, оказавшей огромное влияние на формирование передовой научной, философской и общественной мысли в России и проложившей новые пути в развитии биологии и научной психологии, Павлов в 1915 г. писал: «Создание И. М. Сеченовым учения о рефлексах головного мозга представляется мне гениальным взмахом русской научной мысли; распространение понятия рефлекса на деятельность высшего отдела нервной системы есть провозглашение и осуществление великого принципа причинности в крайнем пределе проявления живой природы. Вот почему для научной России память И. М. Сеченова должна остаться навсегда неизменно дорогой» (Предисловие к книге: И. М. Сеченов. Избранные труды ВИЭМ, 1935. С. XXIII).
[Каганов, 1953, с. 11].

Говоря о значении «Рефлексов головного мозга» для отечественной психологии, Б. Г. Ананьев (1966) справедливо отмечает ряд недооцененных на фоне подчеркивания значения рефлекторной теории моментов, в частности наметившийся и настойчиво проводимый Сеченовым в своей книге генетический подход к изучению развития в онтогенезе психической деятельности, сформулированный в 1855 году англичанином Г. Спенсером. При этом Сеченов трансформировал спенсеровский филогенетический принцип развития психики, отмечая ведущую роль внешнего мира, и превратил проблему онтогенеза в главную проблему теории развития. Он стал говорить, таким образом, о рефлексах, которые К. Д. Ушинский четыре года спустя в своей книге «Человек как предмет воспитания» назвал усвоенными рефлексами. Как пишет Б. Г. Ананьев, «в “Рефлексах головного мозга” и в других произведениях Сеченов задолго до возникновения детской психологии и тем более возрастной физиологии высшей нервной деятельности прослеживал путь индивидуального развития человека от рождения до зрелости» [1966, с. 41].

Другим важным достижением Сеченова является распространение им ассоциативной теории, касающейся идей, т. е. связей между представлениями, на связи сенсомоторной сферы: слушания, видения, ощупывания и т. д.

2.2. «Кому и как разрабатывать психологию»

Особое место во взглядах Сеченова на психологию занимает его работа «Кому и как разрабатывать психологию» (1873). Она меньше всего обсуждается современными психологами, хотя обозначает позицию Сеченова относительно взаимоотношений физиологии и психологии гораздо отчетливее, чем «Рефлексы головного мозга». Формальным поводом к ее написанию послужила книга видного идеолога либералов К. Д. Кавелина «Задачи психологии» (1872), в которой автор выступал против идей, высказанных И. М. Сеченовым в «Рефлексах головного мозга». Он называл взгляды Сеченова «запоздалым, одряхлевшим, не помнящим родства потомком схоластики» и утверждал, что без «умозрения» и «самосознания» нельзя ступить шагу даже в естественных науках. Кавелин доказывал, что основной задачей психологии является сбор опытных знаний о психике. Объективным материалом для этого могут служить продукты творческой деятельности человека как конечный результат психических процессов. А поскольку такими продуктами являются историко-культурные материалы, то изучение психологии – дело рук «гуманитариев».

С этим был решительно не согласен И. М. Сеченов. Он был убежден, что в историко-культурных материалах нельзя найти «средство к рассеиванию тьмы, окружающей психические процессы». Он писал, что до сих пор психология осталась «непечатой наукой», потому что у нее нет надежного фундамента в виде закономерностей протекания нервных процессов в центральной нервной системе.

Каково было отношение И. М. Сеченова к той психологии, которая существовала в его время? Ответ можно найти в первых же строках его работы «Кому и как разрабатывать психологию»: «... Обладая таким громадным преимуществом перед науками о материальном мире, где объекты познаются посредственно, психология как наука не только должна была бы идти впереди всего естествознания, но и давно сделаться безгрешною в своих выводах и обобщениях. А на деле мы видим еще нерешенным спор даже о том, *кому* быть психологом и *как* изучать психические факты.

Кто признает психологию неустановившейся наукой, должен признать далее, что объекты ее изучения, психические факты, должны принадлежать к явлениям в высшей степени сложным. Иначе как объяснить себе ужасающую отсталость психологии в деле научной разработки своего материала, несмотря на то что разработка эта началась с древнейших времен, – раньше, чем, например, стала развиваться физика и особенно химия?

С другой стороны, всякий, кто утверждает, что психология как наука возможна, признает вместе с тем, что психическая жизнь вся целиком или по крайней мере некоторые разделы ее должны быть подчинены столько же непреложным законам, как явления материального мира, потому что только при таком условии возможна *действительно научная* разработка психических фактов.

По счастью этот жизненный вопрос психологии решается утвердительно даже такими психологическими школами, которые считают духовный мир отделенным от материального непроходимой пропастью. Да и можно ли думать иначе? Основные черты мыслительной деятельности человека и его способности чувствовать остаются неизменными в различные эпохи своего исторического существования, независимо ни от расы, ни от географического положения, ни от степени культуры... Единственный камень преткновения в деле принятия мысли о непреложности законов, управляющих психической жизнью, составляет так называемая произвольность поступков человека. Но статистика новейшего времени бросила неожиданный свет и в эту запутанную сферу психических явлений, доказав цифрами, что некоторые из действий человека, принадлежащих к разряду наиболее произвольных (например, вступление в брак, самоубийство и пр.), подчинены определенным законам...

Этим дана, однако, только возможность науки, действительное же ее возникновение начинается с того момента, когда непреложность явлений может быть **доказана**, а не только предчувствуема, притом не только по отношению к целому, т. е. в общих чертах, но и к частностям...» [1953, с. 118–120; жирным шрифтом выделено мною. – Е. И.].

Как подступиться к изучению психических актов. Сеченов считает, что основным принципом изучения психических актов могло бы быть объяснение сложного простейшим, т. е. сопоставление психической деятельности человека с таковой у животных. «*Явно, что исходным материалом для разработки психических фактов должны служить, как простейшие, психические проявления у животных, а не у человека*» [1953, с. 120]. И далее: «... Убеждение в качественном различии между психической организацией человека и животных нельзя считать научно доказанным; это продукт предчувствия, а не научного анализа фактов... Но положим даже, что сходство психической организации человека и животных идет лишь до известного предела, за которым между ними начинаются различия по существу. И в этом случае рациональный путь для изучения психических явлений у человека должен был бы заключаться в разработке сходных сторон...» [1953, с. 121].

Так должно было бы быть, но в настоящее время это сделать невозможно, отмечает Сеченов, потому что еще нет ни сравнительной психологии животных, ни психологии собственно человека. «Но, с другой стороны, легко понять, что путем сравнения между собою конкретных фактов большей и меньшей сложности в самом счастливом случае можно достичь полного сведения сложной конкретной формы на простую, но никак не расчленив последнюю. Значит, в нашем случае перед исследователем возникал бы новый вопрос о способах расчленять конкретные психические явления у животных. Средств для этого, подобных тем, которые употребляет физиология для анализа явлений животного тела, к сожалению, у нас нет, и главнейшая причина этому заключается в том, что одна из наиболее выдающихся сторон психических явлений – сознательный элемент – может подлежать исследованию только сама по себе, при помощи самонаблюдения» [1953, с. 122].

И. М. Сеченов пишет: «Сопоставление конкретных психических явлений у животных и человека есть сравнительная психология. Сопоставление же психических явлений с нервными процессами его собственного тела кладет основу аналитической психологии, так как телесные нервные деятельности до известной степени уже расчленены. Таким образом, оказывается, что психологом-аналитиком может быть только физиолог» [1953, с. 118]. Далее [1953, с. 135] И. М. Сеченов называет его *физиолого-психологом*, или, выражаясь современным языком, психофизиологом.

Отсюда Сеченов вынужден обратиться к другим источникам познания психических актов, и *этим источником является физиология*, которая «представляет целый ряд данных, которыми устанавливается родство психических явлений с так называемыми нервными процессами в теле, актами чисто соматическими» [1953, с. 123]. Он утверждает, что ясной границы между нервными процессами и явлениями, признаваемыми психическими, не существует. Сходство же заключается в том, что и рефлекс, и деятельность «высших органов чувств», являющаяся «главным источником психического развития», имеют общую существенную внешнюю сторону – возникать «из внешнего возбуждения чувствующей поверхности» и заканчиваться возбуждением рабочих органов тела, мышц и желез⁸: «Беру в пример случай, когда человек бежит от испуга, увидев какой-нибудь страшный для него образ или слышав угрожающий ему звук, – пишет Сеченов. – Если разобрать весь акт, то в нем оказывается зрительное или слуховое представление, затем – сознание опасности и, наконец, целесообразное действие: все элементы рассуждения, умозаключения и разумного поступка; а между тем это, очевидно, психический акт низшего разряда, имеющий вполне характер рефлекса.

Значит, со стороны внешней физиологии и общего значения в теле рефлекс и низшие формы деятельностей органов чувств могут быть приравнены друг к другу.

Но ведь в сравниваемых нами явлениях, кроме начала и конца, есть еще середина, и возможно, что именно из-за нее они и не могут быть приравнены друг к другу. Если в самом деле сопоставить друг с другом, например, мигание и только что упомянутый случай испуга, то можно, пожалуй, даже расхохотаться над таким сопоставлением. В мигании мы ни сами по себе, ни на других не видим ничего, кроме движения, а в акте испуга, если его приравнять рефлексу, середине соответствует целый ряд психических деятельностей. Разница между обоими актами как крайними членами ряда действительно громадна, но есть простое средство убедиться, что и в нормальном мигании есть все существенные элементы нашего примера испуга, не исключая и середины» [1953, с. 125–126]. Сеченов утверждает, что и при мигании

⁸ Характерно, что по сравнению с «Рефлексами головного мозга» И. М. Сеченов в рассматриваемой работе говорит не только о внешних воздействиях (чувствованиях), но все более и более о внутренних побуждениях к действиям (потребностях, желаниях, «внутреннем голосе», которые он принимает за средний член рефлекса [1953, с. 184]), правда, продолжая при этом утверждать, что потребности (желания) возникают по поводу лишь внешних импульсов. Тем самым И. М. Сеченов затронул проблему не только внешнеорганизованной («внешней»), но и внутреннеорганизованной («внутренней») мотивации. Кроме того, теперь в число эффекторных реакций он включает не только движения, но и слюноотделение.

(т. е. при любом рефлексе) имеется среднее звено как психический акт, и таковым является ощущение. «Дуньте человеку или животному потихоньку в глаз – оно мигнет сильнее нормального, а человек ясно почувствует дуновение на поверхность своего глаза. Это ощущение и будет средним членом отраженного мигания. Оно существует и при нормальных условиях, но так слабо, что не доходит, как говорится, до сознания... Наблюдения дают повод думать, что у нормального, необезглавленного животного вообще едва ли есть в теле рефлексы, которые при известных условиях не сопровождались бы чувствованием» [1953, с. 126].

Действия наши управляются не призраками, вроде разнообразных форм я, а мыслью и чувством. Между ними у нормального человека всегда полнейшая параллельность: внушен, например, поступок моральным чувством – его называют благородным; лежит в основе его эгоизм – поступок выходит расчетливым; продиктован он животным инстинктом – на поступке грязь... В этом-то смысле сознательно разумную деятельность людей и можно приравнять двигательной стороне нервных процессов низшего порядка, в которых средний член акта, чувствование, является регулятором движения в деле доставления последним той или другой пользы телу.
[Сеченов, 1953, с. 186].

В этом отрывке интересна логика доказательств, взятая Сеченовым на вооружение: не этапы произвольных актов человека подтягиваются к трем звеньям рефлекса, а наоборот, делается попытка аналогизировать звенья рефлекса с этапами произвольных актов человека: восприятие внешних воздействий, оценка их, обдумывание и принятие решения, ответный двигательный акт (целесообразное действие).

Далее Сеченов пишет: «...Но посмотрим, не прекратится ли она [аналогия. – Е. И.], как только мы переступим в сфере деятельности высших органов чувств ту черту, которая отделяет инстинктивные действия, вытекающие из чувства самосохранения, от действий более высокого порядка, в которые вмешивается воля. Известно, что этот агент придает деятельности человека характер, всего менее похожий на машинообразный, – характер, который выражен особенно резко на высших степенях психического развития» [1953, с. 127–128]. Сеченов полагал, что аналогия есть единственное средство расчленив сложные психические факты на более простые, т. е. отнести к ним аналитически. Аналогизировать же сложные психические факты Сеченов предлагает с явлениями рефлекторного типа, а это уже дело физиолога. «Все психические акты, совершающиеся по типу рефлексов, должны всецело подлежать физиологическому исследованию, потому что в область этой науки относится непосредственно начало их, чувственное возбуждение извне, и конец движение; но ей же должна подлежать и середина – психический элемент в тесном смысле слова, потому что последний оказывается очень часто, а может быть, и всегда, не самостоятельным явлением, как думали прежде, но интегральной частью процесса... Ведению физиологии должны подлежать и случаи психических актов, уклоняющиеся по внешнему характеру более или менее резко от типа рефлексов» [1953, с. 133]. Спрашивается, а чем же тогда должны заниматься психологи?

В основе теорий практической [обыденной, имплицитной. – Е. И.] психологии лежат часто верно схваченные факты, а с другой стороны, теории эти нередко имеют на первый взгляд очень осмысленную логическую форму, несмотря на то, что в основе их лежат положительные фикции. Главнейшим, если не исключительным, источником ошибок последнего рода служит пагубная привычка людей забывать фигуральность, символичность речи и принимать диалектические образы за психические реальности, т. е. смешивать номинальное с реальным, логическое с истинным.

Вообще же грехи, известные всем под общим именем игры в слова, проистекают главнейшим образом из того обстоятельства, что человек, будучи способен производить над словами как символическими знаками предметов и их отношений те же самые умственные операции, как над любым рядом реальных предметов внешнего мира, переносит продукты этих операций на почву реальных отношений. Бывают, например, случаи, что в психологию переносятся крайние продукты отвлечения или обобщения, и тогда в науке появляются в виде реальностей пустые абстракты вроде «бытия», «сущности вещей» и пр. ... Бывают даже такие случаи, когда человек, додумавшись, как говорится, до чертиков, начинает прямо облекать в психическую реальность какую-нибудь невинную грамматическую форму; сюда относится, например, знаменитая по наивности и распространенности игра в «я».

[Сеченов, 1953, с. 137, 139–140].

«Что касается до надежности тех рук, в которые попадает психология, – продолжает И. М. Сеченов, – то в них, конечно, никто не усомнится; порукой в этом те общие начала и та трезвость взгляда на вещи, которыми руководится современная физиология. Как наука о действительных фактах она позаботится прежде всего отделить психические реальности от психологических фикций, которыми запружено человеческое сознание по сие время. Верная началу индукции, она не кинется сразу в область высших психологических проявлений, а начнет свой кропотливый труд с простейших случаев; движение ее будет через это, правда, медленно, но зато выиграет в верности. Как опытная наука она не возведет на степень непоколебимой истины ничего, что не может быть подтверждено строгим опытом; на этом основании в добытых ею результатах гипотетическое будет строго отделено от положительного. Из психологии исчезнут, правда, блестящие, всеобъемлющие теории; в научном содержании ее будут, наоборот, страшные пробелы; на месте объяснений в огромном большинстве случаев выступит лаконичное “не знаем”; сущность психических явлений, насколько они выражаются сознательностью, останется во всех без исключения случаях непроницаемой тайной... и тем не менее психология сделает огромный шаг вперед. В основу ее будут положены вместо умствований, нашептываемых обманчивым голосом сознания, положительные факты или такие исходные точки, которые в любое время могут быть проверены опытом. Ее обобщения и выводы, замыкаясь в тесные пределы реальных аналогий, высвободятся из-под влияния личных вкусов и наклонностей исследователя, доводивших психологию иногда до трансцендентальных абсурдов, и приобретут характер объективных научных гипотез. Личное, произвольное и фантастическое заменится через это более или менее вероятным. Одним словом, *психология приобретет характер положительной [объективной. – Е. И.] науки. И все это может сделать одна только физиология, так как она одна держит в своих руках ключ к истинно научному анализу психических явлений*» [1953, с. 134]. Удивительная вера во всемогущество физиологии!

В своей программе преобразования психологии в самостоятельную опытную науку Сеченов возлагал главные надежды на объективный метод наблюдения за генезисом и эволюцией индивидуального поведения. Об экспериментальном методе в его программе речи не было... (Архивные данные говорят о том, что в конце 60-х годов у Сеченова возник план «психологических опытов». Есть основания предполагать, что под «психологическими опытами» Сеченов имел в виду ассоциативный эксперимент, вскоре приобретший в психологических лабораториях огромную популярность.) Сеченов не смог преобразовать свою теоретическую модель в экспериментальную программу. В этом заключалась слабая сторона его плана

разработки психологии. Поисками экспериментальной программы занялись его последователи.

План разработки объективной психологии Сеченов выдвинул за 40 лет до так называемой бихевиористской революции, низвергнувшей сознание с пьедестала, на котором оно находилось в течение веков в качестве официального предмета психологического исследования. Сейчас зарубежные историки признают, что Сеченов первым произвел этот переворот.

Говоря о зарождении объективной психологии, американский историк Э. Боринг пишет: «Сеченов стал русским пионером рефлексологии... Мы должны, кроме того, помнить, что он был далеко впереди западноевропейской мысли в этом вопросе» (1950, с. 636). Анализируя появление бихевиоризма, другой историк, Робек, полагает, что его главные идеи были заложены русскими. «Это действительно удивительно, – пишут другие американские историки, – что основная философская и методологическая позиция Сеченова почти идентична по своей объективности позиции Уотсона...» (Marx, Hillix, 1973, с. 171). От американских историков, считающих сеченовскую программу первым вариантом бихевиоризма, ускользнул ее подлинно новаторский смысл.

Объективная психология представлялась Сеченову в отличие от бихевиористов совершенно иной наукой. Устранив из поведения психические регуляторы типа чувствований – сигналов (представляющих категорию образа), бихевиоризм оставил от действия связку «стимул-реакция». Но тем самым реальное действие оказалось деформированным. Из него выпал образ, в котором представлен предметный мир, определяющий посредством мотивов субъекта ориентацию и построение этого действия.

Последующий ход развития психологического знания показал смысл переворота, произведенного Сеченовым. Он состоял в радикальном перемещении отправного пункта анализа с непосредственно данных феноменов сознания, веками считавшихся для познающего ума первой реальностью, на объективное психически регулируемое поведение, познаваемое подобно другим явлениям науки только опосредованно.

[Петровский, 1976, с. 240–241].

Надо все же отметить, что, несмотря на то что Сеченов считает такой путь изучения единственно рациональным и неизбежным, он все же не отрицает и возможности неудачи и прихода к выводам, прямо противоположным ожидаемым. Нельзя не обратить внимания и на весьма любопытную его фразу о наличии психических актов, уклоняющихся по внешнему характеру от типа рефлексов. Не означает ли это, что не все психические акты рефлекторны или рефлексоподобны?

При всей убедительности аргументов И. М. Сеченова, которые он использовал для утверждения своих взглядов на поведение и психику, ему не хватало самого главного аргумента – лабораторного объективного метода исследования.

Поднявшись до распространения рефлекторного принципа на психическую деятельность и рассматривая рефлекс как психофизиологический феномен, И. М. Сеченов не смог изучить конкретные механизмы поведения в связи с отсутствием надлежащего метода. Поэтому ряд его высказываний остался лишь гениальными догадками, взмахом его могучей мысли.

[Батуев, 2004, с. 12].

Важным является высказанное Сеченовым положение, что психология не должна ограничиваться лишь психическими актами, происходящими в сознании человека, но в нее должна входить и его *внешняя деятельность*, выражающаяся движениями или поступками. «Спросите любого образованного человека, – пишет он, – что такое психический акт, какова его физиология, – и всякий, не обинуясь, ответит вам, что психическими актами называются те неизвестные по природе душевные движения, которые отражаются в сознании ощущением, представлением, чувством и мыслью. Загляните в учебники психологии прежних времен – то же самое: психология есть наука об ощущениях, представлениях, чувствах, мысли и пр. Убеждение, что *психическое* лишь то, что *сознательно*, другими словами, что психический акт начинается с момента его появления в сознании и кончается с переходом в бессознательное состояние, – до такой степени вкоренилось в умах людей, что перешло даже в разговорный язык образованных классов. Под гнетом этой привычки и мне случалось говорить о среднем члене того или другого рефлекса как о психическом элементе или даже как о психическом осложнении рефлексорного процесса, а между тем я, конечно, был далек от мысли обособлять средний член цельного акта от его естественного начала и конца» [1953, с. 131].

И что же из этого высказывания Сеченова должно следовать? Что рефлексорный акт целиком есть психический и что психология должна изучать и внешние проявления психических актов, т. е. моторные (психомоторные) действия? М. Г. Ярошевский, кстати, так это и понимает, заявляя, что «то, что обычно понимается под “психическим”, есть, по Сеченову, лишь “интегральная часть процесса”. Психология же должна изучать цельный процесс» [1958, с. 75].

Какова же, по Сеченову, архитектура психического акта? Подобно нервному, психический акт имеет наряду с центральной фазой начальную и конечную, непосредственно соединяющие его с внешней средой. Трехфазный психический акт принципиально нерасщепим. Это своего рода монада. Стало быть, предмет психологического исследования как такового должен стать процесс, развертывающийся не в сознании (или в сфере бессознательного), а в объективной системе отношений, как мы бы сейчас сказали – процесс поведения (во времена Сеченова научного термина «поведение» еще не было).

Начальную фазу всего процесса составляют внешние влияния. Идея первичности внешних влияний является исходной для всех материалистических теорий. Из нее исходил и Сеченов. Но у него внешний импульс становится производящей причиной процесса, лишь превратившись в чувство. Только в качестве чувствования он способен детерминировать целостный процесс, который завершается действием, обращенным на предметный мир.

Главными психическими элементами, по Сеченову, являются, таким образом, чувство и действие, а принципом построения поведения – согласование действия с выполняющим сигнальную роль чувствованием. ... Психическое – один из уровней сигнальной регуляции поведения. [Ярошевский, 1976, с. 237–238].

Основной смысл рассуждений Сеченова о среднем звене психических актов, совершающихся по типу рефлексов, состоит в том, что оно является не самостоятельным явлением, как считалось в то время, а необходимой частью рефлекса как интегрального процесса. Он считает невозможным оторвать сознательный элемент от своего начала – внешнего импульса и конца – поступка, вырвать из анализа целого, созданного природой, середину и противопоставить психическое материальному.

Отсюда И. М. Сеченов считает, что психические акты, «проявляющиеся чувством, ощущением, представлением, невольным или произвольным движением», по аналогии с нервными актами, должны рассматриваться как *процессы*, имеющие начало, течение и конец. «...Как основа научной психологии мысль о психической деятельности с точки зрения процесса, движения, представляющая собою лишь дальнейшее развитие мысли о родстве психических и нервных актов, должна быть принята за исходную аксиому... Принятая как проверочный критерий, она обязывает психологию вывести все стороны психической деятельности из понятия о процессе, движении» [1953, с. 141].

Сеченов писал: «*Научная психология по всему своему содержанию не может быть ничем иным, как рядом учений о происхождении психических деятельностей*» [1953, с. 145]. Здесь следует учесть замечание М. Г. Ярошевского [1976, с. 237], что «происхождение» у Сеченова означало не генезис, а протекание процесса, его совершение.

Что же, по мнению И. М. Сеченова, должна изучать психология? Он ставит перед этой наукой три задачи:

«психология должна изучать историю развития ощущений, представлений, мысли, чувства и пр.», т. е. их причинную обусловленность;

«изучать способы сочетания всех этих видов и родов психических деятельностей друг с другом, со всеми последствиями такого сочетания...»;

«изучать условия воспроизведения психических деятельностей» [1953, с. 143–144].

При этом он вновь подчеркивает, что первая задача (изучение истории возникновения отдельных психических актов) должна включать в себя и начало их, и внешнее проявление, т. е. двигательную реакцию, куда относится и речь. При решении второй задачи необходимо тоже обращать внимание на то, что делается с началами и концами отдельных психических актов. Наконец, в рамках третьей задачи должны изучаться условия репродукции цельных актов, а не одной их середины.

Понимание И. М. Сеченовым воли. К вопросу о механизме сознательных (произвольных) движений Сеченов в работе «Кому и как разрабатывать психологию» вернулся еще раз в самом ее конце.

Прежде всего, следует отметить, что, по Сеченову, всякое произвольное движение есть движение, заученное под влиянием условий, создаваемых жизнью. У ребенка, при его рождении на свет, имеются только непроизвольные движения. В ходе же заучивания он приобретает возможность (умение) управлять тем, что дано ему от рождения. В частности, рассматривая ходьбу, Сеченов писал: «...то, что мы называем заучением, не есть создание вновь целого комплекса движений, а лишь регуляция прирожденных, применительно к почве, по которой происходит движение. Регуляция же эта, как показывает физиологический анализ, заключается в выяснении тех ощущений, которыми сопровождается передвижение по твердой поверхности, служащей опорой для ног» [1953, с. 151]. Таким образом, овладение произвольными движениями осуществляется человеком на основе анализа кинестезических ощущений.

Сеченов писал, что «воля властна далеко не в одинаковой степени над разными формами произвольных движений» [1953, с. 173]. Иногда она является как бы совсем полномочной (например, сгибание или разгибание руки); в других случаях произвольное движение возможно, или по крайней мере значительно облегчается, только в присутствии какого-нибудь привычного внешнего условия (сведение зрительных осей при смотре на предмет; глотание, когда есть что проглотить); и, наконец, есть случаи, где воля властна лишь над самой поверхностью явления (мы не можем бесконечно долго произвольно задерживать дыхательные движения).

И. М. Сеченов считал, что «все произвольные движения как заученные или представляющие род искусственного воспроизведения натуральных (данных от рождения) актов (например, произвольное глотание или произвольное дыхание) приобретают от частоты повторения

характер привычных движений» [1953, с. 173]. «Этой-то привычностью произвольных движений и объясняется для физиолога то обстоятельство, что внешние импульсы к ним становятся тем более неуловимы, чем движение привычнее. Эта же неуловимость внешних толчков к движению и составляет, как всякий знает, главный внешний характер произвольных движений» [1953, с. 174]. Таким образом, Сеченов по-прежнему подчеркивает рефлекторный характер произвольных действий. Но, с другой стороны, он пишет, что «воля властна в каждом отдельном случае вызывать ее [ходьбу. – *Е. И.*], останавливать на любой фазе, ускорять и замедлять, но в детали механики она не вмешивается, и физиологи справедливо говорят, что именно этому-то обстоятельству ходьба и обязана своей машинальной правильностью» [1953, с. 174]. Выходит, что для запуска (инициации) произвольных движений внешние толчки и не нужны, их заменяет воля.

Сеченов пишет, что человек может делать в осуществляемые сочетанные движения произвольные вставки (трясти при ходьбе ногами, ходить спиной вперед, извращать слоги в речи и пр.), и импульсы к таким вставкам идут из воли, но возможность вставки дается только упражнением, приводящим к формированию привычки.

Что же касается человека, то относительно него еще и теперь не изжито представление о «свободе воли», вкоренилось убеждение, что в человеке есть нечто, не обусловленное объективными, вне его лежащими причинами. При этом нередко имеется в виду не временная трудность исследования, а принципиальная невозможность полного детерминирования явлений психической жизни. Это убеждение распространено и среди некоторой части ученых, замаскированное утверждением своеобразности психических явлений.

[*Шорохова, Каганов, 1963, с. 92*].

Прежде чем перейти к психологической стороне вопроса о произвольных двигательных действиях, Сеченов делает следующее резюме:

1. Все элементарные формы движений, заучиваемые в детстве, становятся подчиненными воле уже после того, как они заучены.

2. Чем заученнее движение, тем легче подчиняется оно воле, и наоборот (крайний случай – полное безвластие воли над мышцами, которым практическая жизнь не дает условий для упражнения).

3. Власть воли касается только начала, или импульса к акту, и конца его, а также усиления или ослабления движения; само же движение происходит без всякого дальнейшего вмешательства воли, будучи повторением того, что делалось многократно в детстве, «когда о вмешательстве воли в акт не может быть и речи» [1953, с. 177].

Из этих рассуждений не ясно, являются ли любые выученные движения произвольными (как быть с условными двигательными рефлексам?), что значит «выученными» – выучивание происходит при участии воли или без нее, и конечно, *что такое воля сама по себе*, которая может вмешиваться в осуществление движений – запускать и останавливать их, ускорять и замедлять.

Определения воли Сеченов в данной работе не дает (напомню, что в «Рефлексах...» он под волей понимал *самосознание*), но, ожидая возражения против своего понимания ее роли в заученных движениях, он пишет: «Кого уверишь в самом деле, что первый наш вывод всецело приложим и к движениям, заучаемым в зрелом возрасте, например, к ручной художественной или ремесленной технике, где заучение совершается под влиянием ясно сознаваемых разумных целей и где от *доброй воли* самого учащегося зависит успех дела».

Действительно, неужели держание ложки и поднесение ее ко рту и другие бытовые навыки вырабатываются как у взрослого, так и у ребенка без участия мотивации, а следова-

тельно, без наличия желания, цели, без представления о том, что человек хочет сделать? Сеченов пишет, что при всяком заучивании нужно:

- 1) чтобы рука обладала определенными функциональными возможностями: повернуться в любую сторону, сгибаться и разгибаться и т. д. (воля здесь властна только в запуске, остановке, усилении и ослаблении, и только);
- 2) чтобы она слушалась во всех этих движениях глаза, т. е. чтобы движения осуществлялись под зрительным контролем;
- 3) чтобы человек умел подражать показываемой ему форме движения;
- 4) чтобы человек умел отличать правильное движение от неправильного;
- 5) чтобы он упражнялся длительное время под контролем правильного образа движения.

Сеченов считает, что во втором и третьем пунктах воля не нужна, а это весьма спорно: зрительный контроль за демонстрируемым движением требует произвольного внимания, кроме того, разве человек не должен перевести произвольно зрительный образ в схему движения?

Следует обратить внимание на четвертый и пятый пункты в перечислении Сеченовым условий заучивания. Это необходимость иметь *правильный образ* (эталон заучиваемого действия, с которым происходит сравнение того, что получается). А наличие такого образа значительно усложняет рефлекторный механизм управления произвольными действиями, включает в него и психический компонент (внешнюю «обратную связь»).

По Сеченову, воля играет важную роль только при воспроизведении новой формы движения, которой человек не владел до начала обучения. Дальнейший же процесс заучивания, т. е. формирование двигательного навыка (запоминание последовательности движений, установление зрительного контроля), от воли совершенно не зависит [1953, с. 179]. Однако с этим согласиться трудно, так как упражнение, как писал позже Н. А. Бернштейн, это внесение постоянной коррекции в разучиваемое действие, которая происходит и сознательно.

Собственно, вопреки своему утверждению, об этом пишет и сам Сеченов: «Как можно втиснуть, – продолжает Сеченов, – бесконечно разнообразную картину произвольности человеческих действий в такую тесную безжизненную рамку, как наш третий вывод? Воля властна пускать в ход в каждом данном случае не только ту форму движения, которая ему наиболее соответствует, но любую из всех, которые вообще известны человеку. Мне хочется плакать, а я могу петь веселые песни и танцевать; меня тянет вправо, а я иду влево; чувство самосохранения говорит мне: “стой, там тебя ожидает смерть”, а я иду дальше. Воля не есть какой-то безличный агент, распоряжающийся только движением, – это *деятельная сторона разума и морального чувства, управляющая движением во имя того или другого* и часто наперекор даже чувству самосохранения. Притом в деле установления понятия о воле вовсе не важно то, вмешивается ли она в механические детали заученного сложного движения, а *важна глубоко сознаваемая человеком возможность вмешаться в любой момент в текущее само собой движение* и видоизменить его или по силе, или по направлению. Эта-то ярко сознаваемая возможность, выражающаяся в словах “я хочу и сделаю”, и есть та неприступная с виду цитадель, в которой сидит обыденное учение о произвольности» [1953, с. 177–178; выделено мною. – Е. И.].

Впрочем, И. М. Сеченов, который по праву считается основателем материалистического понимания воли и произведения которого являются излюбленным источником цитат для тех, кто стоит на тех же позициях, понимал данную проблему совсем не так однозначно, как это зачастую представляют себе его последователи. Мысли И. М. Сеченова о воле редко цитируются полностью, и, что самое главное, их смысл остается не до конца понятным, так как его высказывания можно трактовать по-разному, *подкрепляя противоположные воззрения на волю* различными его цитатами. Неудивительно, что на И. М. Сеченова опираются как В. Э. Чудновский, отстаивающий мотивационную теорию воли, так и А. Ц. Пуни, рассматривающий волю как самостоятельное психическое явление, в одном ряду с интеллектом и чувствами. И дей-

ствительно, с одной стороны, И. М. Сеченов пишет: «Ни обыденная жизнь, ни история народов не представляют ни единого случая, где *одна* холодная, безличная *воля* могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвиг. *Рядом с ней* всегда стоит, *определяя ее*, какой-нибудь нравственный мотив... Даже в самых сильных нравственных кризисах, когда, по учению обыденной психологии, воле следовало бы выступить всего ярче, *она сама по себе* действовать не может, а *действует* лишь во имя разума или чувства» [1953, с. 181]. Отсюда вроде бы И. М. Сеченов признает наличие воли, которая взаимодействует с мотивом при управлении поведением. А с другой стороны, он же пишет: «В обыденной жизни говорят так: человек этот должен был обладать двумя вещами: сильно развитым моральным чувством... и сильным характером или сильной волей; и к этому прибавляют даже, что чем сильнее жизненная борьба, тем сильнее воля у человека, который выходит из нее нравственно чистым. Так толкуют люди, и мы до такой степени свыклись с последней мыслью, что она кажется нам непоколебимой. Но правда ли это? Ведь если я вступаю в борьбу нравственно чистым и выхожу из нее таким же, не достаточно ли снабдить человека, вместо суммы чувство + воля, одним только нравственным чувством в усиленной степени?» [1953, с. 181]. Или: «Безличной, холодной воли мы не знаем; то же, что считается продуктом ее совместной деятельности с разумом и чувством, *может быть прямо выводимо из последних* [курсив мой. – Е. И.]» [1953, с. 181]. Это высказывание И. М. Сеченова можно понимать так, что воли как самостоятельного психологического феномена, существующего и управляющего поведением человека наряду с разумом и моральными чувствами, нет. В другом месте Сеченов практически отождествляет волю с *желанием*, говоря о том, что они имеют одинаковый характер.

Таким образом, говоря о воле, И. М. Сеченов в одном случае акцентирует внимание на том, что воля является личностным образованием («силой воли»), а в другом случае он понимает волю как *механизм управления движениями* (их запуска, остановки, регуляции параметров движений), исключая внутреннюю биомеханику движений, которая осуществляется как хорошо оглаженная работа машины без участия воли.

2.3. Поздние представления И. М. Сеченова о соотношении физиологии и психологии

В последующие годы И. М. Сеченов заговорил о так называемом «темном мышечном чувстве», которое «вместе с кожными и зрительными ощущениями служит, как говорится, важнейшим руководителем *сознания* в деле координации движений» [1953, с. 243; выделено мною. – Е. И.]. «...Все время, пока в теле продолжается мышечное сокращение, из кожи и мышц движущейся части идет непрерывное чувственное возбуждение к нервным центрам, которое видоизменяется по характеру вместе с изменениями движения и определяет этим направление дальнейших двигательных актов... Ощущения из кожи и мышц, сопровождая начало, конец и все фазы каждого мышечного сокращения, определяют продолжительность каждого из них в отдельности и последовательность, с которой одна мышца сокращается вслед за другой» [1953, с. 244–245].

Из приведенных цитат следует несколько важных выводов. Во-первых, И. М. Сеченов расширяет круг сенсорики, вводя туда «темное мышечное чувство», или проприорецепцию. Во-вторых, он указывает на роль проприорецепции и кожной рецепции (т. е. кинестезии) в контроле за осуществляемыми человеком двигательными действиями и, таким образом, по существу говорит о том феномене, который в наше время называется «обратной связью», «сенсорной коррекцией» или «обратной афферентацией». В-третьих, эта «обратная связь» участвует в *сознательном* контроле двигательных действий. Отсюда совершенно по-другому воспринимается рефлекторный характер произвольных действий. Это уже не тот рефлекс, которым И. М. Сеченов пытался объяснить в «Рефлексах головного мозга» сознательные двигатель-

ные действия человека. К сожалению, он не сформулировал эти свои представления в виде «рефлекторного кольца», что дало повод последующим поколениям ученых еще в течение многих десятилетий рассматривать рефлекс как простую «рефлекторную дугу».

...Мышца, по Сеченову, не только рабочий орган и не только орган, осведомляющий мозг о результатах действия. Она является также инструментом познания среды. Ее сигналы передают самую достоверную информацию о внешнем мире, его пространственно-временных координатах. Производимые посредством мышцы операции сравнения, анализа, синтеза и являются теми «элементами мысли», из которых строится интеллектуальная деятельность.

[Ярошевский, 1976, с. 239].

К концу жизни И. М. Сеченов несколько по-другому стал рассматривать взаимоотношения физиологии и психологии. В книге «Физиология нервных центров» (1891), основой которой послужили читавшиеся им в Москве лекции, он не отказывается от своего положения о рефлекторной природе психического, но понимает ограниченность физиологического исследования для изучения психики. «Господство нашего начала [«согласования движения с чувствованием», т. е. рефлекторного принципа. – *Е. И.*] идет, вероятно, и дальше – в ту область явлений, где чувствование превращается в *повод* и *цель*, а движение – в *действие*; но эта область уже лежит за пределами физиологического исследования» [1952а, с. 44]. Однако Сеченов по-прежнему предполагает возможность физиологического исследования и инстинктов, и заученных движений, несмотря на то, что последние управляются волей, т. е. намеренно, «без содействия соответствующего чувственного стимула» [1952а, с. 44].

И. М. Сеченов вошел... в историю науки не только как основоположник рефлекторной концепции работы мозга. Обосновав эту концепцию экспериментально, он дал ей философскую интерпретацию, указывающую как на рефлекторную природу нервных механизмов, реализующих элементарные и сложные формы работы мозга, так и на принципиальную невыводимость законов, управляющих психической деятельностью человека во всем богатстве и разнообразии ее проявлений, из одной лишь физиологически понимаемой рефлекторной активности головного мозга. Подчеркивание Сеченовым этой сложнейшей диалектики уже в начале обоснования им концепции рефлекторного подхода навсегда останется одним из самых ярких свидетельств его необыкновенной прозорливости.

[Шмидт, Бассин, 1980, с. 319].

Сеченов отделяет рефлексы от сознательно-произвольной деятельности: «В последовательном виде приложение нашего начала дает вообще три типа явлений: рефлекс, автоматия и сознательно-произвольную деятельность. В применении же к той наиболее изученной группе явлений, которая составляет главное содержание физиологии спинного и головного мозга, оно дает возможность распределить все явления в три главных отдела: учение о рефлексах, учение о локомоции и учение о сенсомоторных актах. При таком распределении отделы учения соответствуют в одно и то же время и трем главным типам явлений (автоматию представляет бессознательная локомоция), и, до известной степени, трем главным отделам спинномозговой оси: спинному мозгу, продолговатому мозгу с мозжечком и мозговыми узлами и большими полушариями» [1952а, с. 47–48]. Выходит, что настоящими рефлексами для Сеченова были только спинномозговые реакции?

В книге «Физиология нервных центров» Сеченов высказывает и другое положение, отсутствовавшее в «Рефлексах головного мозга». Он пишет: «Естественно задать себе вопрос: все ли вообще нервные снаряды построены на принципе согласования движения с чувст-

нием [т. е. на рефлекторном принципе в широком смысле. – *Е. И.*], и если нет, то подходят ли такие снаряды по своему значению под тип регулятора работ. На первый вопрос отвечают обыкновенно отрицательно, ставя в особую категорию “автоматической деятельности” такие нервные процессы, для которых источники возбуждения не найдены или выходят заведомо не из чувствующих поверхностей, а на второй следует, я думаю, отвечать утвердительно.

...Известно, например, что некоторые отделы нервных центров способны возбуждаться протекающей по ним кровью, и в то же время доказано прямыми опытами, что из этих самых отделов выходят влияния, управляющие дыхательными движениями... Явно, что весь нервный снаряд дыхания, со всеми его приспособлениями, предназначенными управлять газовым обменом, имеет значение регулятора; а между тем к самодеятельности он определяется импульсами, развивающимися не на чувствительных поверхностях, а в самых центрах под влиянием крови» [1952а, с. 44–45]. Таким образом, Сеченов признает, что *наряду с рефлекторным способом управления имеется и гуморальный способ*. «Из этих примеров, – пишет Сеченов, – читатель уже может видеть, какими внешними признаками отличается категория автоматических деятельностей от прежде описанного рефлекторного типа. Явления последнего рода развиваются лишь по временам, при известных условиях и очень часто в неправильные промежутки времени, или даже случайно, тогда как снаряды первого рода работают неустанно, – действительно, как автоматы...» [1952а, с. 45–46].

Дополнительно проливают свет на сеченовское понимание предмета психологии его поздние работы, свидетельствующие о том, что для Сеченова физиологическая категория рефлекса выступила не как универсальная схема, исчерпывающе объясняющая жизнедеятельность на любом ее уровне, а как типичное, но частное выражение общего принципа, который он называл «началом согласования движения с чувствованием». ...Не зная марксизма, Сеченов не смог объяснить, какие факторы придают психике качественно новые особенности, но идея о том, что эти особенности не отменяют рефлекторного – в широком смысле – характера поведения, сохраняет свою плодотворность и поныне.

[*Ярошевский, 1958, с. 75*].

В работе «Элементы мысли» Сеченов *по-другому смотрит и на мышление, мысль*. Он отходит от прежнего понимания мысли как рефлекса с задержанным концом, как «две трети рефлекса», и пишет, что мысль – это система действий, строящаяся по типу умозаключений («бессознательного вывода»).

Мыслить, писал Сеченов, можно только представлениями и понятиями о знакомых предметах и явлениях, а также об их свойствах, связях и отношениях. Поэтому мышлению должно предшествовать умение узнавать и различать эти предметы, их свойства и взаимоотношения. А это достигается посредством органов чувств. Отсюда Сеченов делает вывод, что корни мысли лежат в ощущениях, предшествующих мышлению и являющихся самой элементарной формой психической деятельности. Мысль – это сопоставление двух или более объектов в каком-либо отношении.

Мысль есть не более как акт воспроизведения расчлененной чувственной группы, состоящей по меньшей мере из трех отдельных реакций восприятия. Двум крайним соответствуют обыкновенно объекты мысли, а промежуточной – связующее их отношение.

[*Сеченов, 1953, с. 289*].

За исходный пункт мыслительной деятельности он принимает суждение. Объективно мысль выражается словами в виде трехчленного предложения, состоящего из подлежащего, сказуемого и связки. Каждому из этих членов должна соответствовать нервная реакция, или

«реакция восприятия». Воспринимаемое предметное содержание запечатлевается нервной тканью не пассивно, а «снимается» посредством сложной двигательной механики, имеющей, благодаря мышечным ощущениям, познавательное значение. Каждая встреча организма с предметом внешнего мира уже содержит, по Сеченову, все элементы суждения, так как рефлекторно вызывает сравнение, сопоставление нового предмета со старым. В акте сопоставления замешаны двигательные моменты, которые рассматриваются как эквивалент связи. Таким образом, мысль состоит из по меньшей мере трех отдельных реакций восприятия. Двум крайним соответствуют объекты мысли, а промежуточной – связующие их отношения. Если раньше мысль рассматривалась Сеченовым только как познавательный процесс, лишенный двигательного конца рефлекса, то теперь она определяется исходя из структуры реального предметного действия. Как полагал Сеченов, даже такие простейшие навыки, как ходьба, смотрение, предполагают различение, узнавание, сравнение, анализ, синтез, обобщение, т. е. главные элементы умственных операций. Все эти операции представлены первично в чувственно автоматическом мышлении, осуществляющемся в конкретных двигательных актах. Закрепляясь в реальном поведении, они могут затем осуществляться внутри нервной системы и без внешнего выражения.

Сеченов признавал у животных наличие образа-воспоминания, который он называл отдельным расчлененным восприятием, расчлененным чувственным обликом или конкретным предметным мышлением. По Сеченову, этот простейший психический акт является у животных и ребенка руководителем целесообразных действий.

Он отмечал, что устройство органов чувств высших животных дает основание предполагать у них способность к анализу и синтезу, но эта способность не выходит за пределы потребности животных в ориентации в окружающей их внешней среде. Отвлеченное же мышление, писал Сеченов, присуще только человеку.

Сеченов уделил большое внимание связи мышления с речью. Последняя становится необходимостью по мере перехода мысли из чувственной области во внечувственную, т. е. перехода от конкретного мышления к абстрактному.

Наконец, он ввел в психологию новые объяснительные принципы, в частности принцип, который в дальнейшем был назван принципом интериоризации.

2.4. Отношение к учению И. М. Сеченова его современников и последующих поколений ученых

Учение И. М. Сеченова о рефлекторной природе поведения человека и животных нашло много сторонников как в России, так и за рубежом. В. М. Бехтерев, отдавая должное Сеченову, писал: «Первый и существенный просвет в изучении человеческой личности был положен нашим физиологом и общественным деятелем И. М. Сеченовым. . . Подведение всех высших проявлений человеческой личности под понятие рефлексов головного мозга, сводящихся к движению, – это такой гигантский полет человеческой мысли по сравнению с пережевыванием субъективных переживаний на все лады, что нельзя не отдать должное этому русскому ученому, положившему первый камень в научном изучении человеческой личности. . .» [цит. по: Исаева, 1952, с. 148].

Известный русский психиатр С. С. Корсаков тоже считал, вслед за Сеченовым, что психические акты – это очень сложные рефлексы. «Нервный механизм, составляющий субстрат психических явлений, работает по типу рефлекторного акта», – писал он [1901, с. 37].

Отстаивал рефлекторное понимание психического и А. А. Токарский, читавший на медицинском факультете Московского университета курс физиологической психологии. Так, он писал: «Существует большое количество оснований рассматривать психическую жизнь как совокупность рефлексов головного мозга» [1896, с. 289].

Если всякий наш поступок, будет ли то слово или движение, есть перешедшее в живую силу представление, а если последнее в свою очередь со строгою законностью связано с внешними раздражениями органов чувств, то нам немного остается до того, чтобы признать человека настолько тесно связанным с окружающей его природою и обстановкою, что он чуть не является простою машиною, которая лишь перерабатывает внешние раздражения в quasi – произвольные действия и поступки.
[Краинский, 1893, с. 14].

Сеченовское представление о том, что волевые движения – это приобретенные в онтогенезе, выученные реакции, нашло поддержку со стороны русского психолога Н. Н. Ланге (1890). Волевые движения определялись им как влияние приобретенных индивидом в его личном опыте представлений и ассоциаций на врожденный нервный механизм рефлексов. Над низшей нервной системой рефлекторных механизмов образовалась в ходе эволюции видов особая система высших нервных регуляторов, составляющих передний мозг (мозговые полушария), которые, отражая раздражения чувствительных центров, организуют их в определенные системы ассоциационных комплексов (т. е. системы воспоминаний личного прошлого опыта индивида), а затем оказывают возбуждающее и регулирующее влияние на двигательные центры низшей системы, производя то, что называют волевыми, сознательными действиями.

Таким образом, как отмечает Н. Н. Ланге, волевая деятельность отличается тем, что «в рефлективный или инстинктивный сенсомоторный процесс вставляется сложный опосредующий член, изменяющий как сенсорную, так и моторную его половину, именно в смысле особой “центральной” переработки этих по существу “периферических процессов”. Сенсорные впечатления при этой “центральной” переработке выступают уже не в виде простых ощущений, но в систематизированных рядах сложных перцепций, воспоминаний, ассоциаций и понятий, чувства – в виде различных форм, разнообразных эмоций личности и, наконец, движения – в различных видах индивидуализированных волевых навыков» [1996, с. 290].

Н. Н. Ланге писал, что «волевые акты являются полным выражением всей психической личности, как она сложилась и развивалась в индивидууме... Анализ этого сложнейшего процесса психической жизни, называемого в совокупности волей, или волевыми действиями, составляет особенно важную, но и трудную задачу психологии, тем более что в этой области часто эмпирическое научное исследование затемняется метафизическими понятиями вроде “душевной силы” или номинальными объяснениями из “способностей души”» [1996, с. 290].

О. М. Тутунджян (1980), изучавший, какой отклик учение Сеченова получило за рубежом, отмечает, что революционный дух работ Сеченова «Рефлексы головного мозга» и «Кому и как разрабатывать психологию» не остался без внимания еще при его жизни в Германии и особенно во Франции, где обе книги были изданы на французском языке под названием «Психологические этюды» (1884).

Этому способствовало два обстоятельства. Во-первых, И. М. Сеченов перед написанием «Рефлексов...» работал некоторое время во Франции в лаборатории известного ученого К. Бернара. Во-вторых, во Франции ряд физиологов (Клод Бернар, Ш. Рише, 1882, 1925) тоже интересовались проблемами сознания и воли, «психорефлексами» и рефлекторной природой психической деятельности и поведения человека и животных. Эти ученые были противниками метафизической психологии и отстаивали необходимость внедрения естественно-научного метода в изучение психики человека.

Не удивительно, что вскоре в журнале «La Revue Scientifique» появилась положительная в целом рецензия на изданную во Франции книгу Сеченова [Sur la livre..., 1885]. В ней отмечались смелость и новизна высказанных Сеченовым идей, но в то же время утверждалось, что работа «Рефлексы...» должна интересовать главным образом физиологов, хотя по вопросу о

том, кому и как разрабатывать психологию, Сеченов занимает правильную позицию. Рецензент (О. М. Тутунджян полагает, что, скорее всего, им был психофизиолог Ш. Рише), как и Сеченов, считал, что при изучении психологии нужно руководствоваться эволюционными и генетическими принципами и применять физиологические эксперименты, что начинать нужно с низших животных, постепенно переходя к более высокоорганизованным животным вплоть до человека.

Хотя с некоторого времени психология имеет тенденцию все более и более становиться наукой позитивной, основанной на эксперименте и наблюдении, не менее достоверно и то, что некоторые так называемые психологи являются только мастерами риторики, исполненной пустых и звучных фраз, рассуждающими без всякого метода и без всякой пользы о метафизических абстракциях. Не надо далеко ходить, чтобы найти таких психологов. Обычно они не знают ни одного слова о физиологии мозга. Они, правда, знают, что Декарт помещал седалище души в шишковидную железу, что можно хорошо наблюдать рефлекс на обезглавленной лягушке и что перфорация жизненного центра – вещь смертельная. Но, говорят они, все эти вещи нас не касаются: это – дело физиологов. И они снова бросаются очертя голову в свою лишенную фундамента метафизику, забывая прекрасные слова Гете: «Хочешь проникнуть в бесконечное? Изучай конечное», – забывая также, что идеи, апостолом которых они выступают и на которые они хотели бы иметь монополию, держатся не на фразах и патетических тирадах, а на фактах и на анализе фактов. К счастью, психологи, о которых идет речь, постепенно исчезают. Современная тенденция несравненно более научна, и всякий психолог теперь имеет претензию немного знать физиологию... Чем дальше мы продвигаемся вперед, тем более психология переходит в руки если не физиологов, то по крайней мере лиц, изучавших физиологию с известным старанием. Но ведь это как раз то, чего требовал Сеченов, когда он спрашивал, кому подходит роль психолога. Эта роль подходит физиологу. [Sur la livre ..., 1885, с. 216].

В серии статей «Психические рефлексy» Ш. Рише (1888) в целом положительно оценил учение Сеченова. Он признал его приоритет в научной разработке проблемы рефлекторной природы психической деятельности. Рише также считал, что «какой бы ни была разновидность действий, которые мы выполняем, их первая причина всегда находится в чувствительном возбуждении, приходящем извне. Поэтому все наши действия *в определенной мере* рефлекторные. Это основная проблема, великолепно освещенная Сеченовым» [цит. по: Тутунджян, 1980, с. 482; выделено мною. – Е. И.]. Далее он пишет: «Книга Сеченова, хотя своим стилем и формой имеет некоторую тенденцию быть *вульгаризаторской* работой, является, конечно, одним из лучших мемуаров в психологии, написанных когда-либо. Хотя эту тему мы разрабатывали совсем иначе, чем он, все же мы много заимствовали у него» [Тутунджян, 1980, с. 482; выделено мною. – Е. И.].

То, что Сеченов не предложил одновременно и экспериментального метода изучения рефлексов головного мозга, превратило его концепцию, по мнению Рише, в «истину почти банальную».

В этой оценке привлекают внимание два момента. Во-первых, Рише говорит о том, что все наши действия рефлекторны только в определенной мере, что может означать, что они похожи на рефлексы, но не совсем. Во-вторых, что в «Рефлексах головного мозга» основная идея о рефлекторном характере психического представлена в значительной степени грубо упрощенно (вульгарно). И с этим нельзя не согласиться.

Г. И. Челпанов весьма критически относился к предложенному Сеченовым методу изучения психической деятельности, хотя и констатировал, что общественное мнение в споре Сеченова и Кавелина было на стороне первого. «Но если бы этот спор предложить на решение современной науки, – писал Челпанов, – то представители ее высказались бы за Кавелина, а не за Сеченова» [1899, с. 86]. Челпанов заявлял, что «знание функции мозга в высшей степени интересно и полезно само по себе, но не для раскрытия законов психической жизни» [1896, с. 146] и что введение Сеченовым объективного метода в психологию «имело роковое значение для судьбы психологии в России; многие еще и теперь при слове импирическая, физиологическая, экспериментальная психология думают, что дело идет о сеченовских рефлексах головного мозга, об отрицании самонаблюдения и т. п., а с этим, конечно, ни один психолог не согласится» [1896, с. 147].

Против смешанного психофизиологического эксперимента выступал Н. Я. Грот (1896). Он считал, что самонаблюдение объективно и что психологический эксперимент должен принципиально отличаться от эксперимента в естествознании. По мнению Грота, надо отличать смешанный – психофизический и психофизиологический – эксперимент от чисто психологического. Психофизический эксперимент позволяет определить зависимость и связь психических явлений и процессов с физическими явлениями и воздействиями среды; психофизиологический эксперимент нацелен на нахождения связи и зависимости душевных явлений и процессов от физиологических процессов и анатомических условий организма; чисто психологический эксперимент дает возможность определить психологические отношения, связь психических явлений друг с другом, их зависимость друг от друга. Только третья область принадлежит психологии, утверждал Грот.

Весьма было бы грустно, если бы... мы впали в нелепое заблуждение, что экспериментальная психология есть только психофизика или психофизиология, что кабинеты экспериментальной психологии должны быть не независимыми учреждениями, а филиальными отделениями физиологических или физических лабораторий, что в них могут работать только профессора и студенты естественного или медицинского факультетов, а не философы и филологи. Что за перегородки между отделами знания, что за узкая нетерпимость и исключительность!.. Наука *одна*, и вся наука в ее целом стремится стать опытной и экспериментальной, с одной стороны, спекулятивной и метафизической – с другой. Чисто опытная наука – без спекуляций и метафизического анализа понятий и проблем самого познания – такая же нелепость, как прежние чисто метафизические и спекулятивные построения – без всякой опытной и экспериментальной почвы.

[Грот, 1896, с. 54].

К концу XIX века представления Сеченова, изложенные в «Рефлексах головного мозга», стали терять свою живительную силу для физиологической науки, растворившись, как пишет Д. Г. Квасов, в неопределенных «психорефлексах». «Да и откуда ему было черпать энергию? – спрашивает Квасов. – Не из опытов ли на лягушках или опытов на собаках с экстирпацией коры? В результате в объяснении сложных рефлекторных актов продолжал сохраняться психологический подход» [1966, с. 14].

Заключение. До сего времени главным научным наследием Сеченова считаются «Рефлексы головного мозга». Отсюда в ряде случаев психологами до сих пор дается неадекватная оценка его взглядов на природу психических явлений, не учитывающая эволюцию его представлений (см. вставку с высказываниями Е. Ю. Коржовой). Те суждения и критика, которые высказываются в отношении его ранней работы («Рефлексы головного мозга»), справед-

ливы, но это не может быть оценкой всего научного пути Сеченова как психолога, особенно в последние десятилетия его жизни.

И. М. Сеченов, исходя из принципа и рефлекторного детерминизма рефлекса, стремится объяснить все, даже наиболее сложные психические явления. Поэтому «жизненная задача» в таком контексте выступает как *автоматическое реагирование на условия среды*. По сути, человек лишен выбора, а жизненная задача определяется внешними воздействиями, на которые человек лишь рефлекторно реагирует. И. М. Сеченов говорит о «фатальности» рефлекса, но вместе с тем в работах, посвященных сфере морали и свободы воли, он признает, что человек – поскольку он человек – не может не нести ответственности за свои поступки перед совестью и разумом. Теория и логика вытекающей из учения о рефлексе несвободы воли не может охватить всего богатства человеческих отношений. И так, с одной стороны, фатальная зависимость от среды, с другой – следование этическим принципам. Таким образом, жизненная задача личности в контексте работ И. М. Сеченова может быть обозначена как «фатальный» рефлекторный «ответ» на влияние среды, но вместе с тем «умственно-моральный» поступок по совести, что, с точки зрения И. М. Сеченова, не противоречит друг другу.

И. М. Сеченов называет мозг «органом психического». Вместе с тем ему принадлежит и высказывание о том, что психические явления, которые «выражаются сознательностью», относятся к «непроницаемой тайне». Проявления мозговой деятельности сводились исключительно к мышечному движению (в том числе такие сложные, как вдохновение, насмешка, радость). Психическое представлялось в виде «черного ящика»: если знать о начале и конце деятельности, то можно получить правильное представление о работе «машины»... Страсти (великодушие, сострадание, т. е. наиболее сложные «личностные» явления) – это усиленные рефлексы. Причина любого поступка – не мысль, а «внешнее чувственное возбуждение», без которого никакая мысль невозможна.

[Коржова, 2004, с. 115, 118].

Представления И. М. Сеченова о физиологических механизмах психической деятельности можно разделить на два периода. Первый связан с написанием им «Рефлексов головного мозга». При том уровне развития физиологии и психологии, который был во времена Сеченова, большим его достижением была просто постановка вопроса о возможности внешней обусловленности поведения человека. Он существенно обогатил представление о рефлексе, включив в его среднее звено психику. Начало рефлекторного акта он связывал не только с внешними раздражителями, но и с образами (представлениями). Он обратил внимание на то, что имеются физиологические механизмы, усиливающие и ослабляющие (затормаживающие) рефлекторные реакции. И все же настойчивая привязка им *произвольных психических актов* и поведения человека к понятию «чистого» рефлекса представляется излишним упрощением. Ведь «чистые» рефлексы характеризуются, с точки зрения морфологии, трехчленностью, а с точки зрения характера осуществления – автоматизмом.

Рассматривая выдвинутые И. М. Сеченовым механизмы поведения человека с позиций современного уровня наших знаний, логичнее было бы, очевидно, отождествлять их не с рефлексами, а с *рефлекторным принципом* произвольного поведения человека, механизм управления которым хотя внешне и напоминает рефлекторную дугу, но по структуре гораздо сложнее. Поэтому многие произвольные действия и поступки человека являются не рефлек-

сами в истинном смысле (которые носят машинообразный, «роковой», как писал Сеченов, характер), а *рефлексоподобными* актами.

На моей памяти, когда я был молодым студентом, философские работы Сеченова, так сказать, извинялись ему ради того, что он такой большой ученый с такими крупными плодами в нашей науке. Если он и позволяет себе некоторые сомнительные экскурсии в философских вопросах, то это можно извинить ему. Это доброе, конечно, отношение свидетельствует во всяком случае об уважении, которое заслужено Иваном Михайловичем. Но, может быть, еще интереснее, что в последующие годы то, что было когда-то наброском под мастерской рукой Ивана Михайловича, оказывалось широким конкретным полем новых наглядных фактов. Как только люди направляли в эту сторону свои думы, так и убеждались в плодотворности многих предвидений Сеченова.

Я имею в виду обновленное издание «Рефлексов головного мозга», которое было сделано за время пребывания в (Петербургском) университете, затем «Элементы зрительного мышления», «Впечатления и действительность», а затем с переселением в Москву – «Предметное мышление с физиологической точки зрения» (1894) и «Элементы мысли» (1878 и 1903 гг.). Эти работы, конечно, являются не только инициативными работами в области физиологии органов чувств, они, несомненно, являются значительными работами в области теории познания. [Ухтомский, 2002, с. 258].

К сожалению, многие высказанные И. М. Сеченовым в «Рефлексах...» положения трудно истолковать. Так, он неоднократно заявлял, что его задачей было показать, что по способу *происхождения* психические явления суть рефлексы. Что он имел в виду: «происхождение» как их формирование в онтогенезе или «происхождение» как инициацию, активизацию произвольных актов? Ведь Сеченов говорит в книге и о том, и о другом, не разделяя эти аспекты. Первый случай сейчас, с позиций наших знаний, рассматривается как формирование условных рефлексов (выученных движений, или сенсомоторных реакций, как называл их Сеченов), т. е. непреднамеренных действий. Второй случай связывается с волевым компонентом, т. е. преднамеренностью совершаемых актов. Получается, что *произвольные действия формируются в онтогенезе непреднамеренно, а используются для удовлетворения потребностей преднамеренно*.

Возникает вопрос – почему это становится возможным, какой новый механизм в работе больших полушарий формируется в течение онтогенеза, который позволяет абстрагироваться человеку от текущего момента (раздражителей) и направлять течение нервных процессов не в то русло, которое предначертано раздражителем? Ведь в сознательно-разумном поведении, как отмечал сам Сеченов, есть *возможность выбора* движения (действия, поступка), чего нет в классических безусловных и условных рефлексах. Кроме того, восприняв раздражитель, мы можем *затормозить* ответную реакцию совсем или на некоторое время (отсрочить ее осуществление). Хозяином положения является *разум, сознательная целесообразность*, а не возбужденный чувствительный центр. Это только при рефлексах (непроизвольных действиях) орган чувств является, как писал Сеченов, регулятором психических актов.

Многие рассуждения Сеченова о рефлекторной природе произвольных психических актов иначе как натяжкой назвать нельзя. К ним относятся: принятие ощущений у животных за среднее звено рефлекторной дуги, отождествление *представлений с ощущениями* в качестве афферентного звена рефлекторной дуги и принятие *представления о действии* в качестве эффекторного звена рефлекторной дуги. Сеченовское рассуждение можно было бы еще

понять, выступай в качестве последнего звена рефлекса идеомоторный акт, возникающий при представлении того или иного движения. Но об этом Сеченов не говорит.

С необходимостью признания сложной детерминации поведения столкнулся еще И. М. Сеченов, пытаясь объяснить механизмы произвольных движений. В целом, оставаясь на позициях рефлекторной теории, Сеченов был вынужден ввести понятие о «темном мышечном чувстве», «валовом чувстве»; он первый обратил внимание на функциональное состояние нервного центра как на важнейшее звено в формировании ответной реакции организма.

Несмотря на то, что биологический смысл так называемого сеченовского торможения говорил в пользу существования определенных процессов межцентральной интеграции, Сеченову, однако, не удалось до конца решить проблему так называемых внутренних детерминант поведения.

[Батуев, 2004, с. 43].

Второй период научной деятельности И. М. Сеченова связан с работами «Кому и как разрабатывать психологию» и «Элементы мысли». В этих работах Сеченов внес существенные коррективы в свои прежние представления о произвольности, воле, сущности мысли и прочем. Он стал четко различать рефлекс, автоматизированные действия и произвольные акты. К сожалению, эти работы Сеченова остаются в тени «Рефлексов...». Вероятно, поэтому многие психологи считают Сеченова только физиологом, несмотря на то, что он внес большой вклад в дело соединения физиологии с психологией.

Странно и то, что и в наше время идеи Сеченова, высказанные им в «Рефлексах...» как предположения (что он сам неоднократно подчеркивал), принимаются физиологами и психологами как аксиомы и принимаются за твердо установленные факты, без учета имеющихся в рассуждениях Сеченова противоречий, неточностей, недосказанностей и прочего. Например, А. В. Петровский утверждает, что Сеченов, «изучив материальный субстрат психических явлений – мозг, построил рефлекторную теорию психических явлений, опирающуюся на объективный анализ психических процессов» [1961, с. 364]. В чем же выражается этот *объективный* анализ, если Сеченов сам говорит лишь о предположениях?

Стремление строго придерживаться сеченовского учения о рефлексе с учетом новых представлений приводит ученых к эклектичности высказываний. Вот что пишут, например, Е. В. Шорохова и В. М. Каганов: «Несмотря на то, что еще в древности было провозглашено, что нет действия без причины и все вызвано необходимостью, все же и поныне нередко толкуют о действующих спонтанно силах в организме, спонтанной активности мозга, особом внутреннем возбуждении, которое первично формируется в мозгу, программировании предками будущего для очередного потомка, активном преодолении организмом препятствий к реализации программы своего морфогенеза, действиях организма, не детерминированных раздражителем и не нуждающихся в пусковом раздражителе и т. п.» [1963, с. 92]. Этим представлениям, пишут авторы, и должна противостоять рефлекторная теория, которая, исходя из развитых Сеченовым представлений, доказывает, что организм без внешней среды невозможен. С этим спорить не приходится. Но зачем так абсолютизировать это положение (см. вставку)? *Зачем роль внешней среды для развития организма путать с детерминацией конкретного действия, поведенческого акта?* Почему наряду с воздействием внешних факторов действие и поведение не могут быть детерминированы внутренними состояниями мозга? Когда мы хотим спать, разве наше укладывание в постель детерминировано внешним сигналом, а не состоянием мозга? И разве не детерминировано наше поведение потребностными состояниями, или состоянием утомления?

Ведь Е. В. Шорохова и В. М. Каганов сами утверждают: «Только механистически понимаемый принцип детерминизма устанавливает непосредственную зависимость между внеш-

ними причинами и эффектом их воздействия *без учета природы, собственных свойств тела или явления*, на которое это воздействие оказывается. Сочетание же детерминизма с диалектикой выступает в положении о необходимости учета собственных свойств того тела или явления, на которое оказывается воздействие» [1963, с. 93]. «Внутренние условия, которыми опосредствуется воздействие внешних причин на поведение человека, не исчерпываются лишь теми условиями деятельности мозга, которые вскрыты физиологическими исследованиями. В процессе рефлекторной деятельности мозга возникают психические явления. Внешние воздействия детерминируют поведение человека, преломляясь через его *психическое состояние, систему его чувств, взглядов, отношений*» [1963, с. 94]. «Под влиянием внутренних условий личность проявляет избирательность по отношению к внешним воздействиям» [1963, с. 96]. А это приводит к тому, что «исчезает непосредственная зависимость отдельных поступков человека от отдельных обстоятельств» [1963, с. 95]. Далее авторы высказываются еще категоричнее: «Неразрывность внешних и *внутренних условий* выражается в том, что не приходится иметь дело только с внешними условиями, взятыми безотносительно к субъекту, или только с тенденциями самого субъекта, безотносительно к условиям, их определяющим» [1963, с. 96; везде выделено мною. – Е. И.]

Разве эти высказывания не свидетельствуют о том, что детерминантами эффекта выступают не только внешние, но и внутренние физиологические и психические факторы? От того, что авторы осторожничают и говорят об опосредовании, преломлении внешних воздействий внутренними, суть не меняется: раз они влияют на конечный эффект, значит, тоже являются причинами.

Глава 3. Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и психология

Как отмечает Е. А. Будилова, задача «создать экспериментальный метод изучения психической деятельности, соответствующий материалистическому монизму рефлекторной теории, – не была поставлена руководителями русских психологических лабораторий. Современники Сеченова не оценили методологического значения его рефлекторной теории, с одной стороны, и переоценили самый факт введения эксперимента в психологию – с другой... В результате были смещены цели экспериментальных исследований, обойдена задача изучения рефлекторных процессов. Поэтому, сталкиваясь с рефлекторными актами в психометрических опытах, экспериментаторы даже не пытались анализировать эти реакции с позиции рефлекторной теории» [а это обязательно? – Е. И.].

«Разработке объективных методов психологического эксперимента, пишет далее Будилова, мешало то, что психологи не могли опереться на физиологию. Изучение физиологических закономерностей работы коры больших полушарий головного мозга являлось важнейшей задачей дальнейшего прогресса науки. В то время физиология сама еще не знала объективного метода экспериментального изучения высшей нервной деятельности человека и животных. Создание такого метода становилось насущной потребностью науки о мозге. Эта задача была решена уже в новом веке трудами И. П. Павлова» [1961, с. 351].

Элиот Фрост (E. Frost, 1912) сделал сообщение о европейских физиологах, которые пришли к радикально новому взгляду на сознание. Эти физиологи, в том числе и Жак Лёб... провозгласили психологические концепции «суевериями» и не нашли места сознанию животных при объяснении их поведения.

Еще важнее для нас редуccionистские призывы этих европейских физиологов и некоторых психологов. Разум можно устранить из сферы психологии двумя способами, которые отличаются друг от друга и которые не следует смешивать. Программа физиологов, в том числе и И. П. Павлова... и психологов, например Макса Мейера... призывала свести психические понятия к нейрофизиологическим процессам, предположительно лежащим в их основе. Можно было бы убирать психические понятия из науки по мере того, как выяснялись бы материальные причины, которые и обозначают эти менталистские термины. Другая программа отказа от разума находилась тогда в зачаточном состоянии, и на протяжении последующих лет ее часто путали с редуccionизмом. Она утверждала, что психические понятия следует заменить поведенческими, которые, в свою очередь, нельзя свести к механистическим физиологическим законам, лежащим в их основе.

[Лихи, 2003, с. 254]

Эта глава посвящена рассмотрению того, насколько справедливы слова Е. А. Будиловой (а они отражают господствовавшую в советское время и сохраняющуюся до сих пор оценку роли учения об условных рефлексах для психологии). Удалось ли И. П. Павлову создать универсальный экспериментальный метод изучения психической деятельности, позволивший психологии опереться на физиологию?

Научная деятельность И. П. Павлова многогранна и не поддается однозначной оценке. Связано это не только с его взглядами по тем или иным вопросам, опубликованным в научной печати, но и с задним фоном этих публикаций, в качестве которого выступали его рассуждения на заседаниях его сотрудников, получивших название «Павловских сред». Его ученик

академик Л. А. Орбели говорил по этому поводу: «Многого из того, что он продумал и высказал в отдельных частных беседах, он не высказывал в своих публичных и печатных выступлениях» [1964б, с. 251]. Отсюда, при чтении того и другого, формируется представление о двух Павловых, порой различно смотрящих на взаимоотношения физиологии с психологией. Если, читая протоколы «павловских сред», видишь динамику взглядов Павлова в пользу смягчения его отношения к психологии, то, читая опубликованные им работы, видишь другое – упорную веру Павлова на протяжении 30 лет во всемогущество своего метода условных рефлексов в познании психики. Какой же образ Павлова как ученого является истинным?

В развитии им учения о высшей нервной деятельности есть и положительные, и отрицательные моменты. В этом учении в основном раскрыты некоторые нейрофизиологические закономерности работы головного мозга, но вопреки его предупреждению об опасности экстраполирования на человека закономерностей, выявленных на животных, отечественные физиология и психология не прислушались к этому совету и факты, добытые в павловской школе на животных, долгое время без всяких оговорок использовались и при объяснении поведения и психической деятельности человека. Больше того, учение о высшей нервной деятельности (вместе с основным методическим приемом ее изучения – выработкой условных рефлексов) после павловской сессии в 1950 году было объявлено официальным курсом советской науки и стало обязательным для преподавания в вузах, а всякие «уклонисты» и инакомыслящие подвергались не только беспощадной критике, но и репрессиям.

Конечно, у И. П. Павлова были и другие значительные достижения, кроме выявления условнорефлекторного механизма поведения, и совершенно прогрессивные взгляды, получившие в наше время признание и психологов, и врачей. Одним из них является его положение о единстве психического и соматического: «...для истинно научного понимания наших нервнопатологических симптомов и успешной борьбы с ними нужно расстаться со столь вкоренившимся в нас отграничением психического от соматического» [Павлов, 1951, с. 581]. Это его положение получило реализацию в одном из направлений медицинской психологии – *психосоматике*.

Общие установки Павлова были бескомпромиссно объективными и материалистическими. Он разделял веру позитивистов в объективный метод как краеугольный камень естественной науки и, следовательно, отвергал любые ссылки на разум. Павлов (1903) писал: «Для натуралиста все – в методе, в шансах добыть непоколебимую, прочную истину; и с этой только, обязательной для него, точки зрения душа, как натуралистический принцип, не только не нужна ему, а даже вредно давала бы себя знать на его работе, напрасно ограничивая смелость и глубину его анализа». И. П. Павлов отвергал любые призывы к активному внутреннему агенту, или разуму, и призывал к анализу окружающей среды: необходимо объяснять поведение без каких-либо ссылок на «фантастический внутренний мир», ссылаться только на «влияние внешних стимулов, их суммацию и т. д.» Его анализ мышления носил атомистический и рефлексивный характер. «Весь механизм мышления состоит в выработке элементарных ассоциаций и в последующем формировании цепей ассоциаций». Его критика неатомистической психологии не ослабевала ни на миг. Он воспроизводил эксперименты В. Келера на обезьянах, чтобы продемонстрировать, что «ассоциация – это знание, мышление и интуиция». Павлов подробно разбирал и критиковал концепции гештальтистов. Он считал их дуалистами, которые «ничего не понимали в своих собственных экспериментах».

[Лихи, 2003, с. 243].

Существен вклад Павлова в изучение физиологических основ *индивидуальных различий* человека и животных (учение о свойствах нервной системы и их связь с типами темперамента). Учение об условных рефлексах внесло вклад в *теорию научения*, что признают и зарубежные психологи. Однако они же отмечают, что его анализ мышления носил механистический, атомистический и рефлексивный характер.

Страстная натура И. П. Павлова часто приводила к неоправданно завышенным стремлениям, что особенно проявилось в желании объективно изучать психические явления не только животных, но и человека. Его многие оптимистичные высказывания-прогнозы принимались за истину в последней инстанции. Признавая психологию как науку, он рьяно боролся со всеми направлениями психологии, которые противоречили его взглядам и установкам. В почете у него были только психологи-ассоцианисты. Стремление Павлова найти физиологическое объяснение психическим явлениям можно только приветствовать. Но объяснять психические явления – это одно, а подменять их физиологическими явлениями – это другое.

3.1. Стремление И. П. Павлова к объективному изучению психических явлений с помощью условных рефлексов

И. П. Павлов был продолжателем взглядов И. М. Сеченова о детерминированности и рефлексорности поведения животных и человека. Это можно отчетливо видеть в следующем его высказывании: «Хотя еще Левкипп из Милета провозгласил, что нет действия без причины и что все вызвано необходимостью, но не говорится ли и до сих пор, даже исключая человека, о действующих спонтанно силах в живом организме. Что же касается человека, разве мы не слышим и теперь о свободе воли и не вкоренилось ли в массе умов убеждение, что в нас есть нечто, не подлежащее детерминации. Я постоянно встречал и встречаю не мало образованных и умных людей, которые никак не могут понять, каким образом можно было бы когда-нибудь целиком изучить поведение, например, собаки вполне объективно, т. е. только сопоставляя падающие на животное раздражения с ответами на них, следовательно, не принимая во внимание ее предполагаемого по аналогии с нами самими субъективного мира. Конечно, здесь разумеется не временная, пусть грандиозная трудность исследования, а принципиальная невозможность полного детерминизирования. Само собой разумеется, что то же самое, только с гораздо большей убежденностью, принимается и относительно человека. Не будет большим грехом с моей стороны, если я допущу, что это убеждение живет и в части психологов, замаскированное утверждением своеобразности психических явлений, под которым чувствуется, несмотря на все научно-приличные оговорки, все тот же дуализм с анимизмом, непосредственно разделяемый еще массой думающих людей, не говоря о верующих.

Теория рефлекса постоянно теперь, как и с самого начала ее появления, непрерывно увеличивает число явлений в организме, связанных с определяющими их условиями, т. е. все более детерминирует целостную деятельность организма. Как же она может быть препятствием прогрессу изучения организма вообще и в частности церебральных функций?» [1951, с. 350].

Хорошо известно, что в XVIII в. Витт [шотландский ученый, 1743. – *Е. И.*] практически выработывал условный рефлекс, показывая лимон испытуемому и учитывая слюноотделение. Однако должна была сложиться новая эпоха, новые факты и обобщения, чтобы условный рефлекс стал частью систематически разрабатываемого научного направления. [*Анохин, 1963, с. 718*].

...Павлов убедился в бессмысленности и бесплодности своих попыток проникнуть во внутренний мир животных и, подобно зоопсихологам, гадать

об их чувствах, желаниях, влечениях и переживаниях. Он убедился в тщетности своих попыток пролить свет на их субъективный мир через призму субъективного же мира человека и понять сущность изучаемых интересных явлений посредством антропоморфических сопоставлений и сравнений...

Но какой же избрать путь? «После настойчивого обдумывания предмета, – писал Павлов, – после нелегкой умственной работы я решил, наконец, перед так называемым психическим возбуждением остаться в роли чистого физиолога и экспериментатора, имеющего дело исключительно с внешними явлениями» (Полное собрание трудов, т. III. С. 17).

[Асратян, 1974, с. 180].

В конце XIX в. И. П. Павлов на фистульных собаках установил, что возбуждение пищеварительных желез наблюдается и тогда, когда пища не попадает в рот, но действует на внешние органы чувств своим видом и запахом. Это феномен Павлов называл «психическим моментом». Как пишет М. Г. Ярошевский, по существу уже в 1897 г. Павлов считал, что психическое воздействие по своему объективному характеру является столь же объективным (не зависящим от сознания), как физиологическое. Но здесь возникло противоречие, ввергшее Павлова в состояние «нелегкой умственной борьбы». Ведь физиологическая реакция возникала автоматически, рефлекторно, в то время как «психический момент» относился к разряду внешних воздействий. Выступая в 1899 г. в Обществе русских врачей, Павлов утверждал, что влияние психики на слюноотделение выражается не только в форме желания, но и в форме мысли.

Важные открытия, сделанные в психофизиологии И. П. Павловым, остались незамеченными им, так как он сознательно отказался принимать в расчет психику. Суть этих открытий заключается в экспериментальном доказательстве прямой связи психического образа, возникающего у животного при изменении внешней реальности, с физиологическим ответом его организма в форме двигательных и вегетативных реакций...

[Поляков, 2004, с. 290].

Однако уже через несколько месяцев в мышлении Павлова происходит резкий переворот. Феномены, которые обозначались как желание и мысль, трактуются уже как рефлексы, хотя и качественно отличающиеся от безусловных. Павлов начинает использовать понятие «поведение», основным элементом которого становится условный рефлекс.

Среди моих сотрудников по лаборатории выделялся один молодой доктор. В нем виделся живой ум, понимающий радости и торжество исследующей мысли. Каково же было мое изумление, когда этот верный друг лаборатории обнаружил истинное и глубокое негодование, впервые услышав о наших планах исследовать душевную деятельность собаки в той же лаборатории и теми же средствами, которыми мы пользовались до сих пор для решения различных физиологических вопросов. Никакие наши убеждения не действовали на него, он сулил и желал нам всяческих неудач. И, как это можно было понять, все это потому, что в его глазах то высокое и своеобразное, что он полагал в духовном мире человека и высших животных, не только не могло быть плодотворно исследовано, а прямо как бы оскорблялось грубостью действий в наших физиологических лабораториях. Пусть это... несколько индивидуально преувеличено, но, как мне кажется, не лишено характерности и типичности. Нельзя закрывать глаза на то, что прикосновение истинного, последовательного естествознания к последней грани жизни не обойдется без крупных недоразумений и противодействия со стороны тех, которые издавна

и привычно эту область явлений природы обсуждали с другой точки зрения и только эту точку зрения признавали единственно законной в данном случае. [Павлов, 1996, с. 50–51].

Связывание И. М. Сеченовым, Ш. Рише (Ch. Richet), Ж. Лёбом (J. Loeb) и другими учеными психической деятельности с большими полушариями головного мозга и с конкретным механизмом обучения и приобретения выученных действий – ассоциативной памятью было только теоретизированием. Назревала, как писал И. П. Павлов, потребность перехода к экспериментальному анализу предмета, и притом с объективной внешней стороны, как во всем остальном естествознании.

Когда в 1901 году И. П. Павлов впервые сформулировал понятие условного рефлекса, он руководствовался одной идеей – создать объективную психологию. Он предполагал, что в основе выработки условных рефлексов лежит тот же механизм, что и в случае ассоциативной деятельности⁹.

В. М. Бехтерев (1886–1887) вступил на путь объективного изучения высшей нервной деятельности еще в середине восьмидесятых годов прошлого столетия, занявшись выяснением двигательных функций коры больших полушарий. Объектом исследования он избрал дрессированных собак. У одних из них воспитывались заученные движения в виде подачи передней лапы по требованию экспериментатора, у других – производимые на приманку танцевальные движения на задних лапах. В то время существовало мнение, что центры таких заученных движений локализируются в подкорковых узлах, именно в полосатом теле. Бехтерев опроверг этот ошибочный взгляд, показав, что после разрушения двигательной области мозговой коры (точнее – сигмовидной извилины) заученные путем тренировки движения навсегда исчезают и не могут быть воспитаны вновь. Следовательно, именно кора головного мозга является «органом» приобретаемых в течение жизни двигательных актов. [Васильев, 1959, с. 69].

Наблюдая объективно механизмы образования условных рефлексов, Павлов надеялся тем самым изучить законы течения ассоциативных, т. е. психических процессов. В 1903 году И. П. Павлов на Международном медицинском конгрессе в Мадриде огласил задачу объективного изучения психических явлений. Поэтому не случайно тему своего доклада он обозначил как «Экспериментальная психология и психопатология на животных». Во вступлении И. П. Павлов сказал, что «это будет, прежде всего, история обращения физиолога от чисто физиологических вопросов к области явлений, обычно называемых психическими... В продолжение многих лет занимаясь нормальной деятельностью пищеварительных желез, анализируя постоянные условия этой деятельности, я встретился здесь, как, впрочем, уже указывалось раньше и

---

⁹ Принято считать, что именно Павлов впервые стал говорить об условных рефлексах и их выработке путем сочетания одних раздражителей с другими. Поэтому нередко можно встретить утверждение, что В. М. Бехтерев использовал разработанный Павловым метод изучения условных рефлексов. Однако установить первенство по этому вопросу сложно. Вот что писал по этому поводу сам В. М. Бехтерев: «...Метод искусственного сочетания одних раздражений с другими и вызывания сочетательных рефлексов, применявшийся уже давно для специальных физиологических исследований у животных (опыты Goltz, а и мои с подачей лапы у собак, опыты Franz, а с дрессированными животными, *позднее* опыты И. П. Павлова и его учеников с так называемыми условными рефлексами на слюноотделение и затем наши опыты с сочетательными двигательными рефлексами, опыты Kalischer, а с хватанием собаками при условном тоне мяса и т. п.) вполне применим и к исследованию нервно-психической деятельности человека... [1997, с. 148; выделено мною. – Е. И.]. А вот что писал В. М. Бехтерев в другой работе: «...В физиологической лаборатории проф. И. Павлова производился целый ряд исследований над условиями развития слюноотделительного сочетательного рефлекса (“условного рефлекса” – по терминологии этой лаборатории), который появляется при показывании животному пищевых продуктов и который известен еще с конца позапрошлого столетия (Зибольд). В отношении этого рефлекса еще в 1833 г. Митчерлих (Pogendorf Annalen) сделал интересные исследования на больном с fistulой протока» [1928, с. 215].

другими, с условиями психического характера. Не было никакого основания откладывать эти условия в сторону, раз они постоянно и весьма значительно участвовали в нормальном ходе дела. Я обязан был заниматься ими, если решился возможно полно исчерпать мой предмет. Но тогда сейчас же возникал вопрос: как? И все дальнейшее изложение будет ответом на этот вопрос» [1951, с. 13].

Все мы знаем, что слюнные железы начинают работать не только тогда, когда раздражение от соответствующих предметов падает на поверхность рта, но также и в случае действия их на другие воспринимающие поверхности, например, глаз, ухо и т. д. Но эти последние действия обычно уже исключаются из области физиологии, причем их называют психическими раздражениями.

Мы пойдем по другому пути и попытаемся вернуть физиологии то, что принадлежит ей по всему праву.

[Павлов, 1996, с. 53].

Далее И. П. Павлов описывает работу слюнных желез собаки при попадании в полость рта различных веществ как простой рефлекторный акт, возникающий от раздражения различных рецепторов, расположенных в полости рта. При этом он замечает, что точно такие же реакции слюнных желез наблюдаются и в том случае, когда те же вещества находятся на известном расстоянии от животного («психическое слюноотделение»). Это было показано в павловской лаборатории С. Г. Вульфсоном. «Собака видит, слышит, обоняет эти вещества, обращает на них внимание, рвется к ним, если они съедобные или приятные вещества, отворачивается от них, сопротивляется их введению, если эти вещества неприятные. Всякий скажет, что это есть психическая реакция со стороны животного, что это есть психическое возбуждение деятельности слюнных желез.

Что дальше делать физиологу с этими данными? Как устанавливать их? Как анализировать? Что они такое сравнительно с физиологическими данными? Что есть общего между теми и другими, и чем они отличаются друг от друга?

Должны ли мы для понимания новых явлений входить во внутреннее состояние животного, по-своему представлять его ощущения, чувства и желания?»

...В каком соотношении находятся уже многочисленные приведенные выше факты с фактами психологическими, что чему соответствует и когда и кому этими соотношениями заниматься? Как ни интересно это соотношение может быть и сейчас, однако, надо признать, что физиология пока не имеет серьезного повода к этой работе. Ее ближайшая задача – собирать, систематизировать и анализировать представляющийся бесконечный объективный материал. Но ясно, что это будущее физиологическое состояние и составит в значительной степени истинное решение тех мучительных задач, которые испокон века занимают и терзают человеческое существо.

[Павлов, 1996, с. 65].

«Для естествоиспытателя, – продолжает И. П. Павлов, – остается на этот последний вопрос, как мне кажется, только один ответ – решительное “нет”. Где хоть сколько-нибудь бесспорный критерий того, что мы *догадываемся* верно и можем с пользой для понимания дела сопоставлять внутреннее состояние хотя бы и такого высоко развитого животного, как собака, с самим собой? Дальше. Не постоянное ли горе жизни состоит в том, что люди большей частью не понимают друг друга, не могут войти один в состояние другого! Затем, где же знание, где власть знания о том, что мы могли бы, хотя и верно, воспроизвести состояние другого? В наших психических (пока будем употреблять это слово) опытах над слюнными железами мы сначала добросовестно пробовали объяснять полученные результаты, фантазируя о

субъективном состоянии животного, – ничего кроме бесплодных споров и личных, отдельных, несогласимых между собой мнений не было достигнуто. И так, ничего не оставалось, как повести исследование на чисто объективной почве, ставя для себя, как первую и особенно важную задачу – совершенно отвыкнуть от столь естественного переноса своего субъективного состояния на механизм реакции со стороны экспериментируемого животного, а взамен этого сосредоточивать все свое внимание на изучении связи внешних явлений с нашей реакцией организма, т. е. с работой слюнных желез» [1951, с. 15–16; выделено мною. – Е. И.]

...Смотря на собаку, когда она что-нибудь ест быстро, вбирает в рот, долго жует, невольно думалось, что этот раз ей сильно хотелось есть, и она так накидывается, так тянется, так хватается. Она очень сильно желает есть. Другой раз ее движения были замедлены, неохотны, тогда надо было сказать, что она не так сильно желает есть. Когда она ест, вы видите одну работу мышц, все устремлено на то, чтобы забрать пищу в рот, прожевать и прогнать дальше. Судя по всему, надо сказать, что ей это приятно. Когда попадает в рот непригодное вещество, когда собака выбрасывает, выпихивает его изо рта языком, когда трясет головой, то невольно хотелось сказать, что ей неприятно. Теперь, когда мы решили заниматься выяснением, анализированием этого, то и стали сперва на этой шаблонной точке зрения. Стали считаться с чувствами, желаниями, представлениями и т. д. нашего животного. Результат получился совершенно неожиданный, совершенно необычайный: я с сотрудником оказался в непримиримом противоречии. Мы не смогли договориться, не могли доказать друг другу, кто прав. До этого десятки лет и после этого обо всех вопросах можно было сговориться, тем или другим образом решать дело, а тут кончилось раздором. После этого пришлось сильно задуматься. Вероятно, мы избрали не тот путь. Чем дальше мы на эту тему думали, тем больше утверждались в мысли, что надо искать другого способа действий. И вот, как ни было на первых порах трудно, но мне путем длительного напряжения и сосредоточенного внимания удалось, наконец, достигнуть того, что я стал истинно-объективным. Мы совершенно запрещали себе (в лаборатории был объявлен даже штраф) употреблять такие психологические выражения, как собака догадалась, захотела, пожелала и т. д. Наконец, нам все явления, которыми интересовались, стали представляться в другом виде. И так, что же это такое? Что же называлось физиологами психическим возбуждением слюнной железы? Естественно, что мы остановились на мысли: не есть ли это форма нервной деятельности, которая давно установлена физиологией, к которой физиологи привыкли, не есть ли это – рефлекс?

[Павлов, 1951, с. 210].

Нельзя не признать справедливость упрека И. П. Павлова в необъективности во многих случаях переноса объяснений человеческого поведения на поведение животных. Как говорится, в душу животного не залезешь, а словесного отчета от него не получишь. Но в то же время вряд ли стоило и абсолютизировать положение о субъективной непознаваемости исследователем психического мира животного. А именно такая абсолютизация и привела И. П. Павлова к практической подмене у животных психического физиологическим – условнорефлекторной деятельностью. Но в цитируемом докладе И. П. Павлов дает только наметки своего будущего подхода к пониманию реагирования и поведения животных. Он пока еще четко разводит физиологические и «психические», по его выражению, опыты. В физиологических опытах деятельность слюнных желез оказывается связанной с существенными, безусловными свойствами предмета, непосредственно раздражающими рецепторы ротовой полости. В пси-

хических опытах животное раздражают несущественные для работы слюнных желез или даже совсем случайные свойства внешних предметов, а также обстановка, среди которой появляются эти предметы: посуда, мебель, люди, приносящие еду, и звук их шагов и т. д. «Таким образом, – заключает И. П. Павлов, – в психических опытах связь предметов, раздражающих слюнные железы, становится все отдаленней и тоньше» [1951, с. 17]¹⁰.

«...Можно ли весь этот, по-видимому, хаос отношений заключить в известные рамки, сделать явления постоянными, открыть правила их и механизм? – спрашивает И. П. Павлов. – Несколько примеров, которые я приведу сейчас, как мне кажется, дают мне право ответить на эти вопросы категорическим “да” и в основе всех психических опытов найти все тот же специальный рефлекс, как основной и самый общий механизм. Правда, наш опыт в физиологической форме дает всегда один и тот же результат, исключая, конечно, какие-нибудь чрезвычайные условия, это – безусловный рефлекс; основная же характеристика психического опыта – его непостоянство, его видимая капризность. Однако результат психического опыта тоже несомненно повторяется, иначе о нем не было бы речи. Следовательно, все дело только в большем числе условий, влияющих на результат психического опыта сравнительно с физиологическим. Это будет, таким образом, – условный рефлекс» [1951, с. 17].

Обращает на себя внимание следующая фраза из рассматриваемого доклада И. П. Павлова: «Очевидно, что многие из поразительных фактов дрессировки животных принадлежат к одной категории с некоторыми из наших фактов. И, следовательно, также и давно уже свидетельствовали о прочной законности некоторых психических явлений у животных. Следует сожалеть, что они так долго не привлекали к себе достаточного научного внимания» [1951, с. 17]. Известно, что И. П. Павлов тесно общался с известным дрессировщиком цирковых зверей Дуровым, и, возможно, именно он навел И. П. Павлова на мысль – выяснить механизмы психических явлений, связанных с дрессировкой животных.

Факт условного рефлекса есть повседневнейший и распространеннейший факт. Это есть, очевидно, то, что мы знаем в себе и животных под разными названиями: дрессировки, дисциплины, воспитания, привычки.

[Павлов, 1952, с. 17].

Доказав рефлекторность психических реакций животных, И. П. Павлов переходит к следующему шагу – к доказательству необязательности пользоваться при появлении этих условных рефлексов психологическими (скорее бытовыми) терминами. «До сих пор, – говорит он, – в моем изложении ни разу не встречалось фактов, которые отвечали бы в субъективном мире тому, что мы называем желаниями... В наших опытах то, что в субъективном мире нам представляется желанием, выражалось лишь в движении животного, на деятельности же слюнных желез не давало себя знать совершенно в положительном смысле. Таким образом, фраза, что страстное желание возбуждает работу слюнных или желудочных желез, совершенно не отвечает действительности. Это грех смещения, очевидно, разных вещей числится и за мной в прежних моих статьях. Таким образом, в наших опытах мы должны резко различать секреторную реакцию организма от двигательной и в случае деятельности желез, сопоставляя наши результаты с явлениями субъективного мира, говорить, как об основном условии удаchi опытов, о наличии не желания у собаки, а внимания ее. Слюнная реакция животного могла бы

---

¹⁰ Нельзя не отметить некоторую неточность в объяснении механизмов психического реагирования в этом заключении И. П. Павлова: свойства предметов не раздражают слюнные железы, они раздражают либо вкусовые рецепторы, либо дистантные рецепторы – зрительные, обонятельные, слуховые; видно, что И. П. Павлов был еще далек от представления о механизмах замыкания условно-рефлекторных связей, которое он развил позже. В статье в основном приводятся примеры того, *какие условия* должны быть соблюдены, чтобы постоянно вызывать секреторную реакцию слюнных желез.

рассматриваться в субъективном мире как субстрат элементарного, чистого представления мысли» [1951, с. 19–20].

И. П. Павлов все больше укрепляется в мысли, что он создает *настоящую* физиологию, о которой говорил Клапаред, способную заменить психологию при изучении работы мозга и поведения животных¹¹. «Я вижу и преклоняюсь перед усилиями мысли в работе старых и новейших психологов, но вместе с тем представляется, и едва ли это можно оспаривать, что работа эта совершается страшно не экономично, и я проникнут убеждением, что чистая физиология головного мозга животных чрезвычайно облегчит, больше того – оплодотворит непомерную, богатырскую работу тех, кто посвящал себя науке о субъективных состояниях человека», – писал И. П. Павлов в докладе, подготовленном к съезду психиатров, неврологов и психологов 1914 года [1951, с. 185].

... Физиологи наших дней небывало осложняют декартовское понятие рефлекса, чтобы приложить его к пониманию поведения в виде «условного рефлекса» И. П. Павлова. Физиология нервной системы делается небывало сложной, чтобы упростить науку о поведении.
[Ухтомский, 1950, с. 516].

И. П. Павлов прямо заявляет о возможности замены психических актов физиологическими процессами в нервных центрах и эффекторных органах¹². Это вытекает из заключительных слов в рассматриваемом докладе: «*Полученные объективные данные, руководствуясь подобием или тождеством внешних явлений, наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир, и тем сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека больше всего – его сознание, муки его сознания* [выделено мною. – Е. И.]. Вот почему я допустил в моем изложении как бы некоторое противоречие в словах. В заголовке моей речи и в продолжение всего изложения я пользовался термином “психический”, а вместе с тем все время выдвигал лишь объективные исследования, оставляя совершенно в стороне все субъективное. *Жизненные явления, называемые психическими, хотя бы и наблюдаемые объективно у животных, все же отличаются, пусть лишь по степени сложности, от чисто физиологических явлений.* Какая важность в том, как называть их – психическими или сложно-нервными, в отличие от простых физиологических, раз только признано и признано, что натуралист может подходить к ним лишь с объективной стороны, отнюдь не озабочиваясь вопросом о сущности этих явлений... Для натуралиста все – в методе, в шансах добыть непоколебимую, прочную истину, и с этой только, обязательной для него, точки зрения душа, как натуралистический принцип, не только не нужна ему, а даже вредно давала бы себя знать на его работе, напрасно ограничивая смелость и глубину его анализа» [1951, с. 23].

Есть теории, импонирующие своей широтой, так сказать безграничностью своего приложения. Во всяких обстоятельствах и к каким угодно случаям они найдут, как применить свои термины... Опасность тут, пожалуй, в том, что, примиряя с собою всевозможные факты, такая теория не предскажет ни одного из них. Другая опасность в том, что теория, ссылаясь на свою универсальность, будет, пожалуй, торопиться сблизить вещи слишком

---

¹¹ Клапаред (Claparède, 1906) писал: «Когда физиологи создадут рядом с психологией физиологию головного мозга – я разумею физиологию настоящую, а не психологический сколок, который они нам преподносят под этим именем, физиологию, способную говорить от себя и без того, чтобы психология подсказывала ей, слово за слово, то, что она должна сказать, – тогда мы посмотрим: есть ли выгода упразднить человеческую психологию и, следовательно, сравнительную психологию. Но мы еще до этого не дошли» [цит по: Павлов, 1951, с. 179].

¹² Дело дошло до того, что в павловской лаборатории было запрещено употреблять такие психологические выражения, как собака догадалась, захотела, пожелала и т. д. Нарушителей запрета даже штрафовали.

формально, при этом исказить конкретный смысл вещей и успокаивать мысль от исканий раньше времени.

[Ухтомский, 1950, с. 253].

В первой выделенной мною фразе обращает на себя внимание одно слово, раскрывающее, на каком основании И. П. Павлов хочет перенести данные его экспериментов на субъективный мир животных и человека и объяснить психическую деятельность не только животных, но и человека (даже его сознание!) с помощью условных рефлексов и закономерностей высшей нервной деятельности. Это слово «подобие». Но подобие (внешнее сходство наблюдаемых явлений) не означает их тождества ни по структуре, ни по механизмам проявления. Отсюда внешне сходная реакция или поведение может иметь различную иерархическую структуру управления. Приведу лишь один пример с коленным рефлексом. Разгибательное движение голени будет одним и тем же, как в случае безусловного раздражителя (удар молоточком по сухожилию) и условного раздражителя (замахивание молоточком без удара, которое видит испытуемый), так и при произвольном движении – ударе ногой по мячу. Уровни же управления этими движениями (то есть механизмы) различаются друг от друга на порядок. Если первые два случая реагирования отражают произвольный уровень и являются в основном физиологическими, то последний случай связан с произвольным механизмом управления, включающим и глобальные психические компоненты (в частности, мотивацию).

В выделенных фразах из приведенной выше цитаты содержится, с моей точки зрения, и противоречие: с одной стороны, Павлов утверждает, что полученные объективные данные (конечно, физиологические!) будут перенесены на наш субъективный мир и раскроют тайну сознания, а с другой стороны, он говорит, что даже у животных психические явления сложнее, чем физиологические. Как же тогда с помощью только простых физиологических явлений можно полностью раскрыть более сложное психическое, т. е. субъективное?

Перцепция, если разобрать, – это есть условный рефлекс и ничего больше, а когда у Гельмгольца никакого представления об условных рефлексах в голове не было, он назвал их «бессознательными заключениями».

[Павловские среды ..., 1949, т. II, с. 567].

В «Лекциях о работе больших полушарий головного мозга» И. П. Павлов, перечислив условия образования условного рефлекса, писал: «Принимая во внимание все перечисленные условия... мы непременно получаем условный рефлекс. Тогда почему же не считать образование условного рефлекса *чисто физиологическим* явлением? Мы произвели на нервную систему собаки ряд определенных внешних воздействий, и в результате *закономерно* образовалась новая нервная связь, произошло определенное нервное замыкание. После этого перед нами типичный рефлекторный акт, как показано выше. А тогда где же тут место для каких-то нефизиологических отношений? Почему же и условный рефлекс, и образование его не физиология, а что-то другое? Я не вижу основания думать об этих явлениях иначе и позволяю себе догадываться, что при этих вопросах обычно играет вредную роль человеческое предубеждение, вообще не склонность к детерминации высшей нервной деятельности вследствие чрезвычайной сложности наших субъективных переживаний...» [1952, с. 21–22; выделено мною. – Е. И.].

В центральной нервной системе и рефлекторной дуге И. П. Павлов главную роль отводил афферентной части: «Я думаю, что главный центр тяжести нервной деятельности заключается именно в воспринимающей части центральной инстанции... Часть же центробежная – просто исполнительная» (Полное собр. соч. Т. III, кн. 1. С. 156)¹³. Вообще высказывания И.

---

¹³ Как будет видно из дальнейшего изложения представлений А. А. Ухтомского о доминанте и Н. А. Бернштейна о физиологии активности, центробежная часть – не просто исполнительная. В ней тоже происходят сложные процессы, например борьба за конечный выход многих степеней свободы.

П. Павлова, что изучаемые им условные рефлексы чисто физиологические, иначе как запальчивостью ученого объяснить трудно. Чего, например, стоит следующее его рассуждение в статье «Ответ физиолога психологам» (1932): «Когда за поднятием лапы дается еда, раздражение несомненно идет из кинестезического пункта к пищевому центру. Когда же связь образована, и собака, имея пищевое возбуждение, сама подает лапу, очевидно, раздражение идет в обратном направлении. Я понимать этот факт иначе не могу. Почему это только простая ассоциация, как это обыкновенно принимают психологи, *а отнюдь не акт понимания, догадливости*, хотя бы и элементарных, мне остается не ясным» [1951, с. 363; выделено мною. – Е. И.]. Или в другом докладе 1932 года: «Мне казалось бы странным, если бы, только потому, что психологами собаке приписывается лишь ассоциативная деятельность, этот нервный труд [по формированию динамического стереотипа. – Е. И.] не позволено было называть умственным» [1951, с. 398]. Вот и пойми Павлова: то он начисто отрицает зоопсихологию, то сам приписывает собакам разумное поведение там, где его может не быть. В действительности зрительное *восприятие объекта*, находящегося на расстоянии и вызывающего путем ассоциативной связи с пищевым центром собаки секрецию слюны, – *это процесс сколь физиологический, столь и психический, следовательно, можно говорить о включенности психического в физиологическое, о неразрывной связи того и другого в любом рефлексе.*

...Видя подползающую змею, приближающуюся цаплю или тянущуюся к ней руку, лягушка рефлекторно прыгает в сторону, но, видя приближающуюся к ней муху, не прыгает, а выбрасывает язык. Очевидно, что здесь мы имеем дело с чем-то более сложным, чем просто физиологический ответ на сенсорный стимул. Это уже физиологический ответ на психический образ ситуации. Можно, конечно, гадать, на что у лягушки возникает ответ: на психическую конструкцию, моделирующую ситуацию, или на ее физиологический коррелят. Если кто-то скажет, что на последний, то возникает логичный вопрос: для чего тогда эволюция создала высокоспециализированные органы чувств и психику, зачем нужны психические феномены, просто «иллюстрирующие» физиологические процессы?

[Поляков, 2004, с. 290].

Да и высший анализ раздражителей, о котором И. П. Павлов рассуждал в докладе, сделанном в 1916 году, столь же физиологический, сколь и психологический. Недаром же Павлов стал говорить об анализаторах, в которых возникают ощущения и образы восприятия, являющиеся сигналом для реагирования животного. Поведение животного, не говоря уже о человеке, направляется ощущениями и образами восприятия, а не просто возбуждением нервных клеток того или иного анализатора. И оттого, что эти ощущения и восприятия у животного не вербализованы, они не перестают быть таковыми. Но для И. П. Павлова это было не очевидным; ведь зоопсихологию как науку он отрицал¹⁴.

В конце концов все данные субъективного характера должны перейти в область объективной науки. Смесь субъективного с объективным в исследовании – это вред для дела. Надо делать попытки разбирать явления с чисто объективной стороны.

¹⁴ Это не может не вызывать удивления, так как на одной из «Сред» он говорил следующее: «Я давно уже был поражен, каким манером человек ухитрился вырыть такую яму между собой и животными. Вы возьмите нашего постоянного спутника – собаку. Это сходство поражает. Возьмите все органы собаки. Возьмите всю остальную деятельность – определено то же самое. Тут мы просто умнее ее, хотя и она тоже не дура. Как это все же можно говорить, что имеется какая-то поражающая разница!.. Я сейчас занимаюсь немножко с обезьянами и говорю, что наша любознательность выросла из этого ориентировочного исследовательского рефлекса и что она есть продолжение и расширение его» [Павловские среды ..., 1949, т. II, с. 165–166].

Субъективный метод исследования всех явлений имеет давность первого человека, и что принес он нам? Ничего. Все, что выдумали с его помощью, приходится ломать и строить новое.
[Павлов, 1949, с. 375, 381].

После этого доклада И. П. Павлов еще несколько раз употреблял слова «психический», «душевный». Последний раз слово «психический» И. П. Павлов употребил в докладе в 1909 году, используя его наравне со словосочетанием «сложно-нервные явления». Затем и то и другое исчезли из лексикона И. П. Павлова, и он стал говорить только о высшей нервной деятельности.

В докладе 1909 года им был проявлен, как и прежде, безудержный оптимизм в отношении своего объективного метода познания психического. Да простит меня читатель за еще одно длинное цитирование, но, чтобы избежать упреков в неправильной трактовке мысли И. П. Павлова, лучше предоставить слово ему самому: «...Нельзя сравнивать сложность явления, которое мы имеем [в опытах на собаках. – *Е. И.*], с теми, которые имеются в руках психологов. Ясно, что деятельность нервной системы человека чрезвычайно превосходит своей сложностью деятельность нервной системы собаки. Ввиду этих обстоятельств психолог затрудняется сказать, чему наш анализ отвечает в экспериментальной психологии и вообще в психологическом исследовании. Я получил от психологов заявление, что, кажется, такого анализа у них еще нет, и я думаю, что, ввиду указанных затруднений, наш анализ еще долгое время пойдет особым путем от анализа психологов. Что касается до этого результата, то он для нас, физиологов, нисколько не огорчителен. Он нас ни в какое затруднительное положение не ставит, потому что мы – проще, чем психологи, мы строим фундамент нервной деятельности, а они строят высшую надстройку, и так как простое, элементарное понятно без сложного, тогда как сложное без элементарного уяснить невозможно, то, следовательно, наше положение лучше, ибо наше исследование, наш успех, нисколько не зависит от их исследований. Мне кажется, что для психологов, наоборот, – наши исследования должны иметь очень большое значение, так как *они должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания* [выделено мною. – *Е. И.*]. Ведь психологическое знание и исследование поставлено чрезвычайно трудно, оно имеет дело со страшно сложным материалом, и, кроме того, психические явления всегда сопровождаются в высшей степени неблагоприятным условием, которого у нас нет и от которого мы не страдаем. Таким неблагоприятным условием психологического исследования является тот факт, что исследование это не имеет дела со сплошным непрерывным рядом явлений. Ведь в психологии речь идет о сознательных явлениях, а мы отлично знаем, до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного. Мне представляется, что психолог при его исследовании находится в положении человека, который идет в темноте, имея в руках небольшой фонарь, освещающий лишь небольшие участки. Вы понимаете, что с таким фонарем трудно изучить всю местность. Каждому из вас, бывавшему в таком положении, памятно, что представление, полученное от незнакомой местности при помощи такого фонаря, совершенно не совпадает с тем представлением, которое вы получите при солнечном освещении. Мы в этом отношении находимся в более благоприятных условиях. Если принять все это во внимание, то тогда можно понять, как различны шансы объективного исследования и шансы исследования психологического. Наши исследования... только начинаются, а между тем мы уже имеем серьезный опытный анализ, так далеко проникающий и имеющий такой точный на всех своих ступенях характер. Относительно же законов психологических явлений приходится сказать, что затрудняешься, где их искать. А сколько тысячелетий человечество разрабатывает факты психологические, факты душевной жизни человека! Ведь этим занимаются не только специалисты-психологи, но и все искусство, вся литература, изображающая механизм душевной жизни людей. Миллионы страниц заняты изображением внутреннего мира человека, а результатов этого труда – законов душевной жизни человека – мы до

сих пор не имеем. И поныне вполне справедлива поговорка: “чужая душа – потемки”. *Наши же объективные исследования сложно-нервных явлений у высших животных дают основательную надежду, что основные законы, лежащие под этой страшной сложностью, в виде которой нам представляется внутренний мир человека, будут найдены физиологами, и не в отдаленном будущем»* [1951, с. 66–67; выделено мною. – Е. И.].

Очень часто в истории науки можно видеть, что привлечь наскоро для объяснения явлений ближайшую подходящую схему значит в сущности загордиться этой схемой от реальности и успокоиться раньше времени, не уловив, в конце концов, подлинной природы явления.
[Ухтомский, 1950, с. 216].

Надо отметить справедливость упрека И. П. Павлова в сторону психологии: «Психолог признает условность принципом обучения и, принимая принцип дальше неразложимым, т. е. не нуждающимся в дальнейшем исследовании, стремится все из него вывести, все отдельные черты обучения свести на один и тот же процесс. Для этого он берет один физиологический факт и решительно придает ему определенное значение при истолковании частных фактов обучения, не требуя действительного подтверждения этого значения. Физиологу невольно думается при этом, что психолог, так недавно обособившийся от философа, еще не совсем отрешился от пристрастия к философскому приему дедукции, *от чисто логической работы, не проверяющей каждый шаг мысли согласием с действительностью* [выделено мною. – Е. И.]¹⁵. Физиолог действует совершенно обратно. В каждом моменте исследования он старается отдельно и фактически анализировать *явление, определяя* сколько возможно *условия его существования*, не доверяя одним выводам, одним предположениям» [1951, с. 344; выделено мною. – Е. И.]. Для того чтобы описание явления было объективным, оно должно воспроизводиться в эксперименте. Отсюда и стремление И. П. Павлова создать такой метод и проводить опыты, в которых выяснялись бы условия такой воспроизводимости, а также была бы возможность соотносить силу раздражителя с величиной ответной реакции.

Для Павлова это было важным, так как, по словам А. А. Ухтомского, «И. П. Павлов представлял физиологию будущего сложную математическую выкладку, испещренную “величественными интегралами”. Нам понятны праздничные мечты, которые может позволить себе творец науки в часы досуга, когда родная стихия мысли перестает быть для него суровым текущим трудом и становится “*frohliche Wissenschaft*”» [1954б, с. 165].

Этой идеей Павлов «заразил» и двух других академиков: биофизика Лазарева и математика Н. Н. Лузина. Волею случая в середине 50-х годов прошлого века ко мне попала книга И. П. Павлова «Двадцатилетний опыт...» 1932 года издания, подаренная ее автором Н. Н. Лузину 8 апреля 1932 года. Я обратил внимание на то, что эта книга была тщательно проштудирована Николаем Николаевичем, в ней бесчисленное число раз делались подчеркивания и заметки на полях, среди которых можно было выделить и определенную систему: особым цветом выделялись места в книге, где речь шла о количественном выражении силы условного слюнного рефлекса. Естественно, у меня возникло недоумение: зачем академику математики так тщательно изучать этот труд по физиологии? За разъяснениями я обратился к двоюродной тетке Н. Н. Лузина, Александре Ивановне Введенской, которая жила на Арбате в его квартире (и вместе с ним, и после него) и у которой я часто гостил в летние каникулы. Она мне поведала, что у Павлова был постоянный контакт с Лузиным. Сын Павлова часто приезжал в Москву и

---

¹⁵ Психологи действительно склонны к построению чисто умозрительных конструкций, не согласующихся с жизнью, т. е. с практикой. Примерами могут служить излагаемые в ряде учебников представления о соотношении между влечениями, желаниями и хотениями, развитие С. Л. Рубинштейном, о пирамиде потребностей А. Маслоу, о соотношении между настроением, эмоцией и аффектом и прочее.

заходил к Лузину. После смерти жены Н. Н. Лузина распорядительницей ее имущества стала А. И. Введенская. Она, узнав, что я интересуюсь физиологией, и предложила мне эту книгу.

Так зачем же было Н. Н. Лузину так тщательно вникать в эксперименты И. П. Павлова? Со слов А. И. Введенской и жены ученика Лузина Н. Ф. Депутатовой, жившей в той же квартире, я понял, что тройственный союз ученых (И. П. Павлов, Н. Н. Лузин и биофизик П. П. Лазарев) задумал создать науку наподобие той, что Н. Винер назвал кибернетикой. Но осуществиться этой задумке не удалось (да и могла ли она осуществиться, базируясь на условно-рефлекторной теории Павлова?). И. П. Павлов умирает в 1936 году, а Н. Н. Лузин в 1937 году подвергся со стороны партийного и государственного аппарата нападкам как «скрытый классовый враг».

Позже (в 1961 году) появилось и документальное подтверждение услышанному и увиденному мною ранее. Во время хрущевской оттепели из лагерей вернулся физиолог В. Л. Меркулов. Он и нашел документы, подтверждавшие связь Павлова, Лузина и Лазарева и их попытку создать новую науку, подобную кибернетике.

В наше время можно слышать, что понятие рефлекса сыграло свою роль и ожидать от него новых значительных плодов в новой науке не следует. Нам представляется, что для таких прогнозов достаточных оснований нет. И. П. Павлов дал великолепный пример того, как еще очень надолго может служить нам и как много нового способна дать науке концепция рефлекса, соответствующим образом приспособленная и углубленная для новых задач. Мы можем сказать, что И. П. Павлов впервые показал на экспериментальных примерах, как надо понимать и применять к делу модель рефлекса для того, чтобы она могла на деле сослужить ту службу, ради которой она и была задумана с самого начала, в XVII столетии, т. е. осветить физиологическую природу страстей и принудительно инстинктивных актов поведения. [Ухтомский, 1954, с. 226–227].

В 1913 году И. П. Павлов писал, что вся сложная нервная деятельность, *понимаемая раньше как психическая*, представляется ему в виде двух основных физиологических механизмов: механизма условного рефлекса и механизма анализаторов. «В высшем животном мы констатируем две стороны высшей деятельности, – писал Павлов. – С одной стороны, образование новых связей с внешним миром, а с другой стороны, внешний анализ. Отличив эти две деятельности, вы увидите, что ими захватывается очень много, и трудно представить, что останется вне этого. Только детальное изучение может это определить. Всякая муштровка, всякое воспитание, ориентировка в окружающем мире, среди событий, природы, людей сводится или к образованию новых связей, или к тончайшему анализу. По крайней мере очень многое сводится к этим двум деятельности» [1951, с. 214]. Однако позже (в 30-х годах) Павлов не сводил уже психическое (высшую нервную деятельность) только к этим двум механизмам.

В предисловии к книге А. Г. Иванова-Смоленского «Основные проблемы патофизиологии высшей нервной деятельности» (1933) он заговорил о возможности *слития* субъективного с объективным, физиологии и психологии. Вот что он писал по этому поводу: «... Постепенно открывалась все большая и большая возможность накладывать явления нашего субъективного мира на физиологические нервные отношения, иначе сказать, сливать те и другие. Об этом нельзя было думать, когда у физиолога имелись только опыты с искусственным раздражением разных пунктов коры и с удалением разных отделов ее у животных. Тогда, наоборот, существовал странный факт, что две области человеческого знания, занимавшиеся деятельностью одного и того же органа в животном и человеческом организме (кто может теперь оспаривать это?), держались вообще более или менее обособленно и иногда даже принципиально независимо друг от друга. В результате этой странности получилось то, что физиология выс-

шего отдела головного мозга долгое время оставалась почти без всякого движения, а психология не могла даже выработать общего языка для обозначения явлений изучаемого ею материала, несмотря на многократные попытки ввести общепринятый между всеми психологами словарь. Теперь положение дела меняется, в особенности для физиологов. Перед нами открывается необозримый горизонт наблюдений и опытов, опытов без числа. Психологи же получают, наконец, общую прочную почву, естественную систему изучаемых ими основных явлений, в которой легче будет им разместить бесконечный хаос человеческих переживаний. Наступает и наступит, осуществится естественное и неизбежное сближение и, наконец, слитие психологического с физиологическим, субъективного с объективным – решится фактически вопрос, так долго тревоживший человеческую мысль» [1951, с. 342].

Общефизиологическая рефлекторная теория представляет созданную Павловым «настоящую физиологию» головного мозга. Но именно потому, что это «настоящая» физиология, т. е., по образному выражению Э. Клапареда, физиология, «способная говорить от себя и без того, чтобы психология подсказывала ей слово за словом то, что она должна сказать», Павлов по необходимости и по исходному замыслу должен был на первом этапе работы абстрагировать свой анализ от психологических понятий и методов. Это был обоснованный и правильный ход, соответствующий логике выявления общих законов исследуемого объекта.
[Веккер, 2000, с. 66].

Думаю, никто из психологов не откажется от попытки «наложить» психическую деятельность животных и человека на физиологические факты¹⁶, *связать* психическое с физиологическим, но вряд ли кто будет поддерживать намерение И. П. Павлова *слить, отождествить* то и другое.

Ведь говоря о слитии физиологии и психологии, И. П. Павлов имел в виду не совместное изучение ими одного и того же объекта и явления, не *единство* физиологического и психического, а отождествление психологического с физиологическим. Эта мысль отчетливо обозначена им в работе «Ответ физиолога психологам» (1932): «Статья Edwin R. Guthrie “Conditioning as a Principle of Learning” представляет, как мне кажется, особый интерес своей основной, по-моему совершенно оправдываемой, тенденцией “наложить”, так сказать, явления так называемой психической деятельности на физиологические факты, т. е. слить, *отождествить* физиологическое с психологическим, субъективное с объективным, что по моему убеждению составляет важнейшую современную научную задачу» [1951, с. 343; выделено мною. – Е. И.]. Как видим, от основной своей идеи И. П. Павлов не отказался и через тридцать лет после ее возникновения.

К сожалению, при Павлове «не было начато систематическое сопоставление объективных и субъективных явлений друг с другом» [Орбели, 1964, с. 278].

---

¹⁶ Л. А. Орбели в работе 1938 года возражал против этого способа изучения поведения животных: «Есть группа авторов, которая подходит к делу следующим образом. Они говорят: мы будем сначала объективно изучать явления физиологическим методом, анализировать их, а затем попытаемся сделать вывод, что этому соответствует в субъективном мире. Опять-таки получается процесс, который не имеет никаких серьезных основ, потому что нет никаких критериев, по которым можно было бы судить, что эта форма поведения животного есть выражение таких-то субъективных состояний. Для этого нет никаких оснований. Мы просто занимались бы совершенно пустыми сочинениями о психической деятельности животных или суждениями, для которых нет достаточных оснований» [1962, с. 373]. В отношении человека Л. А. Орбели придерживался другой позиции, а именно, что сопоставление объективных данных с субъективными необходимо. «Может показаться странным, – писал он, – что выше я как будто был против применения субъективного метода, а теперь отстаиваю субъективный метод. Но это два различных субъективных метода. Одно дело наблюдать объективные явления у собаки, а затем их субъективно истолковывать, перенося свой субъективный мир, пытаться строить какое-то знание субъективного мира собаки, который совершенно недоступен нашему наблюдению, и другое дело взять свой заведомо существующий и заведомо наблюдаемый субъективный мир, его наблюдать и на основании этих показаний строить знания об объективных явлениях, которые лежат в основе его. Эти оба приема называют субъективным методом, но они по существу различны» [1962, с. 376].

Иван Петрович (Павлов. – *Е. И.*) указывает на два сорта ученых – монистов и дуалистов. К первым относятся Кречмер, Клерамбо: для них психологическое и физиологическое – одно и то же. Для других, как, например, для Жанэ, невозможно мыслить о том и о другом как о едином процессе.

[*Павловские среды ...*, 1949, т. I (26 апреля 1933 г.), с. 328].

Иван Петрович (Павлов. – *Е. И.*) читает выдержки из статьи д-ра Рамха, в которой тот, выражая свое отрицательное отношение к науке об условных рефлексах, пишет: «Павлов – во всяком случае тот, кто больше всего повредил психологам принижением значения науки о субъективном в кругах невропатологов, психиатров, физиологов и педагогов». *Иван Петрович выражает удовольствие по поводу такой оценки его работы* (выделено мною. – *Е. И.*).

[*Павловские среды ...*, 1949, т. I (26 октября 1932 г.), с. 234–235].

Психологи заинтересованы в том, чтобы были вскрыты физиологические механизмы психических явлений, но совершенно не заинтересованы в том, чтобы физиологические механизмы условнорефлекторной деятельности мозга подменили психологические механизмы поведения.

В этой же статье И. П. Павлов писал: «Я – психолог-эмпирик и психологическую литературу знаю только по нескольким руководствам психологии и совершенно ничтожному, сравнительно с существующим материалом, количеству прочитанных мной психологических статей; но был с поры сознательной жизни и остаюсь постоянным наблюдателем и аналитиком самого себя и других в доступном мне жизненном кругозоре, причисляя к нему и художественную литературу с жанровой живописью. Я решительно отрицаю и чувствую сильное нерасположение ко всякой теории, претендующей на полный обхват всего того, что составляет наш субъективный мир, но я не могу отказаться от анализа его, от простого понимания его на отдельных пунктах. А это понимание должно сводиться на согласие его отдельных явлений с данными нашего современного положительного естественнонаучного знания. Для этого же необходимо постоянно самым тщательным образом пробовать прилагать эти данные ко всякому отдельному явлению. Сейчас, я убежден в этом, *чисто физиологическое* понимание многого того, что прежде называлось психической деятельностью, стало на твердую почву, и при анализе поведения высшего животного до человека включительно законно прилагать всяческие усилия понимать явления *чисто физиологически*, на основе установленных физиологических процессов. А между тем мне ясно, что многие психологи ревниво, так сказать, оберегают поведение животного и человека от таких чисто физиологических объяснений, постоянно их игнорируя и не пробуя прилагать их сколько-нибудь объективно» [1951, с. 362; выделено мною. – *Е. И.*].

В заключение доклада, сделанного в Риме в 1932 году, Павлов еще раз повторил эту мысль: «В речи президента Американской психологической ассоциации на 1931 год Уольтера Гентера, даже несмотря на очень большие усилия оратора, психолога-бихевиориста, отделить физиологию от его психологии, прямо-таки невозможно усмотреть какую-либо разницу между физиологией и психологией. Но и психологи из небихевиористского лагеря признают, что наши опыты с условными рефлексами составили, например, большую поддержку учению об ассоциациях психологов...

Я убежден, что приближается важный этап человеческой мысли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда *фактически* разрешится или отпадет естественным путем мучительное противоречие или противопоставление моего сознания моему телу. В самом деле, когда объективное изучение высшего животного, например собаки, дойдет до той степени, – а это, конечно, произойдет, – что физиолог

будет обладать абсолютно точным предвидением при всех условиях поведения этого животного, то что останется для самостоятельного, отдельного существования его субъективного состояния, которое, конечно, есть и у него, но свое, как у нас наше. Не превратится ли тогда обязательно для нашей мысли деятельность всякого живого существа до человека включительно в одно нераздельное целое?» [1951, с. 393].

Итак, временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление в животном мире и в нас самих. А вместе с тем оно же и психическое – то, что психологи называют ассоциацией, будет ли это образование соединений из всевозможных действий, впечатлений или из букв, слов и мыслей. Какое было бы основание как-нибудь различать, отделять друг от друга то, что физиолог называет временной связью, а психолог ассоциацией?
(Павлов И. П. *Полное собрание трудов*. 1949. Т. III. С. 561).

Это заявление еще раз подтверждает, что единственным методом объективного изучения психического И. П. Павлов до конца своих дней считал физиологические методы.

В этой беседе Павлов рассуждает о мышлении, в частности, обезьян. И опять поражает его безграничная вера в могущество условного рефлекса при объяснении психических явлений: «Мы сейчас имеем полную возможность изучить всю картину этого “мышления”. Вот ответ на вопрос, поставленный психологами еще две тысячи лет тому назад. Перед вами раскрывается весь механизм примитивного думания. Во всем этом “мышлении” действительно ничего нет, кроме наших условных рефлексов и цепей этих ассоциаций. Вместе с тем вы видите, до какой степени законны наши рефлексы, до какой степени они, а также все раскрытые нами закономерности работы коры находят здесь себе приложение» [1951, с. 516].

И. П. Павлов при каждом удобном случае подчеркивал, что при анализе наблюдаемых им явлений он обходится без психологических терминов. «В высших отделах нервной системы, в больших полушариях, происходит преимущественно тончайший анализ, до которого может дойти животное и человек, – писал Павлов. – И этот предмет – чисто физиологический. Я, физиолог, при изучении этого предмета ни в каких посторонних понятиях и представлениях не нуждаюсь» [1951, с. 213].

При этом И. П. Павлов ревностно относился к сохранению «объективного» подхода к изучению высшей нервной деятельности. Вот что он заявил на «Среде» 23 января 1935 года по поводу одного из своих сотрудников: «Жалко, что нет Зеленого, но я бы и при нем это сказал. Этот Г. П. Зеленый начал очень хорошо. Хорошая диссертация его была, энергически думал. Впервые рефлекс на перерыв сделал, впервые рефлекс второго порядка получил и т. д. А когда получил профессорское звание и авторитетную этикетку, то работу энергическую забросил и изобразил из себя человека, который знает не только физиологию, но и психологию, которая понимает субъективный мир. Теперь занимается пустяками... Вместо того, чтобы постараться не действовать топором, после того как научился работать рубанком, он, наоборот, бросил наши точные опыты и занялся фразеологией, игрой слов, теперь вроде Келера опровергает эти опыты» [Павловские среды ..., 1949, т. III, с. 48–49].

В тот период, когда И. П. Павлов приступил к изучению условных рефлексов, он стоял на пути переворота в области основных наших утверждений относительно взаимоотношений физиологии и психологии как научных дисциплин. Один из первых своих докладов он назвал «Экспериментальная психология и патопсихология на животных». Но вскоре он убедился, что этот термин является преждевременным, так как разрешить психологические задачи ему оказалось не под силу, а пользование психологической терминологией даже мешало ему. Он перешел на позиции изучения «истинной физиологии больших полушарий

головного мозга» и занялся физиологией, не считаясь с психическим миром человека. На известном этапе он утверждал, что его задача заключается в изучении физиологических явлений, в их объяснении и научном толковании. Господствовавшая в то время гносеология допускала эмпирический параллелизм, т. е. утверждение, что, независимо от того, какова взаимосвязь между материей и духом, физическим и психическим, физиологические объективные явления происходят так, как если бы субъективных явлений и не существовало вовсе. Это давало право физиологам заниматься изучением физиологических явлений без учета субъективных психологических явлений. Но это не означало, что физиология отрицала субъективный мир человека или животных, это не означало, что она принимала ту или иную точку зрения в вопросе о природе психических явлений и их связи с явлениями физическими, – физиологи только использовали из господствующих гносеологических утверждений право на самостоятельное построение физиологии вне ее связи с сопутствующими или параллельными психическими явлениями.

Но после того как был накоплен огромный материал, допускавший возможность построения основных законов нервной динамики, снова возник вопрос, являются ли такие знания полными или нет, могут ли физиологи на этом успокоиться и считать свою задачу исчерпанной. И. П. Павлов отвечал на это отрицательно. Он не считал изучение физиологии больших полушарий законченным разрешением этих вопросов и надеялся, что когда-нибудь на этой физиологической канве будет происходить изучение субъективного мира человека.

[Орбели, 1964, с. 251–252].

На одной из «Сред», обсуждая опыты с решением животными задач, которые перед ними ставили экспериментаторы, И. П. Павлов заявил: «Нужно считать, что образование временных связей, т. е. этих “ассоциаций”, как они всегда назывались, это и есть понимание, это и есть знание, это и есть приобретение новых знаний» [Павловские среды ..., 1949, т. II, с. 579]. Анализ и синтез раздражений, считал Павлов, «можно и должно называть элементарным, конкретным мышлением» [1951, кн. 2, с. 222]. И еще: «Здесь психология покрывается физиологией, субъективное понимается чисто физиологически, чисто объективно. С этим приобретает очень многое. Мы начинаем понимать, каким образом происходит мышление человека, о котором столько разговоров и столько всякой пустой болтовни» [Павловские среды ..., 1949, т. II, с. 586]. Очевидно, что в данном случае И. П. Павлов подменяет *сущность* знаний *механизмом образования* новых знаний.

И уж совсем трудно понять следующее заявление Павлова: «Нужно думать, что *нервные процессы полушарий при установке и поддержке динамического стереотипа* есть то, что обыкновенно называется *чувствами* в их двух основных категориях – положительной и отрицательной, и в их огромной градации интенсивностей» [1951, с. 391].

Учение Ивана Петровича Павлова о высшей нервной деятельности – это есть та экспериментальная психология и патопсихология, которую провозгласил Иван Петрович еще в 1903 г. и которую он довел до изучения в клинике человеческой невропатологии и психиатрии.

[Орбели, 1950, с. 167].

Ошибка И. П. Павлова состоит в *практическом* отождествлении им высшей нервной деятельности (поведения) с условнорефлекторной деятельностью и насаждении своей методики

изучения высшей нервной деятельности и психики животных и человека как единственно объективной и правильной. Это и вызывало резкие и справедливые возражения других ученых.

3.2. Речь и мышление в свете представлений И. П. Павлова о второй сигнальной системе

Как известно, изучение условнорефлекторной деятельности на животных привело И. П. Павлова к пониманию того, что условный рефлекс – это не только поведенческий, но и *отражательный* акт. И. П. Павлов понимал условный раздражитель не просто как стимул, вызывающий ту или иную реакцию, а как знак, т. е. как метку, признак ситуации, в которую попадает животное. Знаки являются сигналами, которые не только сигнализируют о внешних условиях поведения, но и управляют ими.

Знак – это такой компонент психического отражения, который не имеет познавательно-образного сходства с соответствующим ему элементом или свойством объекта оригинала. Если образ воспроизводит структуру оригинала с определенной степенью адекватности, то знаки такой структуры не воспроизводят. Но они воспроизводят в самом субъекте образы объектов-оригиналов, возникших в результате предшествовавших актов отражения.
[Батуев, 2004, с. 22].

Однако раздражитель является знаком не для рецептора, как пишет М. Г. Ярошевский (см. врезку), а для центральных отделов нервной системы, производящих анализ поступивших с периферии сигналов.

В дискуссии с Лешли Павлов проливает свет на глубинный смысл условного рефлекса как категории поведенческой. Его истинной детерминантой является не раздражитель в его традиционной физиологической ипостаси. Здесь поведение также имеет своей причиной внешний источник. Этот источник также действует на рецептор, но теперь для рецептора он оборачивается знаком (именно этот термин применяет Павлов). Знаком чего? Внешних условий, объективных ситуаций, без различения которых невозможно поведение. Именно эта исполняемая рецептором знаковая функция превращает дугу в поведенческий акт, непременно предполагающий знаковые отношения между организмом и решением задачи по его адаптации к внешним условиям.

...Появление понятия о знаке в структуре рефлекторной теории имело принципиальное значение для преодоления механистического способа мышления, три века тяготевшего над ней. Именно обращение к знаку придавало вчерашнему раздражителю (стимулу) значение посредника между организмом и обозначаемыми им реалиями внешней среды, значение особого регулятора поведения.
[Ярошевский, 1996, с. 22].

В связи с этим Павлов стал говорить о наличии у животных первой сигнальной системы, в которой сигналами действительности служат безусловные и условные раздражители. Но когда он перешел к изучению высшей нервной деятельности человека, то стало очевидным, что роль знаков, сигналов могут исполнять и слова, речь человека. Вследствие этого Павлов выдвинул представление о второй сигнальной системе.

В последние годы своей работы над изучением условных рефлексов И. П. Павлов выдвинул учение о второй сигнальной системе и склонялся к тому,

что именно она и является той формой высшей нервной деятельности, той надстройкой над нервной деятельностью, которая характеризует человеческий мозг, человеческую высшую нервную деятельность и которая является отличительным признаком человека по сравнению со всем животным миром. К великому нашему сожалению, И. П. Павлов очень мало успел разработать этот раздел учения о высшей нервной деятельности. Преждевременная смерть оторвала его от нас в те годы, когда он концентрировал свое внимание на вопросе о том, что именно отличает человеческую высшую нервную деятельность от высшей нервной деятельности животного с чисто физиологической точки зрения. Высказанные Павловым мысли не были оформлены им в законченном докладе либо в законченной статье. В значительной мере они высказывались на «средах», являясь достоянием только тех, кто постоянно посещал его «среды», причем остались в форме не выправленных им самим стенограмм. В связи с этим создалось своеобразное и, мне кажется, подчас неправильное понимание второй сигнальной системы, а затем и некоторые неправильные выводы... Можно заменить словесный знак иным звуковым выражением либо оптическим изображением, заменить устную речь письменной, жестикуляторной, мимической и т. д. В связи с этим возникает ошибочное представление, с которым часто приходится встречаться. Это смешение второй сигнальной системы с речью... Ошибка заключается в следующем. Речевой акт представляет собой большую сложность, в которой мы различаем, с одной стороны, способность речепроизношения (сложный, комплексный моторный акт, ведущий к произношению членораздельной речи), а с другой стороны, осмысление речи, т. е. использование речевого акта для того, чтобы путем членораздельных звуков обозначить предметы и действия соответствующими названиями. Сам по себе моторный акт речи – артикуляция – может быть развит у отдельных животных без того, чтобы за этим скрывалось осмысление. Достаточно привести в пример попугая, который обладает способностью довольно хорошей членораздельной речи, т. е. обладает способностью воспроизводить имитационным путем человеческие речевые звуки. Является ли это проявлением второй сигнальной системы? Конечно, нет. Здесь есть одно только звукопроизводство... А с другой стороны, мы можем себе представить ребенка, который неспособен правильно имитировать человеческую речь и из этой человеческой раздельной речи в состоянии воспроизводить лишь отдельные фонемы либо слова. Однако он свидетельствует своими движениями и своевременным применением этой примитивной речи, что он применяет эту речь не пассивно, под влиянием условных раздражителей, а как символику и обозначение конкретных предметов либо конкретных действий. Тут уже выступают элементы второй сигнальной системы, когда основанный либо на звуковом, либо на оптическом восприятии символ, вступивший ранее во временную связь с тем или иным конкретным предметом или действием, начинает вызывать свойственные этому объекту или действию влияния на деятельность человека. Если иметь это в виду, то станет ясно, что при разработке вопроса о высшей нервной деятельности человека приходится изучать два совершенно различных вопроса: с одной стороны, изучать моторику речевого акта и способность к выполнению членораздельной речи... и, с другой стороны, изучать те временные связи, которые вторично устанавливаются между уже готовыми комплексами условных связей, ранее

выработанными в жизни индивидуального человеческого организма. Пока нет этого второго момента, нет и второй сигнальной системы, и все попытки считать изучение членораздельной речи самой по себе за изучение этой второй сигнальной системы должны считаться ошибочными и неудачными. [Орбели, 1964, с. 245].

Вторая сигнальная система в его понимании – это система речевых сигналов как специально человеческая форма условно-рефлекторной связи с внешним миром. Он утверждал, что основные законы, установленные для первой сигнальной системы, действительны и для второй сигнальной системы.

И. П. Павлов в докладе на XIV Международном конгрессе физиологов в Риме охарактеризовал вторую сигнальную систему следующим образом: «Если наши ощущения и представления, относящиеся к окружающему миру, есть для нас первые сигналы действительно, конкретные сигналы, то речь, специально, прежде всего кинестезические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше лишнее, специально человеческое, высшее мышление...» (Полное собрание трудов. Т. III. С. 490). Удивляет в этой характеристике второй сигнальной системы упор на кинестезические раздражения. Слово (его смысл) действительно может заменить реальный объект (раздражитель), но как могут кинестезические сигналы с речевых мышц выражать смысл слов? Тогда, зарегистрировав биотоки с этих мышц, можно было бы узнать, о чем думает человек.

Для объяснения механизмов, лежащих в основе использования второй сигнальной системы при общении и творчестве, Павлов и его ученики считали достаточным использовать те явления, которые были выявлены ими при изучении высшей нервной деятельности животных: образование временных связей, иррадиация и концентрация возбуждения и торможения, индукция и выработка внутреннего торможения в различных его формах.

Человеку, благодаря существованию у него сигнальных систем, присущ особый вид связей, образующихся по типу «внезапного замыкания». При этом все закономерности образования временных нервных связей у человека существенно изменяются: при выработке новых связей может не наблюдаться стадия генерализации, приобретая сразу специализированный характер. Существенно меняется роль подкрепления как в процессе выработки связей, так и при их сохранении и т. д.

Надо отметить, что относительно природы и содержания второй сигнальной системы имеются расхождения во мнениях, а сами такие рассуждения носят гипотетичный характер.

Одни исследователи ограничивают ее только речью в ее слышимом и видимом выражении, другие, как Л. А. Орбели (1949), включают в функции второй сигнальной системы и мышление, а также восприятие и переработку других, неречевых, видов знаков (музыкальных звуков, рисунков, выразительных движений) на том основании, что способность к символизации носит всеобщий характер и не связана со спецификой используемых средств.

Гипотетичность павловских представлений приводит к тому, что некоторые ученые предлагают вообще отказаться от понятий «первая сигнальная система» и «вторая сигнальная система».

Исследования обусловливания Павлова создали основу для понимания того, как животные и люди предвосхищают будущие события. Поскольку условные стимулы предшествуют биологически значимым событиям, они становятся сигналами для тех событий, к которым животное или человек может подготовиться и отреагировать соответственно их появлению. Аноклин (Anoklin, 1968) делает следующее замечание относительно упреждающего характера условных рефлексов: «Павлов очень высоко оценивал возможности

условной реакции действовать в качестве “сигнальной” реакции или, как он не раз называл ее, реакции “сигнального характера”. Это тот “сигнальный” характер, в котором заключается глубокое историческое значение условного рефлекса. Он позволяет животным адаптироваться к событиям, которые происходят не в данный конкретный момент, но которые произойдут в будущем».

Павлов говорил о стимулах, которые предшествуют биологически значимым событиям, как о **первой сигнальной системе**, или «первых сигналах действительности». Однако, кроме этого, люди используют речь, состоящую из *символов* реальности. Таким образом, мы можем также реагировать на слово «опасность», как реагировали бы на действительно опасную ситуацию. Павлов назвал слова, которые символизируют действительность, «сигналами сигналов», или **второй сигнальной системой**. Однажды установившись, эти символы могут быть организованы в сложную систему, которая во многом управляет поведением человека. [Хегенхан, Олсон, 2004, с. 177–178].

Между тем представление о двух сигнальных системах послужило Павлову основой для выделения «специальных» типов, свойственных только людям, ибо они отражают соотношения между первой (образной) и второй (речемыслительной) сигнальными системами. Он выделил три таких типа:

– *художественный* (у него особенно ярко выражена деятельность первой сигнальной системы);

– *мыслительный* (у него заметно преобладает деятельность второй сигнальной системы);

– *смешанный* (у него деятельность обеих систем выражена одинаково).

Художественный тип отличается выраженной склонностью к образно-эмоциональному мышлению. Это не значит, что у него вторая сигнальная система не развита (т. е. не получило развития словесно-логическое мышление). Это означает лишь то, что люди данного типа необычайно остро, ярко, полно, непосредственно воспринимают действительность, следовательно, у них хорошо выражена способность воспроизводить ее в художественных образах (что отличает многих артистов, художников, музыкантов).

Мыслительный тип характеризуется повышенной способностью и склонностью к словесно-логическому (абстрактному) мышлению. Но при этом вовсе не обязательно, что у него слабо развита первая сигнальная система. Просто абстрактное мышление преобладает над образным. Поэтому можно сказать, что это стиль не только восприятия действительности, но и стиль мышления: художественный тип предпочитает переводить воспринимаемое в образы реальной действительности, а мыслительный тип – в отвлеченные, абстрактные символы.

«Художников» отличает синтетическая стратегия приема и обработки информации, благодаря чему они схватывают действительность целиком, не расчленяя ее на части. «Мыслителей» же отличает преимущественно аналитическая стратегия восприятия и освоения действительности.

Такая характеристика «специальных» (частных) типов высшей нервной деятельности сложилась у И. П. Павлова на основе клинических наблюдений. Строгого обоснования и дальнейшего развития в его исследованиях она не получила.

Музыкальные произведения наших больших композиторов невозможно себе представить как простое проявление первой сигнальной системы. Разве мы не знаем, что комбинации звуков, которые предлагает музыкант своим слушателям, раскрывают смысловое содержание, что для этого используется огромный опыт человечества, приводящий к тому, что определенный

комплекс звуковых раздражений вызывает определенное эмоциональное состояние у человека?.. Музыкант, создавая свое произведение, выражает в нем известные мысли и чувства.

[Орбели, 1964, с. 246].

Говоря об ошибочности понимания учеными представлений Павлова о двух специально человеческих типах – с преобладанием первой или же второй сигнальной системы, Орбели писал: «...Использование второй сигнальной системы имеет одинаковое место и в научном, и в художественном творчестве, и, следовательно, вторая сигнальная система не характеризует научного творчества по сравнению с художественным, а характеризует более высокий уровень деятельности человека и может принимать различные формы и направления: в сторону искусства и науки, которые представляют собой два разветвления наивысших форм высшей нервной деятельности человека» [1964, с. 247]. Этим Орбели хотел подчеркнуть, что нельзя прямо соотносить художественный и мыслительный типы с профессиональной принадлежностью. В то же время он ранжировал их по уровню развития: один тип (первосигнальный) отнес к примитивному, а второй (второсигнальный) – к более высокому уровню развития высшей нервной деятельности.

Как бы то ни было, но факт доминирования одного из типов мышления и восприятия остается незыблемым, что подтверждено многими исследованиями во второй половине XX века [Брикс, 1961; Высотская, 1976; Игнатович, 1979; Кабардов, 1983; Печенков, 1997]. Установлено, что яркое эмоционально-образное восприятие и понимание художественных произведений характерны для людей художественного типа [Быстрова, 1968; Мерлин, 1958; Ягункова, 1966; Калининский, 1971].

3.3. Представления И. П. Павлова о произвольности движений

В течение XVII и XVIII вв. было затрачено немало усилий на то, чтобы преодолеть эту метафизическую дихотомию [т. е. деление движений на произвольные и произвольные. – *Е. И.*]. Так, например, Бургаве, которого Анохин называет первым, кто сломал «догматические границы между «произвольными» и «непроизвольными нервными актами» (1945, с. 40), попытался преодолеть это противопоставление посредством введения генетического аспекта. Он впервые указал на то, что двигательный акт требует вначале максимума внимания и «произвольности», но в дальнейшем совершается автоматически, без всякого участия сознания. Уитт (Whitt, 1763) в свою очередь старался смягчить указанную противоположность, вводя наряду с понятиями «произвольных» (voluntary) и «непроизвольных» (involuntary) движений еще понятия «смешанных» (mix) движений, которые относятся в принципе к компетенции воли, но, тем не менее, протекают в обычных условиях без ее участия.

[Толлингерова, 1961, с. 237].

И. П. Павлов (1951), верный своему принципу изучения поведения и своей терминологии, считал произвольные движения по механизму их вызова (инициации) условно-рефлекторными, подчиняющимися всем законам высшей нервной деятельности. Однако в схеме произвольных движений животных, которая предложена И. П. Павловым, произвольные движения являются обратной реакцией со стороны животного при возбуждении системы пищевой центр – двигательный центр. Сначала по условиям эксперимента движение вызывало возбуждение пищевого центра и слюноотделение, а затем, при упрочении связи между центрами,

возбуждение пищевого центра стало вызывать возбуждение двигательного центра и движения лапой.

И. П. Павлов исходил из того, что «раздражению определенных кинестезических клеток в коре отвечает определенное движение, как и обратно: пассивное воспроизведение определенного движения посылает в свою очередь импульсы в кинестезические клетки коры, раздражение которых активно воспроизводит это движение. Доказывается это так. Первая половина приведенного положения есть давний постоянный физиологический факт, когда при раздражении слабым электрическим током, или механически, либо химически, определенных пунктов поверхности двигательной области коры больших полушарий получаются строго определенные скелетные движения. Факт второй половины положения обнаруживается в обыкновеннейшем случае дрессировки домашних животных, например собаки. Собаке поднимают лапу, при этом говорят “дай лапу” или просто “лапу” и затем дают кусок еды. После немногих повторений этой процедуры собака сама подает лапу при этих словах; или же подает лапу и без слов, когда имеет аппетит, т. е. находится в пищевом возбуждении» [1951, с. 444].

И. П. Павлов пишет: «Ясно... что кинестезическая клетка, раздражаемая определенным пассивным движением, производит то же движение, когда раздражается не с периферии, а центрально...» [1951, с. 446]. Известно, что двигательная зона коры включает в себя две центральные извилины – переднюю и заднюю. Нервные клетки передней центральной извилины запускают движение, а нервные клетки задней центральной извилины анализируют проприорецептивные сигналы, приходящие с мышц. Для Павлова вопрос, каким образом раздражение кинестетических клеток вызывает движение, оставался не ясным. Так, он писал: «В этом физиологическом представлении о произвольных движениях остается нерешенным один вопрос о связи в коре кинестезических клеток с соответствующими двигательными клетками, от которых начинаются пирамидальные эфферентные пути. Есть ли эта связь прирожденная или она приобретается, вырабатывается в течение внеутробного существования? Вероятнее второе» [1951, с. 446].

Это сомнение, однако, не помешало ему сделать заключение, что «...кинестезические клетки коры могут быть связаны, и действительно, связываются, со всеми клетками коры, представительницами как всех внешних влияний, так и всевозможных внутренних процессов организма. Это и есть физиологическое основание для так называемой произвольности движений, т. е. обусловленностью их суммарной деятельностью коры» [1951, с. 446]. С этой точки зрения возбуждение любого анализатора, имеющего временную связь с двигательной зоной коры, вызовет спонтанное движение животного.

Именно такие *спонтанные* условнорефлекторные движения лап собаки И. П. Павлов принимал за произвольные (спонтанное слюноотделение у одной из подопытных собак Павлов тоже называл произвольным [1951, с. 220], из чего можно заключить, что произвольное и спонтанное для него были синонимичными словами).

Но если в случае образования пищевого рефлекса появление слюноотделения в ответ на движение лапой имеет целесообразность (движение лапой является сигналом о скором появлении пищи, в результате чего появляется подготовленность к ее принятию – слюноотделение), то увидеть целесообразность движений лапой после возбуждения пищевого центра трудно. Движения животного в экспериментах Н. И. Красногорского, на которые ссылается И. П. Павлов, спонтанны и ни на что не направлены. Они лишены биологического смысла. А с точки зрения Н. А. Рожанского (1957), произвольные движения должны обладать этим смыслом, биологической направленностью.

Сказанное можно отнести и к эксперименту Г. И. Широковой (1956), которая случайные, спонтанные движения собаки между условными сигналами превращала в закономерные (но ни на что не направленные) и на основании этого называла их произвольными. *Но спонтанность – это не произвольность, не преднамеренность и не сознательность акта.*

Можно, конечно, считать, что эта связь пищевого и двигательного центров является прообразом того, что в естественных условиях животное при возбуждении пищевого центра вследствие голода будет осуществлять двигательную поисковую активность. Однако между такой активностью и спонтанным движением лапой дистанция большая. Вероятно, не случайно сам И. П. Павлов говорил о *«так называемых произвольных движениях»*.

Животное управляется своими органами, человек управляет своими органами и господствует над ними.
(И. Гете).

В то же время эксперименты павловской физиологической школы показали, что «кинестетические клетки коры могут быть связаны (и действительно связаны) со всеми клетками коры, представительницами как всех внешних влияний, так и всевозможных внутренних процессов организма. Это и есть, – считал И. П. Павлов, – физиологическое основание для так называемых произвольных движений, т. е. обусловленность их суммарной деятельностью коры» (1951, с. 446). Данное положение действительно нашло подтверждение в отношении произвольных движений человека. Они представляют собою сложно афферентированные движения, связанные с сигналами, идущими от различных анализаторов, среди которых базовым является кинестетический анализатор. Кинестетические клетки коры, как и предполагал И. П. Павлов, образуют условную связь с двигательными клетками коры, от которых начинаются пирамидальные эфферентные пути, и таким образом обеспечивают системную регуляцию мозгом произвольных движений.

Несмотря на эти важные положения, в целом работы школы И. П. Павлова, проведенные на животных, не затрагивали существа произвольности и волевого регулирования поведения, тем более что у человека управление своим поведением намного сложнее и касается не только произвольных движений, но и познавательных процессов – внимания, восприятия, памяти, мышления, воображения.

Что касается так называемых *произвольных, волевых движений*, то и здесь есть у нас некоторый материал. Мы, в согласии с некоторыми ранними исследователями, показали, что двигательная область коры есть прежде всего рецепторная, такая же, как и остальные области: зрительная, слуховая и другие, так как из пассивных движений животного, т. е. из кинестезических раздражений этой области, мы могли сделать такие же условные раздражители, как и из всех внешних раздражений. Затем обыденный факт, воспроизведенный нами и в лаборатории, – это образование временной связи из всяких внешних раздражений с пассивными движениями и получение таким образом на известные сигналы определенных активных движений животного. Но остается совершенно не выясненным, каким образом кинестезическое раздражение связано с соответствующим ему двигательным актом: безусловно или условно? Вне этого конечного пункта весь *механизм волевого движения есть условный, ассоциативный процесс*, подчиняющийся всем описанным законам высшей нервной деятельности.

[Павлов, 1951, с. 390].

Очевидно, что регуляция поведения животных, не говоря уже о человеке, даже на непроизвольном уровне является гораздо более сложной, чем полагал И. П. Павлов (см. представления Н. А. Бернштейна и П. К. Анохина о механизмах управления поведением). Что же тогда говорить о произвольном поведении!

Павлов отрицал наличие в коре головного мозга ассоциативных зон. Так, он писал: «Наши факты решительно противоречат учению об отдельных ассоциативных центрах и вообще о каком-то особом отделе полушарий с верховной нервной функцией» (Полн. собр.

трудов. Т. IV. С. 310). В настоящее время доказано, что сознательность и преднамеренность действий связана с аналитической и синтетической работой *ассоциативных лобных отделов* больших полушарий по созданию программы двигательного действия, т. е. его обдумыванием и представлением.

О наличии продумывания при осуществлении движений пишет и сам И. П. Павлов: «Давно было замечено и научно доказано, что, раз вы *думаете* (выделено мною. – Е. И.) об определенном движении (т. е. имеете кинестезическое представление), вы его невольно, этого не замечая, производите» (там же, с. 446). Говоря об этом, И. П. Павлов имеет в виду так называемые *идеомоторные акты*, когда при мысленном представлении человеком движения изменяется тонус мышц в соответствии с программой представляемого движения. Отсюда известный фокус с вращением шарика на длинной веревочке в ту или другую сторону, когда человек держит его на вытянутой вперед руке и мысленно представляет себе это вращение. Распределение тонуса мышц в соответствии с программой двигательного действия происходит непроизвольно. Объяснение этому – наличие условнорефлекторной связи между зрительным и кинестезическим представлением движения, с одной стороны, и двигательными центрами – с другой стороны. Но ведь идеомоторный акт начинается с *произвольного* представления человека о том или ином действии, т. е. с психического акта! Так что здесь *условнорефлекторный механизм участвует в произвольном акте, но не подменяет его целиком*.

Участие условнорефлекторного механизма в произвольном поведении человека хорошо видно на примере *динамического стереотипа*, о котором говорил И. П. Павлов. Суть его в том, что последовательная выработка условных рефлексов на разные индифферентные прежде раздражители приводит к формированию условнорефлекторной цепочки ответных реакций, запуск которой начинается лишь с использованием первого условного раздражителя, а остальные условные сигналы становятся уже ненужными, так как сигналом для следующей условнорефлекторной реакции является окончание предыдущей. Этот механизм срабатывает и у человека, когда он формирует относительную сложную череду действий (например, при попадании к себе в квартиру: думая о чем-то другом, мы как бы механически, не задумываясь, достаем ключ из кармана, открываем им дверь, входя в коридор, протягиваем руку к выключателю и т. д.). Правда, здесь не исключена и пусковая роль получаемых через зрительный канал сенсорных сигналов о том, в каком месте мы находимся.

Игнорируя психику, бихевиористский подход нанес существенный урон и психологии, и физиологии. Важные открытия, сделанные в психофизиологии И. П. Павловым, остались незамеченными им, так как он сознательно отказывался принимать в расчет психику. Суть этих открытий заключается в экспериментальном доказательстве прямой связи психического образа, возникающего у животного при изменении внешней реальности, с физиологическим ответом его организма в форме двигательных и вегетативных реакций... В первую очередь в том, что психическое явление, актуализируясь в сознании, способно самим фактом своего появления вызвать физиологический ответ, в том числе ответное действие животного. Этот принципиально важный факт давно вроде бы был очевиден, но, тем не менее, впервые был столь отчетливо зафиксирован. Остался без внимания и факт образования связи между определенным чувственным образом и конкретным физиологическим ответом, а также возможность распространения этой связи на чувственные образы других объектов, которые в свою очередь связаны во внешней реальности с первым объектом.

[Поляков, 2004, с. 290].

Да и произвольные акты ходьбы, письма, чтения во многом базируются на использовании условнорефлекторного механизма динамического стереотипа.

Правда, позволяя с большой легкостью реагировать на предсказуемые стимулы, динамический стереотип создает трудности при приспособлении к новой среде.

Таким образом, *произвольность не исключает использования произвольных механизмов управления, которые встраиваются в произвольные (психические) механизмы управления действиями*. Однако в целом наши действия являются произвольными, т. е. преднамеренными и сознательно контролируруемыми, не сводимыми к классическим условным рефлексам, как это понимал Павлов.

3.4. Попытки И. П. Павлова отождествить с рефлексом социальное поведение

Узкие рамки выбранного Павловым метода изучения условных рефлексов не позволяли ему объективно изучать многие поведенческие реакции животных и человека. Поэтому Павлов вынужден был высказывать предположения о таких поведенческих рефлексивных реакциях как о «рефлексе свободы», «рефлексе рабства», «рефлексе цели» и «рефлексе осторожности», используя при этом психологические и социальные понятия.

Рефлекс цели. «Анализ деятельности животных и людей приводит меня к заключению, что между рефлексом должен быть установлен особый рефлекс, рефлекс цели – стремление к обладанию определенным раздражающим предметом, понимая и обладание, и предмет в широком смысле слова» [1951, с. 197].

В качестве такого рефлекса Павлов приводит примеры из жизни человека. Он пишет, что человеческая жизнь состоит в преследовании всевозможных целей, причем обращает на себя внимание то, что не существует никакого постоянного соотношения между затрачиваемой энергией и важностью цели: сплошь и рядом на совершенно пустые цели тратится огромная энергия, и наоборот. Поэтому Павлов приходит к выводу, «что надо отделять самый акт стремления от смысла и ценности цели и что сущность дела заключается в самом стремлении, а цель – дело второстепенное» [1951, с. 197]. Из всех форм рефлекса цели Павлов как наиболее типичную и удобную для рассмотрения выделил коллекционерскую страсть. Генезис этого рефлекса-влечения Павлов видит в пищевом и ориентировочном рефлексивных реакциях и проистекающим из них стремлении прикоснуться, взять, ощупать предмет, изучить его соответствующими органами чувств, положить в рот даже несъедобные предметы, если имеется сильный аппетит. «До чего сильно и непосредственно наше стремление прикоснуться к интересующему нас предмету, явствует хотя бы из тех барьеров, просьб и запрещений, к которым приходится прибегать, охраняя выставляемые на внимание даже культурной публики предметы. В результате ежедневной и неустанной работы этих хватательных рефлексивных реакций и многих других подобных должен был образоваться и закрепиться наследственностью, так сказать, общий, обобщенный хватательный рефлекс в отношении всякого предмета, раз остановившего на себе положительное внимание человека, – предмета, ставшего временным раздражителем человека» [1951, с. 199].

Характерной особенностью этого рефлекса является, по мнению Павлова, его периодичность возникновения, наподобие того, как периодически возникает потребность в пище. Периодичность этого рефлекса Павлов видит в том, что большие непрерывные задачи и цели, как умственные, так и физические, все люди обыкновенно дробят на части, уроки, и это способствует сохранению энергии, облегчает окончательное достижение цели. Нетрудно заметить, что приведенный Павловым пример не имеет никакого отношения к периодичности возникновения потребностей и влечений.

С точки зрения Павлова, рефлекс цели имеет огромное жизненное значение, так как он есть основная форма жизненной энергии человека. «Жизнь только того красна и сильна,

кто всю жизнь стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели, или с одинаковым пылом переходит от одной цели к другой. Вся жизнь, все ее улучшения, вся ее культура делается рефлексом цели, делается только людьми, стремящимися к той или другой поставленной ими себе в жизни цели» [1951, с. 199].

Нельзя не заметить противоречия в заявлениях Павлова относительно этого рефлекса. Так, он пишет, что жизнь перестает привязываться к себе, как только она становится бесцельной. «Разве мы не читаем весьма часто в записках, оставляемых самоубийцами, что они прекращают жизнь потому, что она бесцельна. Конечно, цели человеческой жизни безграничны и неистощимы. Трагедия самоубийцы в том, что у него происходит чаще всего мимолетное, и только гораздо реже продолжительное, задерживание, торможение, как мы, физиологи, выражаемся, рефлекса цели. Рефлекс цели не есть нечто неподвижное, но, как и все в организме, колеблется и изменяется, смотря по условиям, то в сторону усиления и развития, то в сторону ослабления и почти совершенного искоренения» [1951, с. 200]. Но если рефлекс цели врожденный («закрепленный наследственностью»), то как он может исчезнуть? Примеры с коллекционированием, с несвоевременным кормлением ребенка и самоубийцами убеждает, что речь идет не о рефлексе цели как таковом, а о возникающих и исчезающих потребностях.

...Для полного, правильного, плодотворного проявления рефлекса цели требуется известное его напряжение. Англосакс, высшее воплощение этого рефлекса, хорошо знает это, и вот почему на вопрос: какое главное условие достижения цели? – он отвечает неожиданным, невероятным для русского глаза и уха образом: существование препятствий. Он как бы говорит: «пусть напрягается, в ответ на препятствия, мой рефлекс цели – и тогда-то я и достигну цели, как бы она ни была трудна для достижения». Интересно, что в ответе совсем игнорируется невозможность достижения цели. Как это далеко от нас, у которых «обстоятельства» все объясняют, все оправдывают, все примиряют! До какой степени у нас отсутствуют практические сведения относительно такого важнейшего фактора жизни, как рефлекс цели... Когда отрицательные черты русского характера: леность, не предприимчивость, равнодушное или даже неряшливое отношение ко всякой жизненной работе, навевают мрачное настроение, я говорю себе: нет, это не коренные наши черты, это – дрянной нанос, это проклятое наследие крепостного права. Оно сделало из барина тунеядца, освободив его, в счет чужого дарового труда, от практики естественных в нормальной жизни стремлений обеспечить насущный хлеб для себя и дорогих ему, завоевать свою жизненную позицию, оставив его рефлекс цели без работы на основных линиях жизни. Оно сделало из крепостного совершенно пассивное существо, без всякой жизненной перспективы, раз на пути его самых естественных стремлений вставало непреодолимое препятствие в виде всемогущих произвола и каприза барина и барыни. И мечтается мне дальше. Испорченный аппетит, подорванное питание можно поправить, восстановить тщательным уходом, специальной гигиеной. То же может и должно произойти с загнанным исторически на русской почве рефлексом цели. Если каждый из нас будет лелеять этот рефлекс в себе как драгоценнейшую часть своего существа, если родители и все учительство всех рангов сделает своей главной задачей укрепление и развитие этого рефлекса в опекаемой массе, если наша общественность и государственность откроют широкие возможности для практики этого рефлекса, то мы сделаемся тем,

чем мы должны и можем быть, судя по многим эпизодам нашей исторической жизни и по некоторым взмахам нашей творческой силы.

[Павлов, 1951, с. 200–201].

Выдвижение Павловым представления о рефлексе цели М. Г. Ярошевский считает большой заслугой великого физиолога. Вот что он пишет по этому поводу: «В качестве рефлекса цели Павлов приводил пример с коллекционированием, которое в границах биологического детерминизма не могло быть объяснено. И мысль Павлова прорывает эти границы, проложенные понятиями об “уравновешивании со средой”, гомеостазе, адаптации... В качестве синонима акта стремления Павлов употребляет такие понятия, как затрачиваемая энергия, влечение, страсть. Все они входят в категорию мотивации. И хотя вновь введенный рефлекс назван рефлексом цели, его категориальный смысл в контексте павловского анализа однозначен. Под этим рефлексом неизменно подразумевается мотивационная энергия как особая, присущая организму величина, движущая сила его поведения, источник его активности... Вводя понятие о рефлексе цели, Павлов указывал на важность энергетического потенциала этой системы. Означало ли это, что он, отступая от аксиом рефлексорного учения, сбрасывал со счета внешние детерминанты? Ведь он решительно утверждал: “...не существует никакого постоянного соотношения между затрачиваемой энергией и важностью цели: сплошь и рядом на совершенно пустые цели тратится огромная энергия, и наоборот”.

Для биологического мира подобное соотношение между энергией и целью невозможно. Живые существа, тратящие огромную энергию на пустые цели, были бы истреблены естественным отбором. Иную ситуацию мы наблюдаем в обществе, а именно его в первую очередь имел в виду Павлов. Все приводимые им примеры относились к людям (самоубийцы, скупцы и т. п.), равно как и примеры “коллекционерства”; коллекционируют все: “удобства жизни (практики), хорошие законы (государственные люди), познания (образованные люди), научные открытия (ученые люди), добродетели (высокие люди) и т. д.”.

Распространяется ли, однако, на их поведение принцип детерминизма? Считать, что детерминация действий человека исчерпывается теми мотивационными факторами, благодаря которым образуются условные рефлексы у животных, значило бы отказать ему в активно-личностном начале. Для Павлова такое решение неприемлемо. Он выступает против того, чтобы ссылаться на “обстоятельства”, которые “все извиняют, все оправдывают, со всем примиряют”. Такая аргументация, подчеркивал он, присуща русскому человеку в условиях, когда у него рефлекс цели оказался “загнанным исторически» [1996, с. 17–19].

По мнению М. Г. Ярошевского, в научном плане выделение Павловым рефлекса цели означало включение в детерминистскую схему анализа поведения принципа мотивационной активности. Только через полвека в американской психологии упрочилось понятие о «мотиве достижения» Д. Макклелланда, которое по своим признакам, считает Ярошевский, идентично павловскому рефлексу цели. Вряд ли это так.

Рефлекс свободы. Проводя эксперименты на собаках, И. П. Павлов заметил, что одна собака не выносила привязи, ограничение свободы передвижения. Он рассматривал это как резко выраженное проявление рефлекса свободы, который, по мнению ученого, является общим свойством, одним из важнейших прирожденных рефлексов. Не будь его, всякое малейшее препятствие, писал Павлов, совершенно прерывало бы течение жизни животного. Замечу, что стремление к преодолению препятствий Павлов использовал и при обосновании рефлекса цели. Где же истина?

«Очевидно, что вместе с рефлексом свободы существует также прирожденный рефлекс рабской покорности. Хорошо известный факт, что щенки и маленькие собачки часто падают перед большими собаками на спину. Это есть отдача себя на волю сильнейшего, аналог человеческого бросания на колени и падения ниц – рефлекс рабства, конечно, имеющий определенное жизненное оправдание. Нарочитая пассивная поза слабейшего, естественно, ведет к

падению агрессивной реакции сильнейшего, тогда как, хотя бы и бессильное, сопротивление слабейшего только усиливает разрушительное возбуждение сильнейшего.

Как часто и многообразно рефлекс рабства проявляется на русской почве, и как полезно осознавать это! Приведем один литературный пример. В маленьком рассказе Куприна “Река жизни” описывается самоубийство студента, которого заела совесть из-за предательства товарищей в охранке. Из письма самоубийцы ясно, что студент сделался жертвой рефлекса рабства, унаследованного от матери-приживалки. Понимай он это хорошо, он, во-первых, справедливее бы судил себя, а во-вторых, мог бы систематическими мерами развить в себе успешное задержание, подавление этого рефлекса» [1951, с. 222].

Представления Павлова об этих рефлексах подверглись критике еще при его жизни, когда учение об условных рефлексах и высшей нервной деятельности не превратилось еще в культовое. Их абсолютная недоказанность отмечалась В. М. Бехтеревым, который, например, писал: «“Рефлекс рабства” или “раболепия”, который у собаки выражается приниженной позой и повертыванием туловища на землю, что у человека аналогизируется будто бы коленопреклоненному положению, опять же, по И. Павлову, является актом прирожденным как у собаки, так и у человека. Но и в этом случае по отношению к человеку не приводится соответствующих доказательств, а упоминается лишь о случае из рассказа Куприна, когда студент, имевший дело с охранкой, происходя от матери-приживалки, кончил самоубийством. Здесь предательство товарищей в охранке является будто бы выражением прирожденного рефлекса рабства, унаследованного от матери» [1928, с. 153].

В. М. Бехтерев критикует Павлова за его представления и о врожденном «рефлексе цели», с которым связана коллекционерская страсть не только у человека, но и у животных. «Свести к столь простой схеме сложнейший биологический акт, да еще подкрепить его рассуждениями на тему, почему именно мы, русские, под влиянием векового рабства потеряли свою волевую активность в противовес англосаксам, давно уже свободно развивавшим свой “рефлекс цели”, значит ли это разрешить задачу в смысле объяснения данного биологического явления? Вряд ли нужно доказывать, что дело от этого мало выигрывает; но вместе с этим дается оружие для противников объективного метода в применении к исследованию человеческой личности» [1928, с. 142–143]. В дальнейшем Бехтерев пишет: «Перечитывая работу проф. Павлова, нетрудно убедиться, что данных, приводимых им в пользу существования у собак прирожденного “рефлекса свободы” и “рефлекса рабства”, безусловно недостаточно, – тем более нет основания переносить эти выводы на человека, у которого, по заявлению автора, будто бы также существует прирожденный “рефлекс свободы”» [1928, с. 153].

И. П. Павлов принципиально в теории был верен, и хотел быть верен до конца, картезианскому знамени и тогда, когда предавался исключительному по мастерству изучению одного рефлекторного механизма за другим в пищеварительном тракте, и тогда, когда заговорил потом уже явно не картезианскими терминами, например, в 1916 г. в докладе о «рефлексе цели», или когда в 1917 г. выступил с речью о «рефлексе свободы».
[Ухтомский, 1954б, с. 165].

Л. С. Выготский писал: «...свидетельством в непонимании изучаемых явлений легко может представиться рефлекс цели или рефлекс свободы. Что это не рефлекс в обычном смысле – в том смысле, как слюнный рефлекс, а какой-то отличный от него по структуре механизм поведения, ясно для всякого. И только при всеобщем приведении к одному знаменателю можно обо всем говорить одинаково: это рефлекс... Самое слово “рефлекс” обесмысливается при этом...» [1982, т. 1, с. 81].

Представления Павлова о «рефлексе цели» критиковал и В. Кравков (1917).

В 1910 г. Йеркс обратил внимание на то, что большинство биологов давали низкую оценку психологии или проявляли в ней полное невежество, считая, что эта наука в скором времени исчезнет, влившись в биологию. Йеркс пришел к выводу, что «немногие науки находятся в худшем положении, чем психология», и связал это с недостатком уверенности в себе, отсутствием общепринятых принципов, плохой подготовкой психологов в области физики и провалом преподавания психологии в форме естественной науки. Обзор Йеркса вызвал острую дискуссию и явно встревожил психологов, которые долго и упорно работали над тем, чтобы сделать психологию признанной научной специальностью.

[Лихи, 2003, с. 253].

3.5. И. М. Сеченов и И. П. Павлов

Известно, что И. П. Павлов с энтузиазмом воспринял идеи И. М. Сеченова, изложенные им в «Рефлексах головного мозга». В наше время Павлов считается последователем Сеченова, и это действительно так. Но при этом мало или почти совсем не говорится о том, что было утрачено Павловым, по сравнению с теми представлениями, которые были у Сеченова. И это понятно, потому что такое сопоставление взглядов Сеченова и Павлова оказывается не в пользу последнего.

Мы все хорошо знаем, как было воспринято наследие И. М. Сеченова И. П. Павловым и его многочисленными учениками. Павловская школа во многом как бы опосредует связь времен – отношения, существующие между ними, прозрениями, мечтаниями Сеченова, с одной стороны, и физиологическими концепциями современности – с другой. Влияние идей Сеченова доходит до нас, как бы преломляясь сквозь призму павловских представлений, теоретических и методических установок и традиций. Поэтому во многих случаях, говоря об истоках, мы имеем дело фактически со сложнейшим переплетением идей, в котором выделить то, что связано непосредственно с Сеченовым, не так просто, да и вряд так уж всегда необходимо. Идеи Сеченова и Павлова переплелись так тесно, что образовалось единство физиологических представлений, единая, если можно так выразиться, философия физиологии.

[Шмидт, Бассин, 1980, с. 321].

Если Иван Михайлович говорил о психике животных и необходимости ее изучения, чтобы выяснить генезис происхождения психической деятельности у человека, то Иван Петрович начисто отрицал зоопсихологию как науку. Сеченов рассматривал волю как один из механизмов управления поведением человека, Павлов же вообще не касался этого вопроса. И. П. Павлов преобразовал в теоретическом плане выученные (произвольные), по Сеченову, поведенческие реакции в условные рефлексы, однако при этом выбросил психическую «середи́ну» рефлекса, о которой так много рассуждал Сеченов, заменив ее понятием «временной связи». Правда, Павлов писал, что «временная связь есть универсальнейшее физиологическое явление в животном мире и в нас самих. А вместе с тем оно же и психическое» [1951, с. 325]. Однако в тех временных связях, которые Павлов изучал у собак, психическое свелось только к восприятию условного сигнала. Поэтому нельзя согласиться с делаемым из этого высказывания Павлова утверждением, что «таким образом, ответ Павлова на вопрос о природе условного рефлекса достаточно точен: условный рефлекс является в такой же степени физиологическим актом, как и психическим» [Ярошевский, 1958, с. 19].

Методологическая общность их [Сеченова и Павлова. – *Е. И.*] учений состояла в том, что центральным понятием для них явилось понятие рефлекса головного мозга – у Сеченова – или условного рефлекса – у Павлова, как явления одновременно и физиологического, и психического. Павловская физиология по своему замыслу никак не была физиологией, обособленной от психологии (имеется в виду материалистическая психология). Свою первоначальную задачу Павлов определил как попытку «найти такое элементарное психическое явление, которое... могло бы считаться вместе с тем и **чисто** [выделено мною. – *Е. И.*] физиологическим явлением...» (Полное собр. соч. М.: Наука, 1951. Т. 3, кн. 2. С. 322). Выбор условного рефлекса в качестве объекта исследования решал эту задачу. Этот исходный объект стал у Павлова предметом физиологического анализа, хотя он заключал в себе психические компоненты. При принципиальной общности установок Сеченова и Павлова по вопросу о рефлекторной деятельности мозга как деятельности психической и физиологической павловское учение своим предметом имело физиологию головного мозга. Психологического анализа рефлекторной деятельности Павлов касался лишь в той мере, в какой это было нужно для его суждений о физиологии мозга. Союз физиологии с психологией он считал необходимым в интересах не только психологии, но и самой физиологии высшей нервной деятельности, однако сам строго держался границ физиологического исследования и много раз подчеркивал, что остается на точке зрения физиолога.

[Будилова, 1980, с. 450].

Следует также иметь в виду, что понятие «временная связь» не синонимично понятию «условный рефлекс», это только середина рефлекса¹⁷.

Таким образом, следует признать, что у Сеченова был скорее психофизиологический подход к рассмотрению поведения человека и животных, у Павлова – только физиологический, несмотря на желание некоторых современных психологов (см., например, врезки с выдержками из работ Е. А. Будиловой и М. Г. Ярошевского) убедить научное сообщество в том, что этот подход одновременно является и психологическим.

Оценка всех высказываний И. П. Павлова, вне зависимости от того, правильны ли они или нет, как диалектико-материалистических побудила некоторых психологов принять не только павловское учение о высшей нервной деятельности, создавшее прочный естественнонаучный фундамент для перестройки психологии на научных началах, но и павловское представление о предмете психологии.

Это представление принимает, в частности, Е. И. Бойко, по мнению которого позиция, занятая Павловым в вопросе о соотношении физиологии и психологии, по сравнению с позицией Сеченова, «оказалась более осторожной и дальновидной». На наш взгляд, более дальновидной в понимании предмета психологии оказалась именно позиция Сеченова. Бойко видит преимущество Павлова в том, что он считал психологию и физиологию, хотя и смежными, но различными науками. Мнение, будто Сеченов придерживался другой точки зрения, основано на недоразумении. Сеченов действительно ратовал за передачу всего дела психологии в руки физиологов, но смысл его предложения

¹⁷ Введенное Павловым понятие «временная связь» не очень точно отражает суть явления, ведь образующиеся связи между нервными центрами могут оставаться на всю жизнь, т. е. не являются временными. Поэтому точнее все-таки было бы говорить об ассоциативных связях.

состоял вовсе не в том, чтобы отвергнуть психологию как науку, имеющую право на самостоятельное существование (так, кстати, стремились представить сеченовскую программу ее противники из идеалистического лагеря). В годы, когда Сеченов искал ответ на вопрос о том, кому и как разрабатывать психологию, эта наука в качестве самостоятельной отрасли знания делала первые робкие шаги, и психологов по профессии еще не существовало. Кавелин предложил черпать кадры психологов из числа «гуманитаров», т. е. представителей общественных наук, в которых тогда господствовал идеализм, Сеченов – из числа физиологов, т. е. исследователей, придерживающихся стихийно-материалистической, естественнонаучной методологии.

При этом психологию Сеченов считал не придатком к физиологии, а ее «родной сестрой». Стало быть, в данном пункте нет никаких расхождений между сеченовским подходом и павловским... Психология, по Сеченову, должна быть передана физиологам, поскольку они вооружены рефлекторным принципом – мощным орудием анализа не только физиологических, но и психологических факторов. Специфика последних не исчезает при применении к ним этого орудия, но, напротив, впервые обнаруживается в ее подлинной реальности, ибо психическое рефлекторно по своей природе...

[Ярошевский, 1958, с. 75].

Глава 4. Стремление психологов конца XIX – начала XX века к объективному изучению поведения

Ратуя за объективное, т. е. с помощью эксперимента, изучение психических явлений и поведения, Павлов в то же время не замечает развивающееся полным ходом на Западе и в России эмпирическое (экспериментальное) направление в психологии, которое тоже противоставляло себя интроспективной психологии.

...Резко отрицательное отношение Павлова к психологии как науке, особенно к так называемой зоопсихологии, сохранилось без существенных перемен надолго, хотя в психологии происходили значительные перемены... Еще в 90-х годах XIX в. в сравнительной психологии наряду с традиционной в те времена ненаучной и бесплодной интроспективной зоопсихологией появилось и довольно быстро выросло материалистическое в основном течение, стремившееся исследовать поведение животных возможно более объективными приемами и интерпретировать полученные факты в строго научном плане, в точных терминах и понятиях (Леббок, Торндайк, Лёб, Бер, Бете, Иксюль и др.)... Имеется достаточное основание считать, что в начальном периоде своих исследований по физиологии большого мозга Павлов даже не знал об этом течении в психологии. Узнав о нем позже, Павлов не преминул отдать его инициаторам дань уважения и оценить их работу по достоинству.

[Асратян, 1974, с. 182].

Никакая наука не водила человека больше за нос и не выдавала свои измышления за действительность, чем психология.
(Л. Фейербах).

4.1. От ментализма к функционализму

Внедрение в научную психологию физиологии, обладавшей объективными методами исследования, было неизбежным процессом. Уж очень много фантастического было в субъективной психологии, особенно в ее антропоморфическом направлении, даже в конце XIX – начале XX века. Как писал В. М. Бехтерев, «субъективизм, обращаясь к самопознаванию, находит в человеке те или другие наклонности и, не оценивая истинного их происхождения за отсутствием объективного анализа, приписывает им метафизическое и даже трансцендентное происхождение...» [1928, с. 15].

...Антропологическая точка зрения из философии проникла и в науку, благодаря чему даже некоторые из позднейших авторов (Геккель, Ле-Дантек, Петри и др.) находят психическое, следовательно сознательное, не только у животных, включая и низшие их типы, но и у растений и даже у всякой клетки (клеточное сознание), доводя свой анализ в этом отношении даже до атомов (так называемые атомные души). Даже и сложные проявления сознательной деятельности в форме патриотизма, сознания долга, чувства собственности, эстетики, любви и т. д. такие авторы, как Вундт, Эспинас и др., приписывают муравьям, пчелам, термитам, паукам и т. п. Таким образом, сознание как субъективное явление даже выдающимися научными деятелями распространяется на всю живую природу и даже на неодушевленный мир.

То же самое имеет место и по отношению к внутреннему миру младенца. Посмотрите, как субъективисты создают свои научные положения о развитии «я» ребенка... (У. Мак-Дауголл. Основные проблемы соц. психологии).

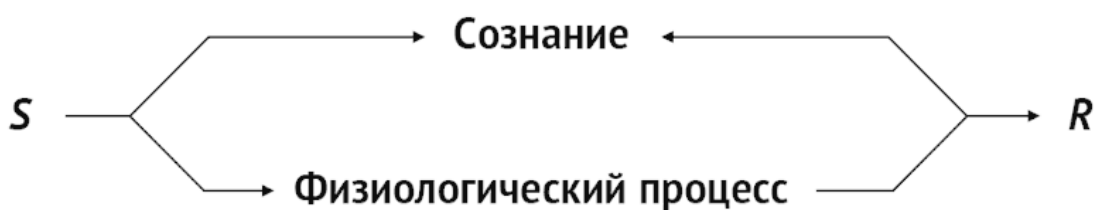
Вряд ли можно сомневаться, что здесь... творческая фантазия выдается за науку, ибо дело идет о первых часах и днях жизни ребенка, субъективный мир которого самонаблюдению, хотя бы и посредственному, не доступен и не подлежит. Такими и подобными фикциями полна субъективная психология, как и зоопсихология.

Особенно поучительные и удивительные в своем роде места в этом отношении можно найти между прочим в книге проф. И. Сикорского «Всеобщая психология» (Киев, 1901). Возьмем для примера описание душевных чувств быка (с. 333): «Каким бы банальным ни показалось наблюдателю это четвероногое животное, не лишен глубоко психологического интереса тот факт, что с этим животным впервые начинается в зоологическом ряду чувство *благоговения*... Чувство благоговения можно наблюдать у рогатого скота на бойне».

[Бехтерев, 1928, с. 10–12].

Развитие физиологами взглядов о рефлекторной работе мозга не могло не затронуть и психологию, тем более что к началу XX века в психологии стал намечаться переход от ментализма (понимания в качестве предмета психологии сознания) к бихевиоризму (принятие за предмет психологии поведения). Хьюго Мюнстерберг, ученик В. Вундта, на основании учения о рефлексе (мозг порождает поведение, просто-напросто связывая нервы, приносящие раздражители, с нервами, уносящими ответную реакцию), стал отрицать, вопреки взглядам своего учителя, роль сознания в управлении поведением. Сознание и связанное с ним понятие «воля», исходя из представления о поведении как «стимул – физиологический процесс – реакция», оказались ненужными. «Для сохранения индивида явно не имеет никакого значения, сопровождается ли целенаправленное движение содержанием сознания или нет», – писал Мюнстерберг [цит. по: Лихи, 2003, с. 228].

Он разработал моторную теорию сознания, которую можно продемонстрировать схемой:

Содержание сознания определяется внешними стимулами и нашим внешним поведением, а также периферическими изменениями в эффекторах (мышцах и железах), вызванных физиологическими процессами, связанных со стимулом и ответом.

По Мюнстербергу, сознание лишь наблюдает за миром и ответными действиями тела, ложно полагая, что оно связывает их, тогда как на самом деле это делает мозг. Моторная теория воли утверждает, что наше представление о том, что мы располагаем волей, существует только потому, что мы осознаем свое поведение. Мюнстерберг доказывал это следующим образом. Если я заявляю, что собираюсь встать со стула, это происходит не потому, что я решил встать, а потому, что моторные процессы подъема уже начались и поступили в сознание (сейчас бы мы сказали, что уже имеет место идеомоторный акт, связанный с изменением тонуса мышц).

Я думаю, что моя воля эффективна, так как за общими, зарождающимися тенденциями действовать (решение осуществить действие) следует реальное действие, и первое запускает воспоминание о втором. Поскольку скрытые тенденции обычно предшествуют поведению, я верю, что моя воля осуществляется.

Согласно этой концепции, психология должна быть физиологической, объясняя сознание в понятиях, лежащих в основе физиологических процессов, особенно на периферии.

Моторная теория сознания получила в 90-х годах XIX века широкое распространение и содействовала формированию функциональной (физиологической) психологии и подъему ее разновидности – бихевиоризму, главной особенностью которых было принижение роли или полный отказ от интроспекции как метода изучения психики. Так, Энджел писал в 1907 году: «Современные исследования... обходятся без обычной прямой формы интроспекции и касаются... определения того, какая работа совершается, и при каких условиях это достигается» [цит. по: Лихи, 2003, с. 325].

...Интересы экспериментальных психологов сместились с интроспективных сообщений о содержании сознания на объективное раскрытие корреляций между стимулом и реакцией. Экспериментальный метод Вундта имел два аспекта. Стандартизованный, контролируемый стимул предъявляли субъекту, который реагировал на него тем или иным способом, сообщая одновременно о своих переживаниях. Вундт, будучи менталистом, интересовался опытом, порождаемым определенными условиями, и использовал объективные результаты как ключ к процессам, продуцирующим содержание сознания. Но у американских психологов основное внимание сместилось с сознательного опыта на определение ответных реакций в условиях стимулирования.
[Лихи, 2003, с. 230–231].

В 1896 году американский психолог Джон Дьюи написал статью о рефлекторной дуге. Он подверг критике схему рефлекторной дуги (S-Идея-R), так как, по его мнению, она искусственно разрывала поведение на разобщенные части. При этом он не отрицал наличие стимула, идеи (ощущения) и ответной реакции, но отрицал, что они представляют собой три различных события, подобно трем бусинам на нитке. Дьюи рассматривал эти три составляющие как разделение труда в общем скоординированном акте, с помощью которого организм приспосабливается к окружающей среде. Он считал ощущение не пассивной регистрацией впечатления, а динамическим взаимодействием одного поведенческого акта с другими, происходящими в то же самое время. Стимул рассматривается Дьюи как ощущение и имеет значение только в том случае, если связан с нашим текущим поведением. Так, треск сучка для солдата имеет совершенно иное значение, чем для туриста, который вообще может не обратить на него внимания. Таким образом, восприятие стимула и ответная реакция на него (поведение) зависят от того, какое значение в общем поведенческом акте человек придает тому или иному стимулу. Представления Дьюи объясняли, почему человек реагирует на одни стимулы и не реагирует на другие или почему в одном случае он реагирует на тот или иной стимул, а в другом случае нет. Отсюда поведение человека становится не таким жестким, как в формуле S – R. Представления Дьюи давали возможность рассматривать восприятие и принятие решения как координированные, изменяющиеся, адаптивные поведенческие акты.

Функциональная психология вела к тесному союзу с биологией (физиологией), так как обе они занимаются изучением функционирования организма. Это подвигло на проведение исследований в отношении изучения механизмов поведения на животных, чтобы понять механизмы поведения человека.

4.2. Коннекционизм Э. Торндайка

Видным американским ученым, изучавшим поведение животных, был Эдвард Торндайк (1874–1949). Он отказался от метода сбора фактов о поведении животных на основании устных рассказов и метода предположений для интерпретации этих фактов, высказывая по поводу такой психологии животных презрительные замечания, а психологов, придерживавшихся такого метода изучения психики животных, называл «душевнобольными». Сам он решительно встал на путь экспериментирования, но при этом отказался от традиционного представления о рефлексе.

Свой подход к изучению поведения животных он назвал коннекционизмом (от англ. connection – связь). При этом Торндайк за исходный момент двигательного акта принимал не внешний импульс, а проблемную ситуацию, т. е. такие внешние условия, для приспособления к которым животное не имеет готовой формулы двигательного ответа, а вынуждено построить ее собственными усилиями.

Чтобы описать влияние, которое голод оказывает на поведение животных, Торндайк использовал понятие *импульса* (замененного впоследствии на понятие *драйв* (влечение)), а не мотива или желания, так как последние связаны с субъективным или сознательным миром. Он же хотел изучать поведение чисто объективным методом.

Связь между стимулом и реакцией в экспериментах Торндайка устанавливалась постепенно и автоматически по мере того, как животное сталкивалось с последствиями своих действий в процессе проб и ошибок. Например, он открывал дверь в клетку только тогда, когда котенок почесывался. После определенного количества повторений котенок начинал почесываться сразу после того, как попадал в клетку. По существу, Торндайк применил *метод оперантного обусловливания*, отличающийся от павловского метода классического обусловливания. Торндайк помещал животных в «проблемные ящики», освободиться из которых можно было разными способами. Если животное в результате пробных попыток выходило на свободу, оно получало *подкрепление успеха* – пищу. В результате правильные действия заучивались. Если же правильная ответная реакция не вознаграждалась, то она постепенно исчезала. Таким образом, для формирования того или иного поведения большую роль играют последствия действий.

Итогом его исследований явилась диссертация «Интеллект животных: экспериментальное исследование ассоциативных процессов у животных», опубликованная в 1898 году. В дальнейшем обобщение своих исследований было сделано Торндайком в книге «Интеллект животных», вышедшей в 1911 году.

...Я считаю, что в истории условных рефлексов первый шаг на пути объективного изучения поведения животных хронологически принадлежит Торндайку. Кстати, когда я принимался за свою работу, я об этом не знал совершенно.

[Павловские среды ..., 1949, т. II, с. 571].

В результате проведенных экспериментов Торндайк пришел к выводу об отсутствии у животных идей для ассоциаций, т. е. рассуждения, планирования и подражания. По мнению Торндайка, научение происходит не только у животных, но и у человека посредством проб и ошибок, вознаграждения и наказания. «Эти простые, полумеханические явления... которые обнаруживает научение животных, также являются фундаментальными для научения человека. Конечно же, они являются более сложными на более высоком этапе научения человека, например приобретение навыка игры на скрипке, знание вычислений или изобретательность в работе инженера. Но невозможно понять более тонкое и целенаправленное научение образованного человека без ясного представления о тех механизмах, которые делают научение воз-

можным в его первичной форме непосредственной связи некоторых явных телесных реакций и ситуаций, незамедлительно выражающейся в чувствах» [1911, с. 16].

При обсуждении этих фактов нам, возможно, придется избавиться от влияния такого общепринятого объяснения, как то, что это научение произошло в результате «размышления». Если бы мы использовали слово «размышление» в его буквальном психологическом значении как функцию вывода заключений посредством восприятия взаимосвязей, сравнения и построения гипотез и если бы мы рассмотрели задействованное психическое содержание как ощущение взаимосвязей, восприятие сходства, общие и абстрактные суждения и утверждения, то мы не нашли бы никаких доказательств существования способности к рассуждению у обезьян по отношению к механизмам, использованным в эксперименте. И этот факт аннулирует споры в отношении способности к рассуждению в случае обезьян так же, как это было в случае собак и кошек. Спор о том, что успешное обращение с механическими устройствами подразумевает, что животное путем размышления пришло к пониманию принципа работы устройства, прекращается, как только мы обнаруживаем, что простые выборки из их общего инстинктивного поведения являются достаточными для того, чтобы справиться с решетками, крючками, петлями и прочим. Существует также положительное доказательство отсутствия любой общей мыслительной функции.

[Торндайк, 1911, с. 184–186].

Торндайк считал, что использованный им объективный метод можно применять и по отношению к людям. Он предложил несколько законов, касающихся поведения¹⁸.

Первый – «закон эффекта»: те реакции, которые сопровождаются удовлетворением желания животного, или же те, вслед за которыми оно немедленно происходит, более прочно связываются с ситуацией, т. е. они будут повторяться с большей вероятностью. «Любой акт, вызывающий в данной ситуации удовлетворение, ассоциируется с ней, так что если она вновь появляется, то более вероятным, чем прежде, становится и появление этого акта. Напротив, любой акт, вызывающий в данной ситуации дискомфорт, отщепляется от нее, так что, когда она вновь возникает, появление этого акта становится менее вероятным» [Thorndike, 1905, р. 203]. Первоначально Торндайк полагал, что *наказание* уменьшает силу связи, однако затем он убрал из закона эффекта наказание, оставив только вознаграждение (подкрепление положительного эффекта). Этот закон послужил основой для методики формирования навыков (инструментальных условных рефлексов) у человека.

Второй закон – «закон упражнения»: «Любой ответ на ситуацию будет, при прочих равных условиях, сильнее связан с ситуацией, пропорционально тому, сколько раз ответ был связан с ней, а также средней силе и продолжительности связи» [Thorndike, 1905, р. 244]. Он писал, что для каждой связи S – R можно определить вероятность того, что за S последует R. Научение повышает вероятность S – R, забывание понижает ее.

Третий закон – «закон готовности»: упражнения изменяют готовность организма к проведению нервных импульсов.

Четвертый закон – «закон ассоциативного сдвига»: если при одновременном действии раздражителей один из них вызывает реакцию, то другие приобретают способность вызывать ту же самую реакцию.

---

¹⁸ Сам Торндайк не пользовался термином «поведение», предпочитая говорить об интеллекте и научении животных и человека.

Второй, третий и четвертый законы, отражающие связь эффекта научения с частотой, силой и сложностью внешних воздействий, отражали механистический детерминизм. Торндайк, введя принцип «проб и ошибок», соединил его с биологическим детерминизмом – зависимостью организма от внешней среды, а также с *биопсихическим*, нашедшим отражение в «законе эффекта». Из «закона эффекта» следовало, что не случайные «пробы и ошибки» сами по себе, а возникающие состояния удовлетворения или дискомфорта служат детерминантами научения.

Торндайк утверждал, что эти два закона могут описывать все поведение, независимо от уровня его сложности; можно свести процессы абстрагирования, ассоциации по сходству и избирательного мышления просто к вторичным последствиям законов эффекта и упражнения. Он полагал, что научение у людей происходит так же бессознательно, как и у животных, и сводил разум человека к автоматизму и привычке.

...Еще на заре развития идей бихевиоризма Э. Торндайк предупреждал против того, чтобы механически прибавлять речь к поведению животных для объяснения особенностей, присущих человеку. Человек, отмечал он в своей ранней монографии, так же мало является животным, к которому прибавлена речь, как слон – коровой, к которой прибавлен хобот. Впрочем, это не помешало Э. Торндайку настаивать на том, что человека характеризует только дальнейший рост тех же самых психических способностей, которые свойственны и животным, что развитие любого поведения состоит лишь «в количественном усложнении того же самого процесса связи между ситуацией и ответной реакцией, присущей всем позвоночным и даже низшим животным, начиная хотя бы с миног и кончая самым человеком» (Э. Торндайк, 1935, с. 138).

[Леонтьев, 1983, с. 98].

Метод изучения поведения животных, предложенный Торндайком, а вместе с методом и делаемые исследователем выводы подверглись критике со стороны не только советских физиологов и психологов, но и западных ученых. У. Миллз, один из известных зоопсихологов, писал, что Торндайк «помещает кошек в ящики размером 20×15×12 дюймов и ожидает от них естественных поступков. Это то же самое, что закрыть живого человека в гробу, опустить его, против его воли, в землю и пытаться делать выводы о нормальной психологии, основываясь на его поведении» [1899, с. 266]. Не менее известный ученый В. Келер утверждал, что животных заставляла прибегать к методу проб и ошибок сама конструкция проблемных ящиков Торндайка. Поскольку запертое животное не видело, как работает освобождающий механизм, оно просто не могло рассуждать о своем пути на свободу. Поставив животное в такие условия, Торндайк отбрасывал животных назад к примитивной стратегии решения задачи. Именно метод Торндайка позволял животным прибегать только к беспорядочным пробам и ошибкам, поэтому исследователь это и обнаружил. В. Келер отвергал утверждение Торндайка, что животные способны только на простую ассоциацию.

Характерно, что, занимаясь функционалистской психологией, без примеси какой-либо физиологии, Торндайк между тем использовал ту же методологию выработки инструментальных условных рефлексов, что и И. П. Павлов в своих экспериментах, а именно подкрепление ассоциации S – R.

Работы Торндайка объективно подготовили возникновение бихевиоризма, хотя сам Торндайк не считал себя бихевиористом.

То, что интеллект имеет ассоциативную природу, было известно со времен Гоббса. То, что интеллект обеспечивает успешное приспособление животного к среде, стало общепринятым после Спенсера. Но впервые именно

опытами Торндайка было показано, что природа интеллекта и его функция могут быть изучены и оценены без обращения к идеям или другим явлениям сознания. Ассоциация означала уже связь не между идеями или между идеями и движениями, как в предшествующих ассоциативных теориях, а между движениями и ситуациями.

Весь процесс научения описывался в объективных терминах. Торндайк (вслед за Ллойд-Морганом и Дженнингсом) использовал идею Бена о «пробах и ошибках» как регулирующем начале поведения. Выбор этого начала имел глубокие методологические основания. Он ознаменовал переориентацию психологической мысли на новый способ детерминистского объяснения своих объектов... Поскольку возможные способы реагирования на непрестанно меняющиеся условия внешней среды не могут быть заранее предусмотрены в структуре и способах поведения организма, согласование этого поведения со средой реализуется только на вероятностной основе.

...Принцип «проб, ошибок и случайного успеха» объясняет, согласно Торндайку, приобретение живыми существами новых форм поведения на всех уровнях развития. Преимущество этого принципа достаточно очевидно при его сопоставлении с традиционной (механической) рефлекторной схемой. Рефлекс (в досеченовском понимании) означал фиксированное действие, ход которого определяется так же строго фиксированными в нервной системе путями. Невозможно было объяснить этим понятием адаптивность реакций организма и его обучаемость.

[Ярошевский, 1976, с. 332–333].

4.3. Бихевиоризм как попытка объективного изучения поведения

Бихевиоризм (от англ. behavior – поведение) – направление в американской психологии, сводящее психику к различным формам поведения, понимаемого как совокупность реакций организма на стимулы внешней среды, и отрицающее сознание как предмет научного исследования. Он возник вследствие кризиса в психологии интроспекционизма.

В 1913 году американский психолог Д. Уотсон (D. Watson), изучавший поведение животных, издал манифест психологии нового типа – бихевиоризма. В нем он писал: «Психология, как ее видят бихевиористы, является объективной отраслью естественных наук. Ее теоретическая цель – предсказание и контроль поведения. Как интроспекционные формы не являются основной частью ее методического аппарата, так и научная ценность ее данных не зависит от того, насколько они готовы быть проинтерпретированными в терминах сознания. Бихевиорист, пытаясь получить единую схему ответной реакции, не признает границы между человеком и животным. Поведение человека, при всей утонченности и сложности его форм, составляет лишь часть общей схемы исследований бихевиориста» [1913, с. 158].

В работах по психологии животных Уотсону пришлось столкнуться с серьезными препятствиями – менталистским постулатом о неспособности животных к интроспекции, значительно затруднявшим работу в этой области. Психологам приходилось «конструировать» содержание сознания животных по аналогии с собственным разумом. Более того, традиционная психология была антропоцентричной, т. е. оценивала открытия в области психологии животных лишь в той мере, в какой они касались вопросов психологии

человека. Уотсон считал такую ситуацию неприемлемой и ставил перед собой задачу изменить приоритеты...

Вторая причина, по которой Уотсон отвергал интроспекцию, была философской: интроспекция не походила на методы естественных наук и, следовательно, вообще не была научным методом. В естественных науках хорошие методики давали «воспроизводимые результаты», и если их не удавалось получить, то «нападали на условия эксперимента» до тех пор, пока не удавалось добыть надежные данные. Но в психологии сознания мы должны изучать частный мир сознания наблюдателя. Это означает, что в том случае, когда результаты не ясны, вместо нападков на условия эксперимента психологи критикуют наблюдателя, занятого интроспекцией, говоря: «ваша интроспекция плохая» или «нетренированная». Уотсон придерживался той точки зрения, что результаты интроспективной психологии несут в себе личный элемент, не характерный для естественных наук.

[Лихи, 2003, с. 262].

Д. Уотсон предложил при изучении поведения человека привлекать те же методы исследования, что и при изучении поведения животных. Таким образом, он призывал не очеловечивать людей, в то время как другие ученые призывали не очеловечивать животных. Уотсон считал, что психология должна отказаться от всех ссылок на сознание. Из-за того, что сознание невозможно изучить достоверно, писал Уотсон, психологам его вообще не нужно изучать. Изучение сознания нужно оставить философам.

Уотсон заявлял, что традиционная психология сознания, как и психоанализ, никогда не имели права называться наукой и поэтому больше не заслуживают внимания. В своих работах он ассоциировал психологию сознания с религией и утверждал, что ее понятия «разума и сознания (души)» были не чем иным, как пережитками церковных догм Средневековья, помогавшими церковникам удерживать общество под своим контролем.

Психологию он определял как науку о приспособительном поведении, в которой нет места таким терминам, как сознание, психические состояния, разум, содержание, воображение и т. п. Вместо этого следует использовать понятия «стимул» и «реакция», «формирование привычки», «интеграция привычек» и т. д. Сутью психологии, по Уотсону, должно быть *наблюдаемое поведение*.

Д. Уотсон придерживался S – R-формулы, так как применял классическую парадигму выработки условного рефлекса ко всему поведению. Все психические явления сводятся к реакциям организма, преимущественно двигательным; мышление отождествляется с речедвигательными актами, эмоции – с изменениями внутри организма и т. д. За единицу поведения принимается связь стимула и реакции. Зная реакцию, можно предсказать стимул, а зная стимул, можно предсказать реакцию. Законы поведения фиксируют отношения между тем, что происходит на «входе» (стимул) и «выходе» (двигательный ответ) системы организма. Процессы, происходящие внутри этой системы (как психические, так и физиологические), бихевиоризм считает не поддающимися научному анализу, поскольку они недоступны непосредственному наблюдению. Таким образом, при изучении поведения Уотсон исключил не только сознание, которое открыто только для «внутреннего зрения» (интроспекции), но и нейрофизиологические процессы, поскольку они составляют предмет другой науки – нейрофизиологии головного мозга.

Уотсон утверждал, что головной мозг не вовлечен в процесс мышления (не существует «центрально инициируемых процессов»), но состоит из «слабого повторного воспроизведения... мышечных актов», особенно «двигательных привычек гортани». Он говорил: «Везде, где есть

процессы мышления, имеются слабые сокращения мускулатуры, участвующей в открытом воспроизведении привычного действия, и особенно в еще более тонкой системе мускулатуры, участвующей в речи... Образность становится психической роскошью (даже если она на самом деле существует), лишенной какого-либо функционального значения» (1913, с. 174). Призывы Уотсона могут шокировать рядового читателя, но мы должны понимать, что его выводы представляли собой логическое следствие моторной теории сознания... Согласно моторной теории, содержание сознания просто отражает связи «стимул-реакция», никак не затрагивая их; Уотсон просто указал, что, поскольку психическое содержание «не имеет функционального значения», нет никакого смысла, за исключением существующих предрассудков, заниматься его изучением: «Наш разум извращен пятьюдесятью годами, напрасно истраченными на исследование сознания». Периферическая теория как доктрина набирала силу в психологии, по крайней мере, со времен И. М. Сеченова, и уотсоновскую версию этой теории необходимо искать в самых влиятельных и важных формах бихевиоризма...
[Лихи, 2003, с. 264].

Обучение, согласно Уотсону, происходит путем «обусловливания»: в результате повторных сочетаний двигательная реакция связывается с определенным стимулом, который в дальнейшем начинает ее вызывать. При этом он опирался на учение И. П. Павлова об условных рефлексах, однако понимал его схематически, игнорируя роль процессов и механизмов высшей нервной деятельности. Опыт, по Уотсону, – это биологическое приспособление, лишенное психологического смысла и содержания.

Уотсон неоднократно повторял, что не существует центрально инициированных процессов, их инициация определяется внешними стимулами. Не существует функциональных психических процессов, играющих роль причин поведения. Существуют лишь цепи поведения, некоторые из них труднодоступны наблюдению, например мышление, являющееся лишь скрытым поведением (происходящим по большей части в гортани; с точки зрения современной психологии это внутренняя речь), которое иногда имеет место между стимулом и ответной реакцией.

Уотсон писал, что те, кто верит в существование центрально инициированных процессов, т. е. в то, что поведение начинается в головном мозге, а не инициируется некими внешними стимулами, на самом деле верит в существование души. Его позиция была крайне радикальной, так как он отрицал не только существование души, но и утверждал, что кора головного мозга не делает ничего, что выходит за рамки работы трансляционной станции, соединяющей стимул и реакцию.

Уотсон считал, будто богатая эмоциональная жизнь взрослого человека – всего лишь энное количество условных рефлексов, выработанных на протяжении многих лет его развития.

Уотсон рассматривал бихевиоризм как средство избавления от невежества и предрассудков в жизни человека, расчищая, таким образом, путь для более рационального и осмысленного существования. Он полагал, что понимание принципов поведения станет первым шагом к подобной жизни.

Работы Уотсона и бихевиористов имели положительное значение, так как стимулировали разработку объективных методов изучения психики и были направлены против идеалистической интроспективной психологии. Кроме того, благодаря Уотсону в круг психологических проблем было включено поведение. В то же время идеи бихевиористов содержали и крупные недостатки: отрицание сознания, сведение поведения к внешним приспособительным актам, отождествление поведения человека и животных и др., о которых говорилось выше. Бихеви-

оризм Уотсона отвергал религию и нравственный контроль над поведением. Целью Уотсона было заменить их наукой и технологическим контролем.

Поэтому кроме положительных откликов на воззрения Уотсона были и критические выступления его современников. Р. Йеркс, например, писал, что Уотсон «вышвырнул за борт» метод самонаблюдения, который отделил психологию от биологии, и что при бихевиоризме психология станет просто фрагментом физиологии. Г. Маршалл считал, что отождествление исследований поведения и физиологии является поразительной путаницей в мыслях и что надо продолжать изучать сознание, каковыми бы ни были успехи бихевиоризма. Ряд ученых (А. Джонс, Э. Титченер) относили бихевиоризм как метод изучения поведения не к психологии, а к биологии.

На основании разнообразных наблюдений над антропоидами Йеркс (1927) дает следующий список особенностей, характеризующих решение проблемы с помощью понимания: 1. Общий обзор, более детальное рассмотрение и настойчивое обследование проблемной ситуации. 2. Колебания, остановки, поза сосредоточенного внимания. 3. Попытки более или менее адекватного реагирования. 4. В случае, если первоначальный способ реагирования окажется неадекватным, испытание других способов реагирования, причем переход от одного способа к другому резок и часто внезапен. 5. Постоянное или часто возобновляющееся внимание к конечной цели; оно же является и мотивирующим фактором. 6. Наступление критического пункта, когда организм внезапно, прямо и определенно совершает требуемое приспособительное действие. 7. Легкость повторения однажды уже произведенной приспособительной реакции. 8. Замечательная способность обнаруживать существенные стороны или отношения проблемной ситуации и обращать сравнительно мало внимания на изменение несущественных моментов.

[Вудвортс, 1981, с. 232–233].

Одним из сторонников точки зрения на бихевиоризм как науку о механизмах, касающихся механических движений организмов, был Карл Лешли (1890–1958). Он писал, что сущность бихевиоризма заключается в вере в то, что исследование человека адекватно описывается понятиями механики и химии. Он верил, что можно создать физиологическую психологию, которая сразится с дуалистами на их собственной территории, и что получаемые данные можно включить в механистическую систему. С его точки зрения, физиологическое рассмотрение поведения будет полным и адекватным отчетом обо всех явлениях сознания. Он настаивал на том, что все психологические данные, независимо от способа их получения, подвергались физической или физиологической интерпретации.

Лешли писал, что выбор между бихевиоризмом и традиционной психологией превратился в выбор между двумя несовместимыми мировоззрениями, научным и гуманистическим. Психология должна освободиться от «метафизики и ценностей», а также от «мистического обскурантизма», чтобы превратиться в физиологию. В физиологии, писал Лешли, можно отыскать принципы объяснения, которые сделают психологию естественной наукой. Это позволит психологам взяться за решение практических проблем в области педагогики и психиатрии, что невозможно в рамках интроспективной психологии.

Такое узкое понимание бихевиоризма практически уничтожило психологию как независимую дисциплину.

...Основная проблема бихевиоризма заключалась в том, чтобы рассматривать психические явления, не привлекая разум. Более либеральные бихевиористы могли – и, в конце концов, были вынуждены – оставить

разум в психологии в качестве невидимого, но, тем не менее, являющегося причиной поведения фактора. Однако бихевиоризм, по крайней мере, на ранних этапах своего развития, а затем в радикальном крыле, старался исключить разум из сферы психологии. Уотсон, затем К. Лешли и другие бихевиористы редуccionистского, или физиологического, толка, пытались сделать это, заявляя, что сознание, цель и познание представляют собой всего лишь мифы, поэтому задача психологии – описание опыта и поведения как продуктов механистических операций нервной системы. Моторная теория сознания подкрепляла эту аргументацию, поскольку демонстрировала, что содержание сознания представляет собой всего лишь ощущения движения тела, которые свидетельствуют о поведении, а не являются его причиной. [Лихи, 2003, с. 276–277].

Несмотря на то что идеи бихевиоризма имели силу в американской психологии вплоть до 50-х годов XX века, уже в 20-е годы начался его распад на ряд направлений (К. Л. Халл, Э. Ч. Толмен), вследствие имевшихся изъянов в исходных принципах. Психологи, придерживавшиеся одного из этих направлений, пришли к выводу о необходимости включения в состав главных объяснительных понятий психологии понятия образа, внутреннего (ментального) плана поведения и др., а также обращения к физиологическим механизмам поведения. Так возник необихевиоризм.

Сам же Уотсон упорно отстаивал свои взгляды, высказанные в 1913 году. «Я верю сейчас, как никогда, в будущее бихевиоризма – бихевиоризма как спутника зоологии, физиологии, психиатрии и физической химии», – писал он в 1936 году [цит. по: Хегенхан, Олсон, 2004, с. 56].

...По основным вопросам психологии Фрейд и Халл высказывали похожие мысли. И тот, и другой крайне отрицательно относились к религии и считали, что психология никогда не станет естественной наукой, если не освободится от таких, с их точки зрения, абсурдных категорий, как представление о Боге, душе, грехе и любящей доброте. И тот, и другой были ортодоксальными детерминистами и полагали, что научное исследование человека может строиться по моделям, сходным с физикой XIX в., и что они могут интерпретировать идею «свободной воли» с помощью чисто механических понятий. И тот, и другой были уверены в бессмысленности изучения сознательного опыта, хотя их уверенность и зиждилась на разных основаниях: Халл считал, что такое исследование неизбежно приведет к психологизированным или религиозным концепциям, а Фрейд был очарован мощью бессознательных процессов.

И Фрейд, и Халл верили, что психология может стать наукой, основанной на количественных расчетах, и что объектом психологических исследований будут физиологические процессы (при этом ни Фрейд, ни Халл напрямую не использовали физиологические данные в своей работе)... И тот, и другой очень не любили «кабинетные умствования», потому что таковые характеризуются размытостью, морализаторством и не подкрепляются доступными наблюдению фактами поведения.

[Мак-Клелланд, 2006, с. 150].

Кларк Халл [Hull, 1943] считал необходимым устранить из научного словаря такое понятие, как цель. Он полагал, что ее можно заменить механизмом типа «стимул-реакция» и что психологам следует рассматривать организм человека и животных как машину. Поэтому себя Халл считал инженером, старающимся создать «совершенную саморегулирующуюся машину».

Весь процесс деятельности рассматривался Халлом только в объективистских, механистических понятиях. Он хотел, чтобы психология стала естественной наукой, похожей на физику XIX века. Отсюда Халл считал, что психологам необходимо использовать ключевые физические единицы измерения (масса, скорость и время) и опытным путем определить количественные взаимоотношения между этими единицами, т. е. сформулировать законы психологии, аналогичные законам классической физики. Функция психолога, с точки зрения Халла, состоит в определении базовых закономерностей поведения и применении их для объяснения всех видов сложных феноменов, начиная с психотерапии и кончая агрессией и войнами.

Халл предлагал проводить количественные измерения психологических феноменов и оставил в психологии только то, что можно было исследовать экспериментально.

Согласно теории Халла, объекты приобретают ценность вознаграждения в тех случаях, когда они ассоциируются с редукцией первичного драйва. Такие объекты называются вторичными, или обусловленными вознаграждениями (в отличие от первичных вознаграждений, которые (в качестве примера можно привести пищу) напрямую удовлетворяют инстинктивные потребности). Результаты раннего и очень важного эксперимента, проведенного Вольфе (Wolfe, 1936), свидетельствуют о том, что объекты действительно могут приобретать качество вторичного вознаграждения (причем даже для животных). Вольфе научил шимпанзе использовать жетоны для того, чтобы получать пищу. Вставив жетон в специальный автомат, животное могло получить кусочек банана или виноград. Шимпанзе научились даже дифференцировать жетоны различного цвета по критерию ценности: голубой жетон давал возможность получить пять порций, а белый – только одну. Вольфе показал, что ради получения жетонов шимпанзе работают почти так же усердно, как и ради мгновенного получения пищи (автомат выдавал вознаграждение с некоторой задержкой). Степень усердия конкретной обезьяны зависела от ценности предлагаемого жетона и от того, как много жетонов животное успело заработать. Больше того, шимпанзе копили жетоны, а если несколько жетонов бросали в клетку с двумя шимпанзе, то обезьяны вступали в борьбу за обладание «валютой». Другими словами, жетоны стали для шимпанзе вознаграждением, и произошло это потому, что животные ассоциировали их с редукцией первичного драйва голода.

Невозможно удержаться от аналогии с человеческой привычкой работать за деньги и копить их.

[Мак-Клелланд, 2006, с. 153].

Э. Ч. Толмен провел с сотрудниками серию экспериментов, поставивших под сомнение закон эффекта Торндайка и теорию научения Халла. В ходе экспериментов крысы сначала помещались на несколько дней в лабиринт, в котором не было пищи (вознаграждения, подкрепления). В течение нескольких дней животные исследовали лабиринт, после чего в конце лабиринта помещалась пища. Сразу же после этого животные обнаруживали значительное увеличение скорости и уверенности прохождения лабиринта по сравнению с теми крысами, которые в эксперименте получали вознаграждение (пищу) без предварительного изучения лабиринта. Отсюда Толмен ввел понятие *латентного научения* и сделал вывод, что для него не требуется ни подкрепления (как у Торндайка), ни редукции драйва (говоря другим языком – ослабления потребностного возбуждения, стремления к цели). Он полагал, что закон эффекта относится не к научению, а к совершению действия.

Однако сторонники теории Халла по-другому интерпретировали результаты экспериментов Толмена. Поведение крыс объяснялось возникновением драйва исследования, т. е.

склонности животных изучать новое помещение [Walker, 1959]. Согласно этому объяснению, новая обстановка рассматривается как драйв умеренной силы, которое животное предпочитает редуцировать, исследуя незнакомую местность. Латентное научение представляет собой функцию драйва исследования, а не голода. При предъявлении пищи животным оно «переносится» в «плоскость» другого драйва [Montgomery, Segall, 1955].

* * *

В России тоже проявилось стремление ряда психологов перейти к изучению психических явлений объективными экспериментальными методами. Например, А. П. Нечаев, как и И. П. Павлов, стремился отмежеваться от «метафизики», под которой он понимал теоретическое осмысление психологических фактов. Поэтому он отказывался выходить за пределы «точных фактов». Как пишет А. В. Петровский, «необходимо напомнить об известной условности границ между эмпирическим и естественнонаучным направлением в психологической науке того времени. Строго говоря, естественнонаучное направление можно рассматривать как левое крыло эмпирической психологии, а его представителей как передовых ученых, которые пытались преодолеть ограниченность эмпиризма в экспериментальной психологии...» [1961, с. 406].

4.4. Реактология К. Н. Корнилова

В 1923 году К. Н. Корнилов, ученик Г. И. Челпанова, опубликовал написанную им еще в предреволюционные годы диссертацию «Учение о реакциях человека». Когда наступило время перестройки отечественной психологии на базе марксистской идеологии (материалистической диалектики), Корнилов выступил против своего учителя и его «идеалистической» субъективной психологии. Он называл реакционными, буржуазными методами не только тесты и анкеты, но и так называемое объективное наблюдение, естественный и лабораторный эксперимент, сравнительно-генетический метод и др. (газета «За коммунистическое просвещение», 1936 г., 16 декабря).

...Метод активного опроса, применяемый И. Ахом, вместо восстановления душевных переживаний во всей их подлинности грозит сам внести дезорганизацию в эти переживания. Логизация последних, вместо их непосредственной передачи, усложнение переживаний посредством возбуждения частных мыслей при опросе, вместо необходимой изоляции исследуемой группы переживаний от всяких побочных явлений, неизбежное внесение вариаций в каждый эксперимент, вместо необходимой охраны постоянства условий эксперимента, – вот те существенные недостатки, которые грозит внести метод активного опроса в исследование душевных явлений.

[Корнилов, 1914, с. 19].

К. Н. Корнилов попытался разрешить противоречие между субъективно-эмпирической психологией и объективной психологией поведения. Для этого традиционные подходы, связанные с интроспективным изучением сознания, дополнялись психофизиологическими исследованиями реакций. Это направление психологии было названо им «реактологией».

Изменилась у него и трактовка психологических понятий. В «Учебнике психологии...» (1929) отсутствовал раздел об ощущении и восприятии. Вместо этого Корнилов говорил о воспринимающих механизмах нервной системы, опираясь при этом на физиологическое описание ощущений, внимание он называл «установкой при реакциях», эмоции –

инстинктивно-эмоциональными реакциями, воля вообще игнорировалась как предмет изучения, поскольку не укладывалась в рамки реактологических представлений.

Понимание Корниловым психического на раннем этапе его научной деятельности было весьма своеобразным, вульгарно-материалистическим. «То, что мы называем психикой и психическими явлениями, – писал он, – по своему существу есть не что иное, как процессы чисто энергетического порядка» [1921, с. 8]. «Психология есть не больше, как часть физики, ибо то, что мы именуем психическими процессами, есть не больше, как особый вид физической энергии» [1921, с. 142]. Не удивительно, что за эти высказывания он подвергся критике со стороны своего учителя Г. И. Челпанова (1926). Позже К. Н. Корнилов избавился от энергетизма психического и вульгарного материализма. Психика трактовалась им уже как свойство «наиболее организованной» материи, т. е. мозга.

В 1921 г. Корнилов издает книгу, названную им «Учение о реакциях человека»... Учение о реакциях человека в том виде, в котором оно формулируется в первом издании книги, во многом сходно с бехтеревской объективной психологией, отличаясь от последней главным образом более широким толкованием человеческого поведения. В центре этого психологического учения оказался не «рефлекс», как у Бехтерева, а «реакция». Понятие «реакция» включало следующие отличия от понятия «рефлекс»: а) универсальность (все ответные движения организмов, включая одноклеточных); б) целостный ответ организма, а не одного органа; и в) наличие психической стороны (у высших представителей животного мира).

По мысли Корнилова, переработка понятия «рефлекс» и расширение его до категории «реакция» способны были дать синтез двух основных противоборствующих в психологии направлений – субъективного и объективного. Субъективная психология брала психическое, субъективное, игнорируя движения, поведение. Объективная психология, игнорируя субъективную сторону, занималась исключительно ответными движениями... Реактивность рассматривалась в качестве свойства как неорганического, так и органического мира, как примитивно организованного животного, так и современного человека.

Сведение к реакции всех «самых сложных», «высоких» и «тонких» форм поведения обнаруживало методологическое родство реактологии с рефлексологией... Сводить все проявления психической деятельности к рефлексам (как и к реакциям) – значит игнорировать специфическое в механизмах поведения человека. Одно дело – рефлкторный принцип как теоретическое понятие, утверждающее детерминированность любых явлений жизнедеятельности (в том числе и психических) воздействиями среды, другое – сведение сложных форм поведения общественного человека к простым элементам, будь то рефлекс, суперрефлекс или реакция. Объяснять поведение человека закономерностями реакции – значит стирать качественные различия между сложнейшими психическими процессами и простейшими ответами на раздражения окружающей среды. То, что последние составляют естественную основу первых, никак не дает основания сводить первые к последним.

...Наиболее серьезной теоретической ошибкой Корнилова во второй половине 20-х гг. была... идея «органического синтеза» субъективной психологии и бихевиоризма.

...Корнилов делает понятие «реакция» центральным для своей психологической системы. В этом он видел путь к «диалектизации» психологии (состояния души, субъективное как предмет психологии – тезис; рефлекс, акты поведения – антитезис; реакция – синтез). Здесь, несомненно, сказывалось увлечение гегелевской триадой, которое в этот период было характерно для многих советских философов и психологов.
[Петровский, 1984, с. 131–133].

К. Н. Корнилов не связывал рефлекторную деятельность мозга с психикой и поведением человека, а в реактологии видел диалектический синтез субъективной и объективной тенденции в советской психологии, который позволяет сохранить понятия «сознание», «психика» при одновременном использовании результатов исследования в области физиологии рефлексов. При этом он полагал, что рефлексологи, сконцентрировав свое внимание на двигательных реакциях, не будут посягать на сферу, принадлежащую психологии.

В отличие от рефлексологии, изучавшей объективно наблюдаемые элементы поведения, Корнилов с сотрудниками, помимо объективно наблюдаемых проявлений реакции, учитывал и субъективный ее компонент, выявляемый с помощью интроспекции. Но, как и рефлексология, реактология тяготела к принципу энергетизма. Корниловым был сформулирован «закон однополюсной траты энергии», по которому между центральными (психическими) и периферическими (моторными) процессами существуют антагонистические отношения. Поэтому он полагал, что у представителей физического труда энергия «перетекает» в область моторики, а у людей, занятых интеллектуальным трудом, она концентрируется в умственной сфере. К чести К. Н. Корнилова, по мере разработки своей программы он постепенно отходил от своих наивных и ошибочных выводов.

У реактологии, как и у рефлексологии, был тот же конец. В конце 20-х годов XX века стала высказываться критика реактологии за ее механистичность. В 1930 году на поведенческом съезде было констатировано, что реактология потеряла свое влияние на психологию. В реактологической дискуссии, организованной «сверху» в июне 1931 года в ГИППе, Корнилов, директор этого института, стал главным обвиняемым. Критика последовала со стороны аспирантов и молодых сотрудников, являвшихся членами партячейки ГИППа, часть которых до этого были горячими сторонниками реактологии. Дискуссия носила не только научный, но и политический характер, о чем свидетельствует резолюция, принятая по результатам обсуждения реактологического направления в психологии: «Только что проведенная дискуссия по реактологической психологии с полной ясностью показала, что в области психологии мы имеем классово враждебные влияния, в основном в виде именно механистических взглядов. Эти механистические взгляды, переплетающиеся с идеалистическими теориями, особенно опасны потому, что они протаскивались как якобы подлинно диалектико-материалистические. ... До конца должны быть разгромлены остатки буржуазно-идеалистических теорий, являющиеся прямым отражением сопротивления контрреволюционных элементов страны социалистического строительства (челпановщина, нечаевщина, Лосев, Шпет и др.)... Грубый механицизм Корнилова, перерастающий в идеализм, идеалистическое штернианство Шпильрейна, грубый бихевиоризм Боровского, “культурническая” психология Выготского и Лурия, идеалистический физикализм гештальтпсихологии... и др., до последнего времени оставались не разоблаченными и выдавались за марксистские теории...» (Итоги дискуссии ..., 1931. С. 2–3).

К сожалению, правильная научная критика этих направлений, рьяно борющихся с субъективной психологией, а по существу пытавшихся заменить психологию как науку о субъективном мире человека, перемежалась с партийными лозунгами, придававшими дискуссии другую, идеологическую направленность.

В результате реактология была директивно запрещена, а Корнилов снят с поста директора института. Под огонь критики попали и другие: И. Н. Шпильрейн, бывший одним из

создателей отечественной психотехники, Л. С. Выготский, его ученик Р. А. Лурия, В. М. Бехтерев и даже косвенно И. П. Павлов. «Все это требует дальнейшей решительной борьбы против механицизма как основной опасности, т. е. корниловщины... против грубо биологизаторской бехтеревщины, против попыток истолкования при помощи метода условных рефлексов школы Павлова всего сложного и своеобразного поведения человека» [Итоги дискуссии ..., 1931. с. 3].

Глава 5. Отношение И. П. Павлова к психологии

5.1. Критический взгляд И. П. Павлова на психологию как науку

Отношение И. П. Павлова к психологии было весьма противоречивым. На протяжении всей своей научной деятельности он был решительным противником психологического анализа поведения *животных и отрицал зоопсихологию как науку*. «...Я резко с самого начала говорил, что зоопсихологии не должно быть. Если человек имеет субъективный мир явлений, то в зоопсихологии его не должно быть. Потому что животные нам ничего не говорят, – как же мы можем судить об их внутреннем мире?» – говорил И. П. Павлов на одной из «Сред» [Павловские среды ..., 1949, т. III (27 марта 1935 г.), с. 163].

Дело не ограничилось спокойным отречением Павлова от психологии как науки. В нем появилось чувство непримиримой вражды к этой не оправдавшей себя «союзнице физиологии». Вне всякого сомнения, в этом отходе Павлова от психологии сказывалось и его мировоззрение. Будучи убежденным материалистом, он считал, что тогдашняя психология с основным своим исследовательским методом – интроспекцией – все еще насквозь проникнута идеализмом, не дозрела до уровня точной науки, не имела ясной теории и четкого исследовательского метода. Поэтому, с его точки зрения, материалисту-физиологу ошибочно, бесполезно и бессмысленно для решения сложных вопросов нервной деятельности прибегать к помощи такой «науки». [Асратян, 1974, с. 180–181].

В отношении же психологического анализа поведения человека в разные периоды своей научной деятельности Павлов высказывал разные точки зрения. Поначалу, занявшись изучением условнорефлекторной деятельности, он отрицательно относился к психологии как науке о субъективном и ее возможностях в познании механизмов поведения. Например, произнося речь 24 марта 1913 года, он заявил: «...Центр тяжести в научном изучении нервной деятельности больших полушарий лежит в определении путей, по которым нервный процесс разливается и сосредотачивается, – задача исключительно пространственного мышления. Вот почему мне представляется безнадежной, со строго научной точки зрения, позиция психологии как науки о наших субъективных состояниях» [1951, с. 155].

Повторяемые нами изредка, еще и теперь, для сравнения субъективные соображения поистине сделались насилием, можно было бы сказать, – обидой серьезного мышления! [Павлов, 1996, с. 64].

Теперь, господа, насчет психологов. Все-таки, они какие-то специалисты не фактов, а специалисты слов. С фактами же они совершенно не считаются. Это какая-то особенная порода думающих людей...

Удивительная штука, суют слова, а никак сговориться не могут, что они значат. Меня это удивляет, потому что я знаю, что много годов тому назад американцы обнаружили чисто американскую отвагу и хотели составить психологический словарь. При таких условиях это совершенно безнадежная задача. Долгое время дело у них не шло, от одного редактора оно переходило к другому. Наконец, оказался какой-то энергичный человек... Он, наконец,

издал этот словарь, но покупать и тратить на него деньги не стоит. Никакого толку нет, до такой степени все неудачно!

[*Павловские среды ...*, 1949, т. III, с. 157].

Нет, несомненно, это особенная порода людей, это особенная область, где мысль настоящая не имеет хода, а постоянно закапывается черт знает во что.

[*Павловские среды ...*, 1949, т. III, с. 162].

Психологическая мысль особенная, она не стоит на том, что слова это есть знаки и что если ты хочешь употреблять слова, то каждую минуту за своими словами разумеешь действительность.

[*Павловские среды ...*, 1949, т. III, с. 163].

В «Лекциях о работе больших полушарий головного мозга» И. П. Павлов пишет: «... Та деятельность, которая производится большими полушариями, рассматривается не с точки зрения, с которой рассматривается деятельность остальных органов тела и даже других частей центральной нервной системы. Эта деятельность больших полушарий получила название особой *психической* деятельности, как мы чувствуем, воспринимаем ее в себе и как она предполагается и у животных по аналогии с нами самими. Отсюда положение физиолога получилось в высшей степени своеобразным и затруднительным. С одной стороны, изучение деятельности полушарий, подобно другим частям организма, как будто его дело, а с другой – выходит, что это есть предмет особой науки, психологии. Как же быть физиологу? Может быть, вопрос надо решить так, что физиолог должен запастись психологическими методами, знаниями и затем уже приступить к изучению деятельности больших полушарий. Но здесь есть существенное осложнение. Понятно, что физиологии постоянно в ее анализе жизни приходится опираться на более точные, совершенные науки: на механику, физику и химию. Но в этом случае – совсем другое. Теперь пришлось бы основываться на науке, которая своим совершенством сравнительно с физиологией похвалиться не может. Существовал даже еще недавно спор, можно ли вообще психологию считать естественной наукой и даже наукой вообще. Не входя в существо дела, я приведу лишь грубые внешние факты, хотя, как мне кажется, все же убедительные. Сами психологи не считают свою науку точной наукой. Выдающийся американский психолог Джемс (James) еще недавно называл психологию не наукой, а только “надеждой на науку”. А вот еще более внушительное заявление, исходящее от Вундта (Wundt), который, будучи прежде физиологом, стал затем знаменитым психологом и философом и явился даже основателем так называемой экспериментальной психологии. Перед войной, в 1913 г., в Германии поднялся вопрос об отделении в университетах психологии от философии, т. е. об учреждении двух кафедр вместо прежней одной. Вундт оказался противником этого отделения, и, между прочим, на том основании, что по психологии нельзя составить общеобязательной программы для экзамена, так как у каждого профессора своя особая психология¹⁹

---

¹⁹ Удивительно, но в этом отношении мы недалеко ушли от того, что было при Вундте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.